

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 10 (76). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Адрес учредителя и издателя: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Герасимов К. Б. – д-р экон. наук, доц.;

Ершова С. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Климовец О. В. – д-р экон. наук, проф.;

Климчук С. В. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Насырова Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Казахстан;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Стародубцева Е. Б. – д-р экон. наук, проф.;

Шманева Л. В. – д-р экон. наук, доц.;

Шмарловская Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 7 от «31» октября 2024 г.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4,

Подписано в печать «_» _____ 20__ г. Формат 70x100 1/16.

8,3 усл. п. л. Тираж 25. Заказ № _____.

Цена «Бесплатно».

Дата выхода в свет «_» _____ 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-ecoman.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2024 г.

УДК 339.54

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН

Горда А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx7777@mail.ru

Установлено, что традиционная парадигма внешнеторговой политики государства, обычно опирающаяся лишь на стандартный инструментарий регулирования экспортных и импортных операций, не соответствует современным геополитическим требованиям стран. Определены направления трансформации внешнеторговой политики стран. Разработана логико-структурная схема трансформации внешнеторговой политики страны в условиях неравномерности глобального экономического развития, которая включает в себя цели и сферы трансформации в контексте глобального экологического и цифрового перехода, а также меры, необходимые для эффективного внедрения этих изменений, с выделением необходимости согласования в рамках ВТО использования политики цифрового неопротекционизма, что важно как для развитых, так и для развивающихся стран в контексте глобальных цифровых трансформаций.

Ключевые слова: международная торговля, глобальная торговля, международная торговая политика, внешнеторговая политика, трансформация, неопротекционизм, цифровизация, цифровая торговля.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная экономика переживает целый ряд турбулентных вызовов. Инфляция, которая выше, чем наблюдалась за несколько десятилетий, усиление финансовых проблем во многих регионах мира, последствия пандемии COVID–19 – всё это сильно влияет на прогнозы развития мировой экономической системы. Нормализация монетарной и фискальной политики, обеспечившая беспрецедентную поддержку во время пандемии, охлаждает спрос, поскольку политики стремятся снизить инфляцию до целевого уровня. Но все большая часть экономик замедляется или резко сокращается. Многие страны с низким уровнем дохода сталкиваются с серьезными фискальными трудностями. В то же время обострение геополитических и геоэкономических противоречий повысили вероятность значительных геополитических срывов. Хотя влияние пандемии в большинстве стран смягчилось, ее длительные волны продолжают нарушать экономическую деятельность, особенно в Китае. А волны сильной жары и засухи в Европе, Центральной и Южной Азии свидетельствуют о перспективах негостеприимного будущего, испорченного глобальным изменением климата.

Таким образом, множество негативных факторов обуславливают тот факт, что мировая экономика находится в состоянии широкомасштабного замедления своего развития, поскольку есть риски дальнейшего снижения темпов социально-экономического развития многих стран мира.

В то же время активизация международной конкуренции и углубление международного разделения труда обуславливают необходимость эффективного вовлечения национальных экономик в глобальные торговые потоки. В указанных

условиях традиционная парадигма внешнеторговой политики государства, обычно охватывающая лишь стандартный инструментарий регулирования экспортных и импортных операций, не соответствует геополитическим требованиям стран. Особенно актуален этот вопрос для развитых стран мира, поскольку конкуренция за лидерские позиции на мировой арене высока. Дополнительно требуют изменений внешнеторговой политики цифровые трансформации и переход к парадигме устойчивого развития.

Ведущие страны мира, такие как США, Европейский Союз, Китай, Индия, Россия, Япония и другие, понимая роль цифровых технологий, цифровизации, перехода к новой промышленной парадигме с развитием Индустрии 4.0 и технологических сдвигов в экономическом развитии, видят цифровые трансформации как приоритетные, что, в свою очередь, влияет на трансформации и внешнеторговой политики. Развитые страны сосредоточены на защите национальной экономики и защите внутренних производителей: законодательно регулируются экспорт, реэкспорт продукции и технологий из страны; передача продукции и технологий на территории других государств, поддержка европейской цифровой повестки дня является приоритетом внешнеторговой политики ЕС, цель которой состоит в том, чтобы обеспечить лидирующие позиции ЕС в цифровой торговле и в сфере технологий. Развивающиеся страны направлены на большую интеграцию в глобальные цепочки добавочной стоимости и поставок, что предполагает планомерное повышение уровня открытости экономики как в торговой, так и в инвестиционной сфере.

Теоретико-методические и практические аспекты трансформации внешнеторговой политики стран мира исследованы в трудах таких отечественных ученых, как: Никитина М. Г., Побирченко В. В., Шутаева Е. А. [1], Губкина М. С., Климова В. В. [2], Кутовой В. М. [3], Лихачев М. О. [4], Мамедов Т. Н. [5], Рарова Е. С. [6], Сватеев П. Р. [7], Сидоров Ю. В., Бочков П. В., Блинова Е. А. [8], Урику С. С. [9], Сутырин С. Ф. [12] и многих других. В то же время, несмотря на большое число проведенных исследований и достаточно глубокое изучение разнообразных аспектов данных процессов многими зарубежными и отечественными учеными, актуальными остаются дальнейшие исследования проблемных сторон трансформационных процессов в сфере реализации национальной внешнеторговой политики стран мира.

Целью статьи является определение императивов и перспективных направлений трансформации внешнеторговой политики стран в условиях цифровизации мировой экономической системы.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Теория трансформации получила широкое развитие в различных научных областях и исследовательских школах. Под трансформацией понимаются значительные изменения системного характера в экономической, социальной, политической сферах, которые могут происходить эволюционным и революционным путем. Эволюция – это продолжающийся постепенный непрерывный процесс,

обусловленный изменениями в знаниях общества [10], тогда как революционная трансформация, как правило, обусловлена кризисными процессами.

В процессе исследований системной трансформации в государствах с трансформационной экономикой и развивающихся странах исследователи выделяют два основных направления трансформации. Первый предполагает либо эволюционные, либо революционные изменения существующей системы от плановой к рыночной экономике. Второй вариант – это так называемая обратная трансформация: от рыночной обратно к плановой или смешанной экономике с большим государственным вмешательством в экономическую систему. В последнее время процессы обратной трансформации обсуждаются по поводу развития ЕС и его нелиберального поворота в политике [11].

Можно гипотетически предположить четыре сценария трансформации международной торговой системы (рис. 1). Первый сценарий – это эволюция трансформационных процессов в русле дальнейшей гиперглобализации. Второй сценарий будет отражать развитие международной торговой системы при преимущественном влиянии процессов деглобализации (обратная трансформация). С точки зрения цикличности процессов трансформации можно предположить третий сценарий – развитие международной торговой системы при чередовании влияния гиперглобализации и деглобализации. Наконец, четвертый сценарий – революционная трансформация, резкое изменение парадигмы, появление новых явлений в хозяйственной жизнедеятельности, требующих других инструментов глобального управления [12].

При любом из вышеуказанных сценариев трансформации международной торговой системы успешное развитие любой страны в значительной степени зависит от умения организовывать защиту ее национальных экономических интересов. В торгово-экономической сфере – это, прежде всего, защита национального товаропроизводителя и обеспечение его доступа к зарубежным рынкам. Сегодня в мире накоплен богатый опыт защиты внутренних товарных рынков и национальных товаропроизводителей от недобросовестной внешней конкуренции.

Нынешние тенденции в мировой экономике, углубление внешнеэкономических связей, неравномерность развития отдельных стран, модификация товарного производства, относительное выравнивание цен на аналогичные товары в разных странах способствуют интенсивному развитию в глобальной торговой системе более эффективного и гибкого протекционизма, основу которого составляют постоянно модифицирующиеся и усложняющиеся нетарифные методы регулирования.

В современных условиях развития мировой экономики активизация нетарифного протекционизма, прежде всего, вызвана глобальными мотивами, к которым можно отнести существенное снижение уровня тарифных ставок и связывание тарифов в рамках ВТО, глобальный экономический кризис, спровоцировавший увеличение количества случаев применения нетарифных методов и обострение международной конкуренции.

В связи с либерализацией международной торговли в рамках ВТО произошел переход от применения таможенно-тарифного к преимущественно нетарифному регулированию. На глобальном уровне более половины объемов мирового импорта

осуществляется беспошлинно. По нулевым ставкам импортируются товары и услуги в Гонконг (Китай), Макао (Китай) и Сингапур.

Таблица 1. Сценарии трансформации международной торговой системы в условиях глобализационных процессов

Сценарий	Тип глобализации	Основные факторы развития	Роль ВТО
Эволюционная трансформация	Гиперглобализация	Расширение глобальных цепочек стоимости, усиление электронной торговли и торговли услугами	ВТО как один из инструментов регулирования наряду с РТС
Обратная трансформация	Деглобализация	Усиление протекционистских мер, образование торговых блоков	Снижение роли ВТО, главенствующая роль РТС
Циклическая трансформация	Чередование гиперглобализации / деглобализации	Цикличность экономического развития при балансировании внешнеторговой политики между свободной торговлей и протекционизмом	Углубление норм и правил ВТО и РТС
Революционная трансформация	Альтернативная глобализация	Смена парадигмы глобального управления	Ликвидация ВТО и образование новой организации

Составлено автором на основе [12].

С учетом вышеизложенного, с нашей точки зрения, представляется возможным предложить логико-структурную схему трансформации внешнеторговой политики стран в условиях неравномерности глобального экономического развития, которая включает в себя цели и сферы трансформации в контексте глобального экологического и цифрового перехода, а также меры, необходимые для эффективного внедрения этих изменений (рис. 1).

Во-первых, необходима поддержка восстановления и фундаментальной трансформации экономики в соответствии с экологическими и цифровыми целями и глобальными целями устойчивого развития.

В контексте усилий по восстановлению после глобального кризиса COVID–19 и экономического спада в результате обострения геополитических и геоэкономических конфликтов внешнеторговая политика должна продолжать выполнять свою основную функцию содействия обмену товарами и услугами таким образом, чтобы создавать возможности социально-экономического роста. В центре внимания должны находиться преимущества для граждан, работников и бизнеса.

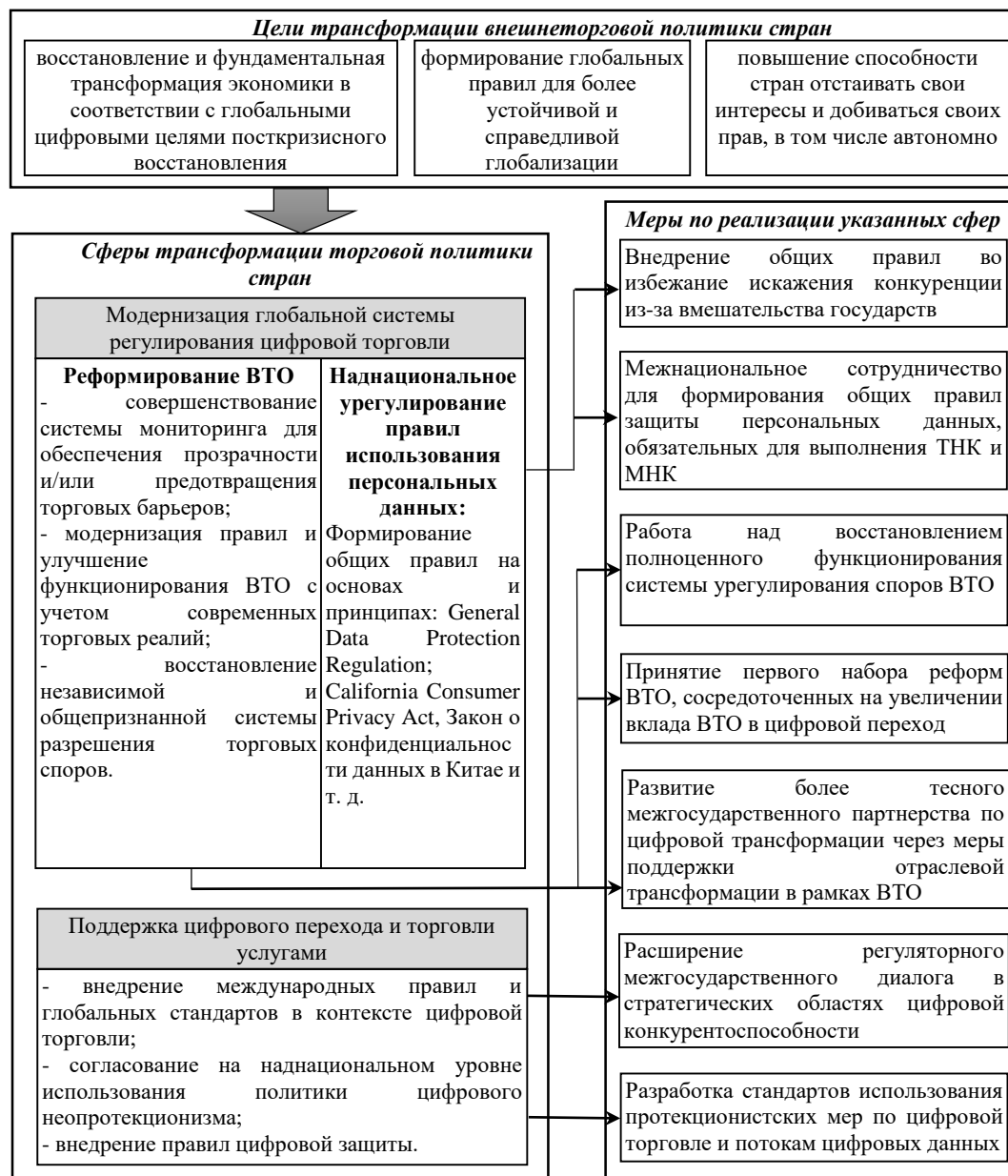

Рисунок 1. Логико-структурная схема трансформации внешнеторговой политики стран в условиях неравномерности глобального экономического развития.

Составлено автором.

Таким образом, внешнеторговая политика должна способствовать трансформации национальных экономик в соответствии с зелеными и цифровыми переходами. В то же время долгосрочная конкурентоспособность, процветание и

глобальная позиция стран будут зависеть от способности воспринять и использовать современные вызовы глобального экономического развития, включая цифровую трансформацию. Таким образом, зеленый и цифровой переход должен являться ключевым приоритетом многосторонней и двусторонней внешнеторговой политики.

Во-вторых, необходимо формирование глобальных правил для более устойчивой и справедливой глобализации. Глобальные правила торговли срочно нуждаются в обновлении, чтобы они отражали реалии современной экономической среды и вызовы, с которыми сталкивается мировое сообщество. Трансформация глобализации к более устойчивой и справедливой должна быть движущей силой внешнеторговой политики, отвечающей ожиданиям граждан во всем мире. Национальные торговые политики, прежде всего, стран-лидеров глобального экономического пространства (США, ЕС, Китай, Индия, Россия) должны использовать все имеющиеся в их распоряжении инструменты для поддержания социальной справедливости и экологической устойчивости.

Главным приоритетом для достижения этой цели должна быть эффективная работа по реформированию Всемирной торговой организации и повышению эффективности многосторонней системы управления торговлей. Укрепление стабильности и торговли, основанной на правилах, должно стать центральной опорой для реализации национальных внешнеторговых политик, поскольку только в такой среде торговля может процветать, а международное сотрудничество может развиваться в интересах глобального устойчивого будущего. В то же время необходимо обеспечить, чтобы правила соответствовали текущим экономическим реалиям и были хорошо адаптированы для реагирования на искажение конкуренции и обеспечения равных условий конкурентной борьбы.

В-третьих, необходимо обеспечение возможности стран отстаивать свои интересы и добиваться своих прав, в том числе автономно, там, где это необходимо. Заключение внешнеторговых сделок является важным инструментом для создания экономических возможностей и содействия устойчивости национальной экономики. Имплементация этих соглашений и соблюдение содержащихся в них прав и обязанностей гораздо важнее. Это должно включать в себя обеспечение того, чтобы каждая страна располагала правильными инструментами для защиты работников и бизнеса от недобросовестной конкуренции. Это также предусматривает большие усилия для обеспечения эффективной имплементации и выполнения разделов о устойчивом развитии в торговых соглашениях, чтобы поднять социальные, трудовые и экологические стандарты по всему миру. Укрепляя имплементацию и выполнение своих соглашений, национальная торговая политика создает условия развития, роста и инноваций для бизнеса; обеспечивает создание высококачественных рабочих мест по всему миру. Поддержка многосторонности и открытость к сотрудничеству не противоречит готовности стран действовать эффективно, защищая свои интересы и отстаивая свои права. Страны должны укрепить свой внешнеторговый инструментарий регулирования, если это необходимо, чтобы защитить себя от нечестной торговой практики или других враждебных акций, действуя в соответствии со своими международными обязательствами.

Для достижения трех целей, изложенных выше, предлагается сосредоточиться на трех сферах. Для каждой из этих сфер предлагается ряд основных действий, которые необходимо выполнить.

1. Модернизация глобальной системы регулирования цифровой торговли.

Регулирование должно осуществляться не только на уровне Всемирной торговой организации для установления правил на торговые ограничения, но и включать в себя жесткую политику защиты персональных данных на наднациональном законодательном уровне.

1.1. Наднациональное урегулирование правил использования персональных данных. Например, в ЕС уже существует Общий регламент защиты данных (GDPR). Это закон ЕС с обязательными правилами относительно того, как организации и компании должны использовать персональные данные безопасным способом. В целом суть GDPR заключается в том, что закон устанавливает обязанности для бизнеса и обеспечивает права для граждан. Компании обновляют или устанавливают свою программу соответствия защиты данных [13].

Другим примером является США, где в штате Калифорния действует California Consumer Privacy Act (CCPA), чья новая редакция вступила в действие с первого февраля 2023 г. Именно Калифорния сделала значительный шаг в инициативе укрепления законодательства по защите персональных данных, чей пример и опыт может быть имплементирован другими странами и на наднациональном уровне.

Китай также устанавливает подобные ограничения, в частности, по примеру европейского Общего регламента защиты данных. С 2021 г. в Китае действует масштабный закон о конфиденциальности данных, направленный на предотвращение сбора компаниями конфиденциальных личных данных клиентов на фоне роста количества интернет-мошенников в стране. Закон оказывает давление, прежде всего, на высокотехнологичные компании, работающие с интернет-платформами и генерирующие личные данные пользователей. Согласно этому закону, любые государственные и частные организации, обрабатывающие личную информацию, должны ограничить сбор таких данных и получить для начала согласие самих пользователей. Однако действие закона не распространяется на само государство: китайская государственная служба безопасности сохранит доступ к части личных данных граждан [14].

1.2. Реформирование ВТО. С момента основания в 1995 году ВТО принесла огромную пользу своим членам. Она обеспечила стабильную и хорошо прогнозируемую торговую среду, способствуя массовому расширению мировой торговли, и в то же время обеспечивая основу для разрешения торговых споров путем судебного разбирательства. Однако сейчас она столкнулась с кризисом, в условиях которого она не может обеспечить результаты переговоров, касающихся вызовов глобальной торговли. Способность организации разрешать торговые споры не работает, а ее систему мониторинга необходимо совершенствовать, чтобы обеспечить прозрачность и предотвратить возникновение всё новых торговых барьеров.

Правила и практику ВТО необходимо обновить и усовершенствовать, чтобы они отражали современные торговые реалии. Это должно основываться на том, что

членство в организации имеет общую цель: экономическое восстановление и развитие, экологическая и социальная устойчивость. Модернизация правил и улучшение функционирования ВТО, в том числе через открытые многосторонние соглашения, критически важны для преодоления искажений конкуренции и обеспечения согласованной основы для развития цифровой и устойчивой торговли.

Поскольку доверие к системе, основанной на правилах, в решающей степени зависит от независимой и общепризнанной системы разрешения торговых споров, восстановление системы урегулирования споров имеет решающее значение.

Для реализации указанных сфер, с нашей точки зрения, целесообразно реализовать следующие меры: принятие первого набора реформ ВТО, сосредоточенных на увеличении вклада ВТО в устойчивое развитие; принятие усиленных правил для избегания искажения конкуренции из-за вмешательства государства; работа над восстановлением полноценного функционирования системы урегулирования споров с помощью реформированного Апелляционного органа.

2. Поддержка зеленого перехода путём продвижения ответственных и устойчивых цепей создания стоимости.

Главная задача на следующее десятилетие состоит в том, чтобы инструменты торговли обеспечивали и поддерживали глобальный переход к климатически нейтральной экономике, включая ускорение инвестиций в чистую энергию и содействие развитию цепочек создания стоимости, которые должны быть циклическими, ответственными и устойчивыми. Это включает в себя содействие ответственному деловому поведению и уважению к окружающей среде, правам человека и трудовым стандартам. В то же время это означает создание условий и возможностей для развития производства устойчивых продуктов и услуг.

Необходимо дальнейшее укрепление аспекта устойчивости существующих и будущих сделок. Это усилит соблюдение обязательств по торговле и устойчивому развитию. Примером может служить механизм корректировки границ углерода. Также целесообразно наднациональное согласование по вырубке и деградации лесов. Важным элементом в обеспечении стабильности и ответственности цепей снабжения могут стать меры относительно устойчивого корпоративного управления, включая обязательную надлежащую проверку экологических, человеческих и трудовых прав.

Для реализации указанных сфер целесообразно реализовать следующие меры:

- продвижение в ВТО инициатив и действий, способствующих поддержанию климата и устойчивости экономики;
- на наднациональном уровне провести согласование обязательств по климатической нейтральности, укреплению сотрудничества по другим аспектам зеленого соглашения, таких как биоразнообразие, устойчивая продовольственная политика, загрязнение и циркулярная экономика; соблюдение Парижского соглашения как важного элемента в развитии международного сотрудничества;
- повысить эффективность имплементации и соблюдения разделов об устойчивом развитии в торговых соглашениях;
- содействовать развитию устойчивых и ответственных цепей создания стоимости через предложение об обязательной надлежащей проверке, включая

эффективные действия и механизмы обеспечения соблюдения экологических, человеческих и трудовых прав в странах.

3. Поддержка цифрового перехода и торговли услугами.

Внешнеторговая политика должна способствовать созданию среды, в которой национальные поставщики услуг могут внедрять инновации и развиваться. В качестве приоритета нужно обновить глобальную структуру интернациональных правил.

Цифровая сфера демонстрирует интенсивную глобальную конкуренцию, изменившую глобальные экономические отношения. Страны, где бизнес опирается на цифровые услуги, будут иметь предпосылки для социально-экономического роста. Цифровые данные критически необходимы для многих компаний и являются критически важным компонентом цепей поставок. Цифровые технологии обеспечивают повышение эффективности, необходимое для сохранения конкурентоспособности, но также трансформируют традиционные промышленные сектора, где компаниям нужно будет поддерживать и усиливать свои конкурентные позиции. В то же время цифровая трансформация и появление новых технологий имеют важный аспект безопасности для большинства стран и требуют тщательно выверенного внутреннего и внешнего политического подхода. Последствия новых цифровых технологий, включая искусственный интеллект, необходимо рассматривать глобально с помощью более актуальных глобальных стандартов и правил в цифровой сфере.

ВТО должна установить правила цифровой торговли. После их согласования страны-участницы должны поддерживать дальнейшие многосторонние переговоры в ВТО по либерализации торговли услугами в секторах, выходящих за пределы электронной коммерции. Необходимо согласование в рамках ВТО использования политики цифрового неопротекционизма. Что касается трансграничной передачи данных и запрета требований по локализации данных, важно, чтобы компании могли извлечь выгоду из международного свободного потока данных в полном соответствии с международными и национальными правилами защиты данных и другими целями государственной политики, включая общественную безопасность и общественный порядок.

Для реализации указанных сфер предлагается реализовать следующие меры:

- расширение регуляторного межгосударственного диалога в стратегических областях цифровой конкурентоспособности. Это потребует предварительного определения приоритетных сфер для регуляторного сотрудничества и более тесного диалога с ведущими странами и международными организациями по стандартизации;
- развитие более тесного межгосударственного партнерства по цифровой трансформации через меры поддержки отраслевой трансформации в рамках ВТО;
- разработка стандартов использования протекционистских мер по цифровой торговле и потокам цифровых данных.

ВЫВОДЫ

В результате проведенной оценки внешнеторговой политики развитых стран и определения императивов и направлений трансформации внешнеторговой политики стран была разработана логико-структурная схема трансформации внешнеторговой политики страны в условиях неравномерности глобального экономического развития, которая включает в себя цели и сферы трансформации в контексте глобального экологического и цифрового перехода, а также меры, необходимые для эффективного внедрения этих изменений, с выделением необходимости согласования в рамках ВТО использования политики цифрового неопротекционизма, что важно как для развитых, так и для развивающихся стран в контексте глобальных цифровых трансформаций.

Предложенные направления трансформации внешнеторговой политики сосредоточены на формировании нового типа наднациональной торговой политики, учитывающей существующие направления трансформации глобального экономического развития, а именно глобальных целей устойчивого развития и цифровой трансформации промышленной парадигмы. Особое место в предложенных трансформациях занимает необходимость согласования в рамках ВТО использования политики цифрового неопротекционизма, что важно как для развитых, так и для развивающихся стран.

Список литературы

1. Геоэкономика. Понятийно-терминологическая система: академический словарь / [М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, И. Н. Буценко]; под ред. М. Г. Никитиной. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. 287 с.
2. Губкина М. С., Климова В. В. Внешнеторговая политика страны и ее регулирование // Наука и образование транспорта. 2020. № 1. С. 231–234.
3. Кутовой В. М. Трансформация внешнеторговой политики на фоне пандемии COVID–19 // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2021. № 3. С. 74–82. – DOI 10.28995/2782-2222-2021-3-74-82.
4. Лихачев М. О. Оценка потенциала внешнеторговой политики страны как фактора формирования ее торгового и платежного баланса (теоретический аспект) // Экономические науки. 2022. № 212. С. 22–27.
5. Мамедов Т. Н. Специфика внешнеторговой политики различных групп стран в условиях трансформации мировой экономики // Вопросы региональной экономики. 2023. № 3 (56). С. 225–238.
6. Рарова Е. С. Анализ направлений внешнеторговой политики в Российской Федерации // Трибуна ученого. 2022. № 1. С. 237–241.
7. Сватеев П. Р. Внешнеторговая политика и ее тенденции в ведущих странах мира и России // Экономика. Бизнес. Банки. 2020. № 3 (41). С. 62–76.
8. Сидоров Ю. В., Бочков П. В., Блинова Е. А. Трансформации институциональных условий развития внешнеторговой деятельности стран–участниц ЕАЭС в условиях пандемии COVID–19 // Human Progress. 2022. Т. 8. № 2. С. 12.
9. Урику С. С. Трансформация современной внешнеторговой политики государств в целях повышения их конкурентоспособности // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2020. № 8. С. 68–72.
10. North D. C. Understanding the process of economic change. Princeton University Press, 2005. 200 p.
11. Onis Z., Kutlay M. Reverse transformation? Global shifts, the core periphery divide and the future of the EU // Journal of Contemporary European Studies. 2020. Vol. 28. P. 197–215.

12. Очерки по торговле и торговой политике России: монография / под общей ред. проф. С. Ф. Сутырина. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. 234 с.

13. GDPR Summary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gdprsummary.com/gdpr-summary/>

14. China's New Data Law Gives Xi the Power to Shut Down Tech Firms. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-10/china-passes-law-to-strengthen-control-over-tech-firms-data>

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 007.2:339.54:330.368(100)

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО НЕОПРОТЕКЦИОНИЗМА

Горда О. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx2777@mail.ru

В результате проведенного исследования автором было выявлено появление новых типов внешнеторговой политики в контексте активизации технологической трансформации экономического развития. Представлено собственное определение цифрового протекционизма, проанализированы практические аспекты реализации политики цифрового протекционизма в странах Азии и Европы. Определено, что новый тип протекционистских мер в условиях цифровизации (цифровой протекционизм) реализуется путем установления барьеров или помех для цифровой торговли при одновременном содействии становлению национальных цифровых компаний для получения государством новых сравнительных преимуществ. Определена актуальность цифрового протекционизма для Российской Федерации с целью повышения конкурентоспособности экономики страны.

Ключевые слова: международная торговля, внешнеторговая политика, протекционизм, неопротекционизм, цифровизация, цифровая торговля, тарифные и нетарифные меры регулирования.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность формирования качественного экономического роста национальных экономик во многом зависит от результативности интеграции страны в глобальную экономическую систему. Международная торговля является самым мощным детерминантом вовлеченности страны в мировые рынки, а национальные внешнеторговые политики – действенный инструмент, помогающий странам извлечь наибольшую выгоду от участия в процессах международной торговли. На современном этапе глобального экономического развития большинство стран как развитых, так и развивающихся, находятся на этапе кризиса, вызванного последствиями пандемии и локальными военными конфликтами: высокие темпы инфляции, снижение объемов производства и потребления, нарушение глобальных производственных цепей, и как результат, нестабильность монетарных и финансовых систем стран. С целью преодоления этих явлений государства должны эффективно поддерживать национальных производителей путем применения тарифных и нетарифных методов внешнеторговой политики, участия в глобальных и региональных торговых соглашениях, а методы этой поддержки варьируются в зависимости от актуальных целей стран, уровня социально-экономического развития и современных тенденций макроэкономических показателей национальной экономики.

Неравномерный характер развития мирового хозяйства на разных исторических этапах его развития, степень интеграции различных стран в систему международного разделения труда и их вклад в мировое производство, раскрытие факторов неравномерной динамики экономического прогресса стран и регионов мира

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН...

исследовало большое количество зарубежных ученых, среди которых следует отметить работы С. Амина, Г. Аталлы, Д. Белла, Б. Бинчака, Ф. Борншира, И. Валлерстайна, В. Вильданова, Д. Гелда, Г. Гереффи, Х. Гьорга, Т. Дос-Сантоса, П. Эванса, Э. Эмиля, Ф. Кардозо, Т. Колафи, К. Коулина, А. Мэддисона, Дж. Мида, Т. Миттона, Т. Морана, К. Омаэ, Я. Певзнера, Ф. Перру, Дж. Робинсона, У. Ростоу, Л. Склейера, Р. Солоу, Э. Стробла, Я. Тинбергена, Э. Фесера, Р. Флориды, Ф. Фукуямы, А. Хиршмана, Й. Шумпетера и многих других.

Отечественные ученые уделяют большое внимание не только анализу глобальных асимметрий социально-экономического развития, но и определению направлений внешнеторговых потоков, формированию новых производственных сетей и трансформации внешнеторговой политики стран мира. Указанная проблематика исследований достаточно подробно затронута в работах таких ученых, как: Вэнь В. [1], Никитина М. Г. [2, 9], Гинойн А. Б., Ткаченко А. А. [3], Губкина М. С., Климова В. В. [4], Ерохин В. Л. [5], Здобнова Т. Ю. [6], Кутовой В. М. [7], Мальцев А. А., Чичилимов С. В. [8], Овчинникова Л. С. [10], Сватеев П. Р. [11], Суслова Е. И., Симакина М. А. [12], Горбунова М. Л., Ливанова Е. Ю., Маковецкая Т. В., Стожарова Т. В. [13], Шукурова Д. Р. [14] и многих других.

Однако несмотря на значительное количество работ и основательное изучение отдельных аспектов данной проблематики зарубежными и отечественными учеными, в дальнейшем развитии нуждаются вопросы сущности и концептуальных основ формирования внешнеторговой политики стран в условиях неравномерности глобального экономического развития, что и обусловило выбор темы исследования.

Цель статьи состоит в исследовании концептуальных основ формирования внешнеторговой политики стран в условиях неравномерности глобального экономического развития.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Трансформация парадигмы мирохозяйственного развития, переход на новый технологический этап промышленного развития требует изменения внешнеэкономической политики страны в ответ на формирование и развитие эры цифровизации. Всё большее превалирование сектора цифровых и информационных технологий в экономике стран требует соответствующих мер по защите отечественных провайдеров этих услуг и активизации регуляторных механизмов в условиях глобальной информатизации. Ведущие страны мира, такие как США, страны ЕС, Китай уже предпринимают протекционистские меры по сокращению потока информации и знаний, перемещаемых через границы. Это приводит к формированию нового типа внешнеэкономической политики – цифрового протекционизма, внедрение определенных механизмов которого актуально также для Российской Федерации.

Общеизвестно, что протекционизм – это политика ограничения импорта товаров, которые отечественная экономика способна производить самостоятельно. Правительства стран, как правило, внедряют протекционистскую политику с целью

стимулирования экономической активности на внутреннем рынке. С другой стороны, реализация такой политики также может быть результатом беспокойства правительства или результатом растущего скептицизма в отношении многосторонних торговых соглашений. Кроме барьеров в торговле протекционизм все больше влияет на национальные активы, включая технологии, которые стали новым драйвером формирования глобальных конкурентных преимуществ лидеров глобальной экономики.

Теоретические основы протекционизма активно развивал Т. Мэн, акцентировавший внимание не на ограничении импорта, а на необходимости стимулирования отечественного экспорта. Протекционизм – это продажа иностранцам ежегодно на большую сумму, чем покупка у них. Целью экономической политики провозглашалось достижение положительного сальдо торгового баланса [15]. Отчасти иной взгляд на экономическую категорию протекционизма имеют другие представители классической школы политической экономики. Ф. Лист трактует это понятие как метод экономического управления, предусматривающий развитие внутренней конкуренции и содействие формированию сильного отечественного производителя, оттесняющего иностранного конкурента с внутреннего рынка. По Ф. Листу, цель протекционистской системы – это промышленное воспитание нации. Потребность в семье отпадает с созданием конкурентоспособной промышленности [16].

Протекционистская политика реализуется многими странами и ориентирована на снижение конкуренции и защиту национальной экономики на локальном внутреннем уровне. Однако, как известно, многие экономисты считают, что мировая экономика выигрывает от свободной торговли в целом, а протекционистские меры контрпродуктивны в глобальном масштабе.

Мировой опыт и реалии реализации политики протекционизма порождают многочисленные научные дискуссии по поводу целесообразности ее применения в той или иной стране. В частности, в контексте теории развития международной торговли идет достаточно острая полемика между сторонниками протекционизма и свободной торговли. Ведущие ученые–экономисты, аргументированно защищая свои взгляды, не могут найти ту верную «золотую середину» и оптимальный компромисс между этими двумя формами реализации внешнеторговой политики.

Протекционистская внешнеторговая политика способна обеспечить государствам более благоприятные условия для развития внутренней торговли, стимулирует рост объемов производства товаров и услуг посредством практической реализации целого комплекса тарифных и нетарифных инструментов внешнеторговой политики, ориентированных на ограничение доступа иностранных товаров и услуг на внутренний рынок. С другой стороны, в долгосрочной перспективе протекционистская внешнеторговая политика может обусловить замедление экономического роста государства ввиду снижения стимулов у отечественных производителей к совершенствованию технологий и оптимизации производственных процессов.

Внутри страны протекционистские меры, ограничивающие импорт, могут активно стимулировать рост объемов производства и торговли для предприятий,

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН...

получающих доступ к менее конкурентному рынку. Соответственно, расходы международных инвесторов на экспортные товары, услуги или технологии растут из-за торговых барьеров. Для развивающихся предприятий и новых участников рынка протекционизм также может стимулировать внутреннее развитие в отраслях, где доминируют международные корпорации.

Однако протекционизм может наносить ущерб национальной экономике из-за жестких ограничительных мер. Для бизнес-сообщества протекционистские меры могут быть катастрофическими из-за ограничений свободы торговли и подавления стимулов к внедрению инноваций. Это может привести к экономической изоляции для предприятий и рынков стран в долгосрочной перспективе.

Новое видение получает политика протекционизма в условиях XXI века – эпохи постиндустриализма и цифровизации. Особенностью современного этапа развития мирового хозяйства является переход на новый уровень развития – постиндустриальный этап, который еще можно охарактеризовать как Четвертую промышленную революцию, или, как ее называют, Индустрия 4.0.

В современных условиях концепция Индустрии 4.0 получила широкое распространение в мире. Переход к концепции Индустрии 4.0 свидетельствует, что в будущем такие бизнес-процессы, как поставка сырья и материалов, разработка и доведение товаров до потребителей и их обслуживание будут осуществляться через Интернет [17]. Развитые страны разрабатывают инновационные стратегии с учетом новых требований информационного общества, как ответ на главный вызов современности – недостаточные темпы цифровизации промышленных секторов и развития инноваций.

Особую актуальность и развитие цифровизация получила в период пандемии COVID-19. В период пандемии процесс стремительного развития сектора информационно-коммуникационных технологий, во-первых, характеризовался достаточно высокой неравномерностью, так как обусловленные COVID-19 ограничительные меры различались в разных странах, применялись в различные периоды времени, во-вторых, максимальное влияние испытал на себе сектор телекоммуникаций и сфера услуг, что было связано с повсеместным распространением удаленного формата работы сотрудников.

И в зарубежной, и в отечественной научной литературе влияние пандемии на международную экономическую систему проанализировано по множеству всевозможных направлений, среди них – влияние на глобальные цепочки производства добавленной стоимости, последствия, обусловленные дополнительными эмиссиями ключевых резервных валют, трансформации внешнеторговых отношений между государствами, а также рост значимости цифровых технологий. Отрасли с меньшим уровнем наукоёмкости производства, такие, например, как сельское хозяйство, традиционная промышленность и строительство в меньшей степени были подвержены влиянию пандемии и продолжали функционировать в относительно привычном режиме. В то же время в сегменте ИКТ-корпораций наблюдался стремительный рост как капитализации соответствующих компаний, так и инвестиционной активности – они выступили основными бенефициарами кризиса. Сфера информационно-коммуникационных

технологий оказалась востребованной в большем объеме и большим числом пользователей в таких областях, как удаленная работа, телемедицина, доставка продуктов питания и логистика, онлайн-платежи и бесконтактные платежи, дистанционное обучение и развлечения. Все это дает возможность сделать вывод о формировании условий и предпосылок к цифровизации и развитию цифровой экономики в мировом масштабе.

Цифровые технологии и изменения, которые они вносят в нашу жизнь и условия функционирования предприятий, сформировали новые экономические возможности, во-первых, связанные с развитием новых рыночных сегментов и новых способов реализации ранее представленных на рынке товаров и услуг. В результате активизировались процессы трансформации целых отраслей экономики и систем взаимодействия потребителей и производителей.

Эта тенденция, которая получила своё развитие сначала в развитых странах в конце прошлого века, на сегодняшний день приобрела глобальный характер с ярко выраженными региональными и технологическими лидерами, а изменения мировой экономики все чаще связывают со словом цифровизация [18].

Масштаб процесса таков, что к концу 2010-х годов стало возможным говорить о появлении новых, исключительно цифровых отраслей, которые чаще всего являются надстройкой над укрупняющимися специализированными цифровыми платформами [19]. Более того, меняется и сфера потребления: с развитием технологий и постоянным присутствием Интернета в повседневной жизни использование цифровых продуктов становится альтернативой физическим продуктам, к ним можно получить доступ из любого места. Примерами таких продуктов и услуг являются телекоммуникационные онлайн-приложения, электронные книги и потоковое вещание. Соответственно, ИКТ-инновации и цифровизация в целом, во-первых, неразрывно связаны с изменением поведенческих особенностей потребителей, а во-вторых, способны снижать размер материальных активов компаний, что становится важнейшей составляющей цифровизации бизнеса [20].

Хотя цифровизация не новый феномен, связанные с ней проблемы постоянно меняются. До пандемии дискуссия вокруг цифровизации в основном относилась к концепциям четвертой промышленной революции, Индустрии 4.0 и Интернету вещей (IoT). Пандемия привела к тому, что в цифровизацию оказались вовлечены даже те компании и отрасли, которые были относительно отсталыми в этом контексте. Во время пандемии перевод сотрудников на удаленную работу с использованием ИКТ приобрел беспрецедентный масштаб и стимулировал изменение потребительского поведения, а продолжительность пандемии запустила долгосрочный процесс внедрения новых видов ИКТ-товаров и услуг.

Увеличение роли сектора цифровых технологий и услуг в экономике большинства стран мира обуславливает необходимость практической реализации определенных мер по защите отечественных провайдеров этих услуг и активизации регуляторных механизмов в условиях глобальной цифровизации международной экономической системы.

Регуляторная конкуренция в постиндустриальной экономике реализуется средствами неопротекционизма. Его можно определить как совокупность принципов

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН...

(устойчивости, иерархичности, адаптивности, комплементарности, субсидиарности, сбалансированности, легитимации), инструментов (налоги, государственные расходы, трансферты, учетная ставка, резервные требования, валютные интервенции, контроль над денежной массой, валютный курс) и методов (административное регламентирование, в частности запреты, квотирование, лицензирование, контингентирование, предписания таможенных органов, технические и фитосанитарные нормы и правила безопасности, добровольное самоограничение поставок, антидемпинговые меры) регуляторной политики государства в сфере международной торговли, международного движения капитала и зарубежных инвестиций, а также международных валютно-финансовых и кредитных отношений, императивом реализации которой является стимулирование социально-экономического развития и экономического роста страны путем создания условий для повышения экономической активности всех субъектов хозяйствования, а также обеспечения конкурентоспособности национальных производителей на внутреннем и внешнем рынках путем повышения их производительности, а следовательно, содействия росту инновационности и технологичности выпускаемой продукции.

Регуляторная конкуренция в сфере инноваций осуществляется методом внедрения комплекса стимулирующих мер и использования инструментов повышения государственного инновационного потенциала и роста экспорта передовых отраслей (инновационный неопротекционизм). В информационной сфере регуляторная конкуренция предусматривает использование ограничений информационных потоков, имеющих коммерческую природу, в пользу отечественных компаний (информационный неопротекционизм). А в цифровой сфере она реализуется путем установления барьеров или препятствий для цифровой торговли при одновременном содействии становлению национальных цифровых компаний для приобретения страной новых сравнительных преимуществ (цифровой неопротекционизм).

Границы «закрываются» даже в цифровом мире, где страны пытаются ограничивать возможности свободной передачи данных за границу. Эта тенденция называется «локализацией данных» и означает, что компании вместо того, чтобы позволять свободное перемещение данных через границы, вынуждены создавать зеркальные копии хранящихся данных, а контроль в некоторых странах передается непосредственно местным надзорным органам.

Цифровой протекционизм в Азии (особенно в Китае) и странах Европы все больше угрожает развитию свободной трансграничной экономической деятельности. Веб-цензура, принудительная передача интеллектуальной собственности, локализация данных и обременительные правила конфиденциальности в совокупности тормозят развитие цифровой экономики.

Китаем уже внедрён, активно и повсеместно используется достаточно широкий арсенал механизмов и инструментов цифрового протекционизма – политики, направленной на подрыв позиций иностранных конкурентов и стимулирование экономического роста китайских компаний. Си Цзиньпин сделал государственный контроль над цифровой экономикой «большим приоритетом» для

Коммунистической партии Китая, поскольку она стремится достичь амбициозных целей социально-экономического роста страны.

Протекционизм современной эпохи в Китае принимает различные формы: веб-цензура, принудительная передача технологий через уполномоченные совместные предприятия с иностранными фирмами и новый закон о кибербезопасности, предъявляющий обременительные требования почти к каждой иностранной компании, ведущей бизнес в Китае. Новый закон о кибербезопасности требует физического размещения данных в Китае и ограничивает потоки данных из Китая: в страну данные поступают, но они не могут «выйти» за её пределы. Такие новые цифровые правила протекционизма детерминированы двумя факторами. Во-первых, как это было в последние несколько десятилетий в традиционных отраслях промышленности, Китай стремится к глобальному доминированию в нескольких высокотехнологичных секторах, которые, по прогнозам, будут на переднем крае роста в ближайшие десятилетия – искусственный интеллект (ИИ), робототехника, биотехнологии и автономные транспортные средства, и помимо прочих мер – использует цифровой протекционизм, чтобы создать привилегированное пространство для китайских фирм в выше перечисленных сферах. Во-вторых, Коммунистическая партия видит в свободном потоке данных и цифровых коммуникаций угрозу стабильности государства и стремится усилить государственный контроль над потоками данных.

Такой протекционизм не является новым или уникальным для Китая. Но размер и глобальное значение китайской экономики делает такой подход Пекина к цифровому протекционизму проблематичным для экономик США и ЕС. Однако западные страны и международные фирмы не готовы отказываться от соблюдения китайских ограничений из-за страха потерять доступ к крупнейшей экономике мира по паритету покупательной способности. Кроме того, африканские страны копируют меркантилистскую китайскую модель, о чем свидетельствует ужесточение государственных ограничений на Интернет и потоки данных в Эфиопии, Нигерии и Южной Африке.

Китайские исследователи определили, что китайский производственный экспорт реагирует на барьеры цифровой торговли стран-импортёров. Используя данные таможенной службы Китая за 2014–2018 гг. и данные ОЭСР об ограничении торговли цифровыми услугами, было обнаружено, что общий экспорт промышленной продукции Китая упал на 2,32 % или на 30,92 млрд долл. США из-за увеличения совокупных барьеров цифровой торговли стран-импортёров китайской продукции в период 2014–2018 гг. Дальнейший анализ показывает, что сокращение в большинстве своем объясняется уменьшением объема экспорта, при этом экспортные цены остаются относительно неизменными. Более того, цифровые торговые барьеры уменьшают китайский экспорт не только из-за дискриминации экспорта существующих товаров, но и из-за уменьшения возможностей экспорта новых товаров и увеличения риска выхода с рынка. Проведенный анализ показывает, что благоприятная институциональная среда помогает смягчить негативные последствия и экспорт высокотехнологичной продукции менее чувствителен к барьерам цифровой торговли [21].

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН...

В последние годы и Европейский Союз (ЕС) усилил меры цифрового протекционизма с целью создания единого цифрового рынка с общеевропейскими правилами относительно потоков данных, вводя строгие стандарты конфиденциальности, контролируя социальные медиа с целью предотвращения доминирования на рынке иностранных технологических фирм, преимущественно американских.

Европейский цифровой протекционизм соответствует легалистическому, строго регулируемому подходу Брюсселя к экономической политике, однако существует недостаток оценки взаимодействия конфиденциальности, безопасности и инноваций в цифровой сфере и экономике. К примеру, американские компании получают больше требований, чем европейские в контексте защиты конфиденциальности. Эти и другие требования, такие как локализация данных в различных государствах-членах, создают нормативное бремя, которое особенно дорого обходится малым и средним технологическим компаниям.

В европейском цифровом регулировании наблюдается тенденция к антиамериканским мерам, о чем свидетельствуют антимонопольные дела и ограничения для американских технологических компаний, ведущих бизнес в ЕС. Законы, направленные на сдерживание корпоративных титанов, часто накладывают существенное бремя требований, что наносит ущерб небольшим технологическим фирмам, тогда как, например, компания Google во всем мире легко выполняет эти требования. Несмотря на такие примеры, ЕС сотрудничает с США в данной сфере и вместе они предпринимают попытки противостоять китайскому цифровому протекционизму.

Новые технологии создают экономические возможности, но увеличение мер протекционизма, особенно в Китае, может угрожать конкурентоспособности США в критически важных секторах экономики. Об этом свидетельствуют, например, значительные объемы китайских инвестиций в полупроводники, а также доминирование Китая в цепях поставок мобильных телефонов пятого поколения, желание Китая занять лидирующие позиции в таких секторах как ИИ, робототехника, электрические и автономные транспортные средства, биотехнологии.

В контексте нашего исследования важно проанализировать существующие подходы к определению термина «цифровой неопротекционизм». Правительство США, вероятно, было первым правительством, которое дало определение цифровому протекционизму, поскольку цифровая торговля особенно важна для экономики США. Определение этого термина в США трансформируется, поскольку Интернет и связанные с ним услуги изменяются с течением времени. В 2013 г. Комитет по вопросам финансов Сената США (USITC) определил цифровой протекционизм как установление барьеров или препятствий для цифровой торговли, включая цензуру, фильтрацию, меры локализации и правила защиты конфиденциальности [22].

Многие ключевые торговые партнеры США не согласны со всеми аспектами определения США или с тем, что определенная политика является протекционистской по своей сути или намерению. Например, в 2015 г. члены Европейского парламента возражали против того, чтобы правительство США называло политику ЕС, например законы о защите данных, «протекционистской»

[23]. В свою очередь, Европейская комиссия в своих документах дает следующее определение: цифровой протекционизм – барьеры, ограничивающие трансграничные потоки данных и дискриминирующие товары и услуги, предоставляемые электронными средствами [24].

В таблице 1 систематизированы примеры существующих в мировой практике препятствий для цифровой торговли и их влияние на рынки.

Таблица 1. Препятствия для цифровой торговли и их влияние на рынки

Торговые барьеры	Страны	Характеристика	Влияние на рынок/торговлю
Тарифные барьеры			
Тарифы на цифровые товары	Не члены ВТО или других торговых соглашений	-	Дискриминация, искажение торговли
Нетарифные торговые барьеры			
Требования к локализации	Россия, Турция, Нигерия	Необходимо вести цифровую торговлю внутри страны или потребовать использования местного содержимого, например аппаратного или программного обеспечения	Может ограничить торговлю, может ограничить доступ к рынкам.
Ограничение потока данных	Вьетнам, Китай	Требования к хранению определенных типов данных на локальных серверах или требования обрабатывать их локально	Часто используется для защиты конфиденциальности или безопасности. Может ограничивать торговлю, может повлиять на способность фирмы применять наиболее эффективные технологии, может создать упущенные возможности для бизнеса/инноваций
Нарушения прав интеллектуальной собственности	Китай	Киберкражи интеллектуальной собственности, веб-сайты бесплатного обмена файлами	Может препятствовать инвестициям и потокам данных
Национальные стандарты и оценка соответствия	Россия	Требования к раскрытию исходного кода	Повышение затрат, может быть дискриминационным, может усложнить выход на новые рынки
Фильтрация/блокировка	Китай, Малайзия	Блокировка доступа к определенным сайтам или фильтрация/блокировка сервисов, таких как Facebook	Эквивалент пограничной стены: распространяется на другие рынки и может повлиять на стабильность и производительность сети Интернет

Составлено автором на основе [25, 26, 27].

Цифровой протекционизм имеет некоторые общие черты с традиционными целями и стратегиями протекционизма. Государства имеют достаточно обширный

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН...

перечень причин, в связи с которыми они могут вводить ограничения на перемещения трансграничных потоков данных. Например, многие страны стремятся развивать отечественный высокотехнологический сектор, требующий формирования эффективной и благоприятной среды, включающей конкуренцию, цифровую грамотность и инфраструктурную политику. В связи с этим государства могут вводить дискриминационные меры по отношению к иностранным субъектам рынка и, таким образом, исказить торговлю, даже если это не было их первоначальным намерением.

С другой стороны, каждому государству важно поощрять и обеспечить верховенство права в Интернете и предотвращать противоправное поведение, такое как распространение ненависти, идей терроризма, мошенничества, кражи личных данных, кибератаки и отмывание денег. Эти меры могут быть необходимы для достижения важных внутренних целей, но они могут также и дискриминировать иностранные фирмы. Наконец то, что может казаться протекционистским для одной страны, может рассматриваться как законное и необходимое регулирование в другой стране.

Цифровой протекционизм также в значительной степени и отличается от традиционного протекционизма, поскольку данные являются и товаром, и услугой, а подчас и общественным благом. Но некоторые страны, стремящиеся к протекционизму, разрабатывают новую тактику защиты таких данных, кроме тарифов, квот и обменного контроля. Так, например, попытки Китая использовать DDoS-атаки для цензуры глобальных веб-сайтов также усложняют и удорожают для фирм доступ к внутреннему рынку Китая.

ВЫВОДЫ

На основе проведенного анализа современных тенденций формирования внешнеторговой политики стран в условиях неравномерности глобального экономического развития определено, что в условиях трансформации технологической парадигмы экономического развития, перехода глобальной экономики к цифровизации и Индустрии 4.0, где преобладают цифровые услуги, товары ИКТ, высокотехнологичные сектора экономики, а производственные цепи обеспечены развитием сети Интернет, формируется новый тип внешнеторговой политики – цифровой неопротекционизм, под которым предлагаем понимать инструмент государственного вмешательства посредством установления барьеров или помех для цифровой торговли, включая цензуру, фильтрацию, мероприятия локализации и правила для защиты конфиденциальности, направленные на повышение производственного потенциала страны путем развития новых сравнительных преимуществ в условиях становления цифровой экономики.

В классическом понимании протекционизм акцентирует внимание на необходимости стимулирования отечественного экспорта товаров и услуг. Однако в современном мире значительную долю внешнеторговых отношений стран занимают цифровые услуги, товары ИКТ и высокотехнологичные сектора промышленности. В таких условиях эпохи постиндустриализма и цифровизации политика протекционизма получает новые толчки и новое видение в условиях XXI века.

Поэтому ведущие страны мира разрабатывают инновационные стратегии с учетом новых требований информационного общества как ответ на главный вызов современности – недостаточные темпы цифровизации промышленных секторов и развития инноваций. Дополнительным толчком к активизации цифровизации стала пандемия COVID–19, поскольку значительное количество традиционных отраслей промышленности было вынуждено переходить на удаленную работу сотрудников, что требовало активной разработки дополнительного программного обеспечения. Пандемия привела к тому, что в цифровизацию оказались вовлечены даже те компании и отрасли, которые были относительно отсталыми в этом контексте.

Проблематика распространения протекционизма в современных условиях цифровизации является также актуальной для и для России. Цифровой неопротекционизм в нашей стране должен реализоваться через комплекс стимулирующих (поощрение становления и развития новых секторов, создающих новые средства производства, где будут производиться новые товары, будут предоставляться новые услуги, а также будут продвигаться новые бизнес–модели) и дискриминационных (локализационные мероприятия и регулирование с целью защиты конфиденциальности) мер.

Список литературы

1. Вэнь В. Внешнеторговая стратегия страны: сравнительный анализ // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2022. № 21–2. С. 28–48.
2. Геоэкономика. Понятийно-терминологическая система: академический словарь / [М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, И. Н. Буценко]; под ред. М. Г. Никитиной. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. 287 с.
3. Гинойн А. Б., Ткаченко А. А. Внешнеторговая политика стран ЕАЭС: результаты имитационного моделирования // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26, № 2. С. 175–189.
4. Губкина М. С., Климова В. В. Внешнеторговая политика страны и ее регулирование // Наука и образование транспорту. 2020. № 1. С. 231–234.
5. Ерохин В. Л. Современная внешнеторговая политика Китая: основы и результаты // Маркетинг и логистика. 2021. № 6 (38). С. 5–21.
6. Здобнова Т. Ю. Внешнеторговая политика России в условиях санкций // Экономика. Бизнес. Финансы. 2021. № 2. С. 3–5.
7. Кутовой В. М. Трансформация внешнеторговой политики на фоне пандемии COVID–19 // Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2021. № 3. С. 74–82.
8. Мальцев А. А., Чичилимов С. В. Изменения инструментария государственного регулирования внешней торговли в мировой практике // Мир перемен. 2021. № 4. С. 96–111.
9. Никитина М. Г., Селюнина В. С. Внешнеэкономическая составляющая экономической безопасности государства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7. № 1. С. 93–104.
10. Овчинникова Л. С. Инструменты внешнеторговой политики в условиях санкций // Матрица научного познания. 2022. № 4–1. С. 78–83.
11. Сватеев П. Р. Внешнеторговая политика и ее тенденции в ведущих странах мира и России // Экономика. Бизнес. Банки. 2020. № 3 (41). С. 62–76.
12. Сулова Е. И., Симакина М. А. Современная внешнеторговая политика развитых стран // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. № 5. С. 62–66.
13. Горбунова М. Л., Ливанова Е. Ю., Маковецкая Т. В., Стожарова Т. В. Торговая динамика и внешнеторговая политика США и КНР: сравнительный анализ // Modern Economy Success. 2020. № 6. С. 54–63.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН...

14. Шукурова Д. Р. Внешнеторговая политика и её влияние на развитие национальной экономики // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2019. № 7. С. 24–28.
15. Mun T. England's Treasure by Forraign Trade. New York. (Macmillan and Co.) and London. 1895. 144 p.
16. List F. Das Nationale System der Politischen Ökonomie. Stuttgart/Tübingen, 1841 [Электронный ресурс]. URL: https://eet.pixel-online.org/files/etranslation/original/kreuzgang.org_pdf_friedrich-list.das-nationale-system-der-politischen-oekonomie.pdf
17. Kagermann H., Anderl, R., Gausemeier J., Schuh G., & Wahlster W. Industrie 4.0 in a Global Context Strategies for Cooperating with International Partners. Herbert Utz Verlag GmbH, 2016. 74 p.
18. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28, № 2, pp. 118–144.
19. Nambisan S. Digital Entrepreneurship: Toward a Digital Technology Perspective of Entrepreneurship. Entrepreneurship Theory and Practice. 2017. Vol. 41, № 6, pp. 1029–1055.
20. Lyytinen K., Yoo Y., Boland R.J. Digital Product Innovation within Four Classes of Innovation Networks. Information Systems Journal. 2016. Vol. 26, № 1, pp. 47–75.
21. Lingduo Jiang, Shuangshuang Liu, Guofeng Zhang. Digital trade barriers and export performance: Evidence from China. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1002/soej.12572>
22. National Trade Estimate Report on Trade Barriers, Washington, DC: United States Trade Representative, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://ustr.gov/about-us/policyoffices/press-office/reports-and-publications/2014-NTE-Report>
23. Schaake M. MEPs Statement on Digital Protectionism, 2015. 22 September [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euractiv.fr/wp-content/uploads/2015/09/2015-09-22-meps-statement-on-digital-protectionism.pdf>
24. Addressing digital protectionism – What rules do we need? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businesseurope.eu/news/addressing-digital-protectionism-what-rules-do-we-need#:~:text=Digital%20trade%20concerns%20all%20businesses,means%20%E2%80%93%20is%20on%20the%20rise>
25. Elms D. Moving Ahead with the TPP 11, Asian Trade Centre, 2017, 18 January [Электронный ресурс]. URL: <https://asiantradecentre.org/talkingtrade/moving-ahead-with-the-tpp11>
26. US International Trade Commission (USITC), Digital Trade in the US and Global Economies, Part 1. 2013. [Электронный ресурс]. URL: www.usitc.gov/publications/332/pub4415.pdf
27. Aaronson, S. A. Digital Protectionism? Or Label the US Government Uses to Criticize Policy It Doesn't Like? Council on Foreign Relations, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/blog/digital-protectionism-or-label-us-government-uses-criticize-policy-it-doesnt>

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 338.22.01

ШУМПЕТЕРОВСКАЯ ТЕОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОВЕСТКА ДНЯ

Ергин С. М., Баталов Р. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: yergin@rambler.ru

Исследования в сфере инноваций и предпринимательства значительно продвинулись в последние годы, интегрируя все большее количество тем и развивая более прочную теоретическую базу. В частности, инновационная теория Й. Шумпетера все чаще используется в качестве отправной точки. В статье представлен литературный обзор по применению инновационной теории в предпринимательстве и выявляется растущее число альтернативных теоретических интерпретаций теории предпринимательства, выдвигается несколько потенциальных проблем и даются предложения о том, как решать эти проблемы, что позволит продолжить аналогичные исследования на более прочной теоретической основе. Кроме того, предлагается повестка дня для шумпетерианских исследований, адаптированная к текущим дискуссиям в контексте исследований в области предпринимательства, чтобы проиллюстрировать полезность инновационной теории для развития этой области.

Ключевые слова: шумпетерианская теория, инновационная теория, предпринимательство, инновации, эволюционная экономика предпринимательства.

ВВЕДЕНИЕ

Последние исследования в области инноваций и предпринимательства серьезно продвинулись вперед [1–3]. Их первоначальный прикладной фокус постепенно дополняется более теоретически ориентированными исследованиями, поддерживающими количественное и качественное развитие этой области экономических знаний. В этом отношении более предпочтительной как теоретическая база становится концепция Й. Шумпетера, поскольку он является наиболее цитируемым ученым как среди исследователей инноваций в целом [4, 5], так и в литературе по предпринимательству [6–8]. Хотя Й. Шумпетера интенсивно цитируют и его подход часто используют в аналитических целях, его концепция еще полностью аналитиками не осознана и нередко подвержена ошибочному применению. Этот тип проблем может привести к фрагментации поля исследования, поскольку различные противоречивые теоретические интерпретации приводят к все более несравнимым научным результатам [9]. Более того, упрощенные теоретические рамки, адаптированные к конкретным потребностям эмпирических исследований, могут создать разрыв между теоретической и эмпирической работой, что пагубно для обеих сторон, поскольку эмпирические данные становятся менее значимыми для разрешения теоретических проблем, а для интерпретации эмпирических результатов становится менее общепринятым за пределами определенной области исследований.

Ученые, изучающие прикладные отраслевые инновации и предпринимательство, широко используют шумпетеровскую теорию, хотя специфические отраслевые особенности никогда не исследовались Й. Шумпетером. Поэтому для исследования отраслевых инноваций требуется применение других теоретических концепций. Развивая научную дискуссию, нами выдвигаются и используются ряд аргументов о

согласии с определением понятия «инновация», предложенного Й. Шумпетером, а также поддерживается шумпетеровская концепция идентификация конкретной предпринимательской экономической функции как важнейшей компоненты науки о предпринимательстве. Его подход обеспечивает общее понимание инновационных и предпринимательских процессов в этой сфере деятельности. Хотя многие публикации в этой области имеют эмпирическую и практическую направленность, они опираются на теоретическую основу. Но возможны и иные альтернативные теоретические трактовки. Такие альтернативы требуют значительной теоретической разработки, чтобы гарантировать их актуальность и аналитическую полезность. Когда альтернативные трактовки, далекие от первоначальных представлений, представлены с необходимой теоретической поддержкой, их можно считать ложными. Более того, ложные интерпретации могут, в свою очередь, повлиять на новые исследования и статьи в этом же секторе экономической теории. Наше внимание, в первую очередь, сосредоточено на исследованиях в области недр, так как неверные интерпретации трактовок «инновации» могут закрепиться в качестве отраслевых стандартов не из-за их полезности, а из-за изоморфизма. Целью данной статьи является анализ развития и использования теории Й. Шумпетера в контексте инноваций и предпринимательства, для выявления и устранения некоторых потенциальных проблем применения инновационной теории в будущих исследованиях.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Й. Шумпетера называют отцом–основателем исследований инноваций [10], так как первым попытался интегрировать инновации и предпринимательство в экономическую теорию, но не как периферийное расширение, а, скорее, как основополагающий элемент, который имел решающее значение для понимания динамики экономического развития. Он считал, что процесс развития по значимости находится на одном уровне с концепцией равновесия [11]. Его поздние работы были посвящены изучению более широких макроэкономических последствий инновационного процесса и его связи с институциональными изменениями [12–13]. После некоторого забвения возрождение шумпетерианской теории в 1980–х гг. привело, с одной стороны, к становлению эволюционной экономики, и с другой – экономики сферы инноваций и предпринимательства. Хотя теория Шумпетера не является единственным фундаментом этих областей исследований, она остается ключевым столпом, влияние которого невозможно переоценить.

Важнейшим вкладом Й. Шумпетера в экономическую теорию была формулировка понятия «инновация», которое остается самым популярным определением в этой области: «...инновация – это процесс создания новой производственной функции» [12, с. 87]. Оно кратко и внешне отличается от предыдущих определений, предложенных Шумпетером в более ранних работах, где был предложен список различных потенциальных форм, которые может принять инновация [14].

Данное определение согласуется со всеми предыдущими, о чем свидетельствуют следующие последствия. Во-первых, использование в данном термине производственной функции подразумевает, что изменения в любом экономическом элементе, будь то продукт, производственный процесс или даже рынок, предполагают наличие инновационного процесса. Об этом свидетельствует характер взаимосвязи в производственной функции, включающей как затраты, так и выпуск, то есть эндогенные изменения в любом элементе производственной функции предполагают инновационный процесс. Во-вторых, в интерпретации дефиниции вводится четкое различие между инновацией и изобретением. Последнее понятие связано только с творческим процессом формирования идей и определяется только в качестве базы в сфере инноваций. В-третьих, это определение укрепляет экономическую концептуализацию инноваций как процесса внедрения, который начинается и заканчивается изменением состава и распределения ресурсов. В-четвертых, широкая применимость такой интерпретации этой дефиниции определяет потенциально большую область актуальности исследований инноваций в экономике.

Вторым ключевым вкладом Й. Шумпетера является идентификация им конкретной предпринимательской экономической функции [14], которая теоретически отличается как от управленческих, так и от капиталистических функций. Предпринимательство определяется Й. Шумпетером как эндогенный источник экономических изменений, присущих любой децентрализованной экономической системе [15], результаты которых описываются в терминах созидательного разрушения, процесса, посредством которого создаются предпринимательские прибыли с одновременным уничтожением ранее существовавших ренты и квазиренты [13]. Связав инновации с получением как прибылей, так и убытков, Й. Шумпетер показал актуальность анализа взаимосвязи рыночной конкуренции с развитием экономики. В частности, наличие негативной связи между инновациями и рентой подразумевает, что любая олигополистическая рыночная структура может выжить, только опираясь на успешное внедрение крупными фирмами своей предпринимательской функции. Но формы предпринимательской деятельности подвержены существенным институциональным изменениям, что предполагает множество альтернативных институционально-инновационных режимов.

Посредством анализа взаимосвязи между предпринимательскими и капиталистическими функциями Й. Шумпетером были идентифицированы механизмы, определяющие соответствующий институционально-инновационный режим и его эволюцию в конкретных эмпирических условиях [12]. Так, ликвидность предпринимателю необходима для достижения контроля над экономическими ресурсами в качестве новой производственной функции. Однако в рыночной экономике использование ликвидности находится в компетенции капиталистической функции, которую воплощает финансовая система, поэтому выгоды, полученные от созидательного разрушения, частично направляются на вознаграждение финансовой системы за ее существенную поддержку. Контекстно-зависимый механизм, с помощью которого предпринимательская функция удовлетворяет свои потребности в ликвидности, определяет доминирующую форму как прибылей, так и потерь,

генерируемых инновационным процессом, что влияет на развитие как производственного, так и финансового рынков.

Таким образом, теория Шумпетера обеспечивает комплексную основу для понимания феноменов инноваций и предпринимательства, охватывая микро-, мезо- и макроуровни анализа, поэтому неудивительно, что спустя десятилетия после его кончины вклад Й. Шумпетера по-прежнему составляет теоретическую основу для современного анализа либо косвенно, либо прямо. Общеизвестно, что расплывчатое шумпетеровское повествование вкупе с его бескомпромиссной позицией в отношении разделения абстрактного мышления с практическими проблемами усложнили для исследователей реализацию шумпетеровской теории в эмпирически ориентированных областях. В результате фактическая ее аналитическая реализация страдала от ошибок, что привело к замедлению интеграции инноваций в производство.

Шумпетерианская теория чаще всего используется в исследованиях как источник введения в научный оборот понятий «инновация» и «предпринимательство». Однако было бы не верно ограничиваться в анализе только шумпетеровскими определениями, так как это может привести к уменьшению концептуальной ясности и потенциально будет способствовать чрезвычайно узкому пониманию шумпетерианских концепций. Могут быть предложены три иных подхода по их определению.

При первом альтернативном подходе интерпретации инновации предполагается, что они могут восприниматься как новая для людей хозяйственная практика. Такое определение является упрощенным вариантом определения инновации, данного Э. М. Роджерсом, как «идея, практика или объект, которые воспринимаются как новые отдельным человеком или другой единицей внедрения» [12, с. xviii]. Этот тезис дополнительно подкрепляется тем фактом, что в последующем обсуждении этапов инновационного процесса в качестве основного источника используется Э. М. Роджерс, а не Й. Шумпетер. Следовательно, в шумпетерианской концептуализации инноваций также отсутствуют два ключевых аспекта: ориентация на процесс реализации, а не просто на идеи, и системная, а не индивидуальная точка зрения на инновации. Последний аспект особенно важен, поскольку Й. Шумпетер определяет новизну по отношению к системным рыночным ценам, а не к их индивидуальному субъективному восприятию. В то время как Роджерс описывает инновации в микроэкономических терминах, теория Шумпетера – макроэкономическая теория. Хотя эти два уровня анализа могут быть совместимыми, в конечном итоге они различны, и не должны заменяться ради аналитической ясности.

Второй подход в определении инноваций предоставлен J. Wilkes-Allemann, A. Ludvig, которые определяют инновацию как «процесс, посредством которого новые продукты и технологии внедряются в экономическую систему» [17, с. 228]. Данное определение существенно отличается от определения Й. Шумпетера, в котором инновации определяются как «новые комбинации» [14, с. 65], включающие как минимум пять случаев: новые товары, новые методы производства, новые рынки, новые ресурсы и новые рыночные организации [14, с. 65–66]. Кроме того, эти авторы

противопоставляют социальные инновации инновациям Й. Шумпетера, описывая их как движущие силы «социальных требований» [17, с. 228], а шумпетеровские инновации – как «рыночные и/или автономные научно-технические исследования». Однако такая их интерпретация проблематична, поскольку Й. Шумпетер не упоминает исследования как движущую силу инноваций и отвергает концептуализацию инноваций как реакции на рыночные стимулы, описывая их просто как автономный процесс [14, с. 63]. Кроме того, в выводах данные авторы ссылаются на Й. Шумпетера как на пример «традиционной ориентации на технологии и продукты» [17, с. 234], которую, по их мнению, следует расширить. Поскольку основной целью авторов было не продвижение шумпетеровской теории, а, скорее, расширение восприятия инноваций с целью включения социального аспекта, эти вопросы не умаляют ни высокого качества данного исследования, ни его вклад. Более того, полная интеграция шумпетерианского определения инноваций могла бы стать отличной отправной точкой для анализа социальных инноваций.

При третьем подходе основное внимание уделяется проблеме различий между шумпетеровскими определениями таких понятий, как «изобретение», «инновация» и «диффузия инновации в экономику». Так, включение Б. Годиным [18] изобретений в инновационный процесс противоречит макроэкономической направленности Й. Шумпетера, создавая теоретическое несоответствие с другими элементами его подхода.

Абен К. с соавторами также используют данный подход об изобретениях, инновациях и их диффузии, определяя «изобретение как оригинальное создание нового продукта или процесса; инновации – улучшение существующих продуктов или процессов; а диффузию – как внедрение этих новых или улучшенных продуктов или процессов» [19, с. 289]. Они при этом ссылаются на Й. Шумпетера, почему-то утверждая, что эти определения взяты из его произведения [13]. Это прискорбно, так как данная ссылка вряд ли подтверждает взгляды Й. Шумпетера по данной проблеме. На самом деле можно найти свидетельства против такой интерпретации Й. Шумпетера Абеном К. с его соавторами: «... функция предпринимателей состоит в том, чтобы реформировать или революционизировать производственную модель, используя изобретения. ... Но главное в этой функции – не изобретение чего-либо нового и не создание каких-либо условий, которые предприятие затем эксплуатирует. Главное в ней – делать дела» [13, с. 512]. По Шумпетеру, предпринимательская функция, отождествляемая с инновационным процессом, не включает изобретательство.

Последний вариант этого подхода предложен Gustavsson L. с соавторами [20], которые аналогичным образом ссылаются на Шумпетера в своем описании трехэтапного процесса технологических изменений, который прогрессирует от изобретения к инновации, а затем к диффузии. Упомянутые выше соображения могут быть приняты. Кроме того, технологические изменения никогда не были объектом анализа Й. Шумпетера, который утверждал, что технологические инновации второстепенные по отношению к экономическому процессу [13]. Шумпетерианская концептуализация инноваций по своей сути является экономической и определяется в макроэкономических терминах.

Исследователям в сфере предпринимательства, заинтересованным в анализе вопросов, связанных с технологическими концептуализациями инноваций, возможно, было бы лучше принять нешумпетерианскую теоретическую основу, ориентированную на технологические изменения, например, ту, которую впервые предложил К. Фримен [21].

Несмотря на эти потенциальные проблемы в интерпретациях, тем не менее, большинство исследователей инноваций и предпринимательства, согласны с шумпетерианским определением инноваций, хотя и с множеством иных трактовок, подчеркивающих их различные аспекты.

ВЫВОДЫ

В последние годы в теоретических исследованиях наблюдается рост количества публикаций, связанных с инновациями и теорией. Хотя эмпирические исследования, ориентированные на контекст и практику, остаются доминирующими, большинство публикаций имеют теоретическую основу. Мы рассмотрели текущий статус развития и применения теории Шумпетера и обнаружили доказательства того, что она все чаще стала использоваться экономистами-теоретиками. Теория инноваций и предпринимательства создает хорошую платформу для эмпирических исследований и может помочь лучше понять, как генерировать больше инноваций и создавать большую ценность.

Анализ показывает, что, хотя интеграция шумпетерианской теории в области инноваций и предпринимательства происходит быстро, существуют определенные трудности, причем две из них весьма заметны. Во-первых, интеграция происходит заметно неравномерно: некоторым элементам уделяется гораздо больше внимания, чем другим, несмотря на целостный и взаимосвязанный характер первоначального вклада. Во-вторых, на элементы теории Й. Шумпетера, которые были интегрированы в область инноваций, похоже, повлиял ряд прошлых ошибок в отношении их содержания, и, что еще более тревожно, эти ошибки, похоже, порождают новые недопонимания. Дальнейшие исследования инноваций и предпринимательства должны более тщательно закрепить эти исследования в теории, хотя цели таких работ зачастую более эмпирические и связаны с контекстом и практикой.

Также оказывается, что некоторые экономисты цитируют Й. Шумпетера без дальнейшего воздействия на основной вопрос исследования, теоретической позиции или анализа эмпирических результатов. Во многих случаях ссылка на Й. Шумпетера делается в поддержку одного изолированного утверждения несмотря на то, что основная теоретическая позиция статьи отличается или даже несовместима с шумпетеровской структурой. Эта ситуация может быть связана с растущим институциональным давлением в академических кругах, направленным на постоянное увеличение результатов исследований.

Список литературы

1. Татаркин А. И., Полянская И. Г., Игнатъева М. Н., Юрак В. В. Методологическая оценка состояния и перспектив институционально-инновационного недропользования в арктической зоне // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 146-158. EDN: <https://elibrary.ru/stqtrp>

2. Лисов В. И., Брюховецкий О. С., Бобылов Ю. А., Лунькин А. Н. Инновационные аспекты формирования новых интегрированных структур в горном бизнесе России // Горный журнал. 2019. № 10. С. 77–84. EDN: <https://www.elibrary.ru/wmqwjt>
3. Mochalova L. A., Sokolova O. G., Eremeeva O. S. Circular business models as management innovations in subsoil use // The Manager. 2021. Т. 12. № 3. С. 2–12. EDN: <https://www.elibrary.ru/djjebu>
4. Fagerberg J., Fosaas M., Sapprasert K. Innovation: exploring the knowledge base // Research Policy. 2012. № 41. P. 1132–1153. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.03.008>
5. Ергин С. М., Зорина Е. С. Условия и последствия субъективной рациональности в теории предпринимательства // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2023. Том 9 (19). Выпуск 3. С. 65–76. EDN: <https://elibrary.ru/bbwuiz>
6. Rametsteiner E., Weiss G. Assessing policies from a systems perspective – experiences with applied innovation systems analysis and implications for policy evaluation // Forest Policy and Economics. 2006. № 8. P. 564–576. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2005.07.005>
7. Логинов В. Г., Игнатъева М. Н., Юрак В. В. Сбалансированное недро- и лесопользование в условиях вызовов и угроз // Экономика региона. 2020. Том 16. № 2. С. 547–562. EDN: <https://www.elibrary.ru/ukfsdw>
8. Чепуренко А. Ю. Теория предпринимательства: новые вызовы и перспективы // Форсайт. 2015. Т. 9. № 2. С. 44–57. EDN: <https://www.elibrary.ru/uadsax>
9. Castellaci F., Grodal S., Mendonca S., Wibe M. Advances and challenges in innovation studies // Journal of Economic Issues 2005. № 39. P. 91–121. [Электронный ресурс]. URL: https://repositorio.iscte-iul.pt/bitstream/10071/498/4/DINAMIA_WP_2004-37.pdf
10. Martin B. R. The evolution of science policy and innovation studies // Research Policy. № 41. P. 1219–1239. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.03.012>
11. Schumpeter J. A. The Nature and Essence of Economic Theory. New York: Routledge, 2017. 432 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315133324>
12. Schumpeter J. A. Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York: McGraw-Hill, 1936. 461 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mises.at/static/literatur/Buch/schumpeter-business-cycles-a-theoretical-historical-and-statistical-analysis-of-the-capitalist-process.pdf>
13. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, Социализм и Демократия [пер. с англ., предисл. и общ. ред. В. С. Автономова]; [предисл. В. С. Автономова; пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко; пер. с англ. В. С. Автономова, Ю. В. Автономова, Л. А. Громовой, К. Б. Козловой, Е. И. Николаенко, И. М. Осадчей, И. С. Семеновки, Э. Г. Соловьева]. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
14. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры [пер. с нем.; общ. ред. А. Г. Милейковского]. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
15. Schumpeter J. A. The crisis of the tax state / The Economics and Sociology of Capitalism, Princeton University Press, R. Swedberg (Ed.). New York: Princeton, 1991. P. 99–140. [Электронный ресурс]. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/5644675/mod_resource/content/1/Crise%20do%20Estado%20Fiscal.pdf
16. Rogers E. M. Diffusion of innovations / Rev. ed. of: Communication of innovations: Third Edition. New York, The Free Press. A Division of Macmillan Publishing Co., Inc. 1983. 453 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://teddykw2.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/07/everett-m-rogers-diffusion-of-innovations.pdf>
17. Wilkes-Allemann J., Ludvig A. The role of social innovation in negotiations about recreational infrastructure in forests – a mountain-bike case study in Switzerland // Forest Policy and Economics. 2019. № 100. P. 227–235. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2019.01.002>
18. Godin B. The Invention of Technological Innovation: Languages, Discourses and Ideology in Historical Perspective. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2019. 320 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=HIG4DwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT7&ots=Hn8cM4Pg36&sig=FdRfmmHUL6YsVtsYdhfz2wcvrDs#v=onepage&q&f=false>

19. Aben K., Hartley I. D., Wilkening K. Reducing greenhouse gas emissions in the British Columbia forest industry, 1990–2005 // *Technology in Society*. 2010. № 32 (4). P. 288–294. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2010.10.005>
20. Gustavsson L., Mahapatra K., Madlener R. Energy systems in transition: perspectives for the diffusion of small-scale wood pellet heating technology // *International Journal of Technology Management*. 2005. № 29. P. 327–347. [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.researchgate.net/profile/Krushna-Mahapatra/publication/228372790_Energy_systems_in_transition_Perspectives_for_the_diffusion_of_small-scale_wood_pellet_heating_technology/links/09e4150c59c14b8a48000000/Energy-systems-in-transition-Perspectives-for-the-diffusion-of-small-scale-wood-pellet-heating-technology.pdf
21. *The Economics of Innovation*. The International Library of Critical Writings in Economics series / Edited by Christopher Freeman. University of Sussex, Publication Date, 1990. 528 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abebooks.com/Economics-Innovation-International-Library-Critical-Writings/30789249470/bd>

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 339.9

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

Илясова Ю. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ilyasovajuli@mail.ru

В статье проводится анализ механизмов привлечения и поддержки ПИИ, определены позиции стран-лидеров в рейтингах ведения бизнеса (Doing business) и глобальной конкурентоспособности (IMD). Установлено, что инновационность экономики не всегда оказывает влияние на ее способность создавать эффективную бизнес-среду. Проанализированы механизмы привлечения и поддержки ПИИ в реальный сектор, реализующиеся в ряде развитых стран, а также предложены уникальные механизмы стимулирования, применение которых в условиях российской действительности может оказаться эффективным.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, рейтингах ведения бизнеса (Doing business) и глобальной конкурентоспособности, глобальный индекс инноваций, механизм поддержки инвестиций.

ВВЕДЕНИЕ

Прямые иностранные инвестиции играют важную роль в развитии экономики, так как они способствуют повышению производительности, внедрению передовых технологий, созданию новых рабочих мест и улучшению инфраструктуры. Для России, обладающей значительными природными ресурсами и потенциалом для промышленного развития, привлечение прямых иностранных инвестиций в реальный сектор особенно важно.

В условиях санкционного давления, изменения вектора экономического сотрудничества России, нестабильности на мировых рынках капитала и других внешнеэкономических факторов, Россия сталкивается с необходимостью адаптировать и модернизировать свои механизмы государственной поддержки ПИИ в реальный сектор, чтобы оставаться привлекательной для иностранных инвесторов. Более того, сохранение положительной динамики экономического развития в условиях оттока иностранного капитала ставит вопрос об эффективности привлекаемых ПИИ и системы их государственной поддержки.

В общем виде государственные меры поддержки иностранного капитала представляют собой алгоритм действий государства в отношении иностранного инвестора при выполнении последним определенных условий, формируя тот или иной механизм поддержки. Механизмы государственной поддержки иностранных инвестиций направлены на облегчение и стимулирование иностранных инвестиций в национальную экономику. Анализ научных исследований отечественных и зарубежных авторов, информационных порталов профильных государственных институтов и агентств по развитию инвестиционного сотрудничества, показал, что большинство механизмов, применяемых по всему миру как развитыми, так и

развивающимися странами, можно сгруппировать в несколько основных блоков (направлений), формирующих единую систему государственной поддержки:

- правовая база (законодательство принимающей страны);
- механизмы защиты прав иностранных инвесторов (гарантии, страхование);
- международные инвестиционные соглашения (МИС);
- финансовая поддержка (налоговые, таможенные и финансовые меры поддержки);
- информационная поддержка;
- инфраструктурная поддержка;
- свободные экономические зоны (СЭЗ).

Таким образом, исследование механизмов государственной поддержки прямых иностранных инвестиций в реальный сектор Российской Федерации является актуальным и востребованным как с точки зрения теоретического анализа, так и с точки зрения практического применения полученных результатов для улучшения инвестиционного климата и стимулирования экономического роста в условиях новой экономической действительности.

Исследованием механизмов поддержки иностранных инвестиций посвящены работы таких авторов, как Брэбэнк Д., Бакли П., Данинг Д., Грэм Э., Кругман П., Брэйнард Л., Эвенет С., Бейли Д. В., Шарп У. Ф., Верещагин А. В., Булатов А. С., Зайцев Ю. А., Егоров М. В., Сидоренко Т. С., Кочетков Е. Е., Поздняков К. К., Андрианов А. Ю., Валдайцев С. В., Воробьев П. В., Сергеев И. В., Веретенникова И. И., Шеховцов В. В. и др.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Повышение эффективности или разработка новых механизмов поддержки иностранных инвесторов как на региональном, так и на национальном уровне сопряжены с апробацией успешного опыта отдельных регионов или стран. В 2021 г. на территории России в рамках программы улучшения инвестиционного климата при поддержке Минэкономразвития и Правительства РФ был разработан «Региональный инвестиционный стандарт», основанный на лучшем региональном опыте привлечения бизнеса. Данный стандарт представляет собой список обязательных элементов инвестиционной политики, применение которых приведет к улучшению инвестиционного и делового климата в регионе. По своему существу данный стандарт включает в себя элементы, опыт применения которых в других регионах был признан успешным. Кроме того, региональный стандарт постоянно дополняется и совершенствуется на основании лучших практик применения того или иного инструмента [1].

Аналогичный алгоритм используется и в масштабах страны, при разработке новых механизмов государственной поддержки иностранных инвестиций. Применение успешного опыта привлечения инвестиций другими государствами позволяет снизить финансовые, временные, административные и репутационные издержки при внедрении того иного механизма, поскольку увеличивает вероятность его положительной апробации и внедрения в инвестиционную политику страны. В

условиях низкой эффективности привлекаемых ПИИ в реальный сектор РФ, трансформации внутренней инвестиционной среды и изменении вектора внешнего инвестиционного сотрудничества особую актуальность приобретает анализ зарубежного опыта государственной поддержки иностранных инвестиций.

Несмотря на многообразие подходов к привлечению иностранных инвестиций, большинством стран используются схожие механизмы привлечения и поддержки ПИИ. Исследования инвестиционной политики стран Европы, Азии, Ближнего Востока показывают, что несмотря на особенности социально-экономического развития, географии инвестиционных и торговых партнеров, уровня развития экономики, большинство инструментов, применяемых в рамках программ улучшения инвестиционного климата и привлечения иностранного капитала, можно представить в виде следующих групп:

- налоговые стимулы – льготы, вычеты, налоговые амнистии и кредиты, отсрочки/рассрочки при уплате налогов и т. д.;
- дополнительное финансирование инвестиционных проектов – субсидии, дотации, гранты;
- доступные и дешевые заемные средства – беспроцентные кредиты, рассрочки на реализацию инвестиционных проектов, льготные условия кредитования, обеспечение кредитов государством;
- организация специальных территорий с особыми режимами осуществления предпринимательской деятельности – особые экономические зоны, кластеры, хабы, технопарки и промышленные парки.

Как правило, система государственной поддержки иностранного капитала базируется на применении тех или иных вышеперечисленных механизмов. Однако результативность их применения во многом зависит от уровня социально-экономического развития стран, менталитета, степени открытости экономики, подхода к инновациям и НИОКР, системности в функционировании государственных институтов [2].

Одним из индикаторов эффективности функционирования экономики, применяемых мер по улучшению условий предпринимательской деятельности и, следовательно, инвестиционной привлекательности страны, являются международные рейтинги делового и инвестиционного климата. В настоящий момент в международных сравнениях наибольшей популярностью пользуются Рейтинг глобальной конкурентоспособности и Глобальный индекс инноваций.

Рейтинг глобальной конкурентоспособности стран мира (IMD World Competitiveness Ranking) был разработан в 2021 г. по методике европейского Института менеджмента и заменил разработанный Всемирным банком Международный рейтинг «Ведение бизнеса» (Doing Business). В отличие от рейтинга ведения бизнеса, который рассчитывался по 10 контрольным индикаторам, характеризующим степень благоприятности условий для ведения бизнеса, рейтинг IMD оценивает способность национальной экономики создавать и поддерживать среду, в которой возникает конкурентоспособный бизнес. Рейтинг государств в рамках IMD оценивается по 333 критериям, отражающим различные аспекты экономической жизни страны – состояние экономики, эффективность правительства,

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ...

состояние деловой среды и инфраструктуры. Иными словами, до 2021 г. привлекательность экономик стран мира определялась простотой условий ведения бизнеса, в то время как с 2021 г. она определяется способностью создавать конкурентоспособный и эффективный бизнес. Такой подход полностью удовлетворяет сформированный в данном исследовании запрос на разработку механизмов, направленных на повышение эффективности привлекаемых ПИИ. В таблице 1 рассмотрим позиции стран – мировых лидеров обоих рейтингов в сравнении с Россией в 2018–2023 гг.

Таблица 1. Позиции стран–лидеров в рейтингах ведения бизнеса (Doing business) и глобальной конкурентоспособности (IMD) в 2018–2023 гг.

Страна	Позиция в рейтинге ведения бизнеса			Позиция в рейтинге глобальной конкурентоспособности		
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Новая Зеландия	1	1	1	20	31	31
Сингапур	2	2	2	5	3	4
Гонконг, Китай	5	4	3	7	5	7
Дания	3	3	4	3	1	1
Республика Корея	4	5	5	23	27	28
США	6	8	6	10	10	9
Грузия	9	6	7	-	-	-
Исландия	23	21	26	21	16	16
Австрия	22	26	27	19	20	24
Россия	35	31	28	45	-	-
Япония	34	39	29	31	34	35
Испания	28	30	30	39	36	36

Источник: составлено автором на основании [3–8].

В качестве базы для определения стран–лидеров и оценки изменения их позиций был выбран последний год публикации рейтинга Doing Business. В 2020 г. лидерами рейтингов стали Новая Зеландия, Сингапур и Гонконг, Россия заняла 28 место, но в то же время прослеживалась устойчивая положительная динамика. Однако с изменением методики расчета постоянный лидер в лице Новой Зеландии сместился сразу на 20–е место, уступив первую строчку рейтинга Дании. Россия, в свою очередь, в 2021 г. опустилась сразу на 17 позиций, а с 2022 г. перестала участвовать в данном рейтинге в связи с внешнеполитической обстановкой. Оценивая оба рейтинга, несомненными лидерами как в легкости ведения бизнеса, так и в своей способности создавать конкурентный бизнес, являются Дания, Сингапур и Гонконг. Таким образом, механизмы повышения эффективности предпринимательской среды, улучшения делового и инвестиционного климата в данных странах важно принять во внимание при разработке или модернизации собственных инструментов.

Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index или сокращенно GII), разработанный в сотрудничестве бизнес–школы INSEAD, Корнельского университета и Всемирной организации интеллектуальной собственности, оценивает уровень инновационного развития и степень модернизации экономики, что также

является важным критерием при оценке инвестиционного климата в стране. Позиция в данном рейтинге определяется совокупным индексом, который основан на таких расчетных показателях (индексах), как наличие институтов, развитие человеческого капитала и науки, развитие инфраструктуры, развитие рынка, развитие бизнеса, развитие технологий и знаний, результаты креативной деятельности. В таблице 2 представлены позиции стран–лидеров рейтинга и России в 2018–2023 гг.

Таблица 2. Позиции стран–лидеров рейтинга и России в Глобальном индексе инноваций в 2018–2023 гг.

Страна/годы	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Швейцария	1	1	1	1	1	1
Швеция	3	2	2	2	3	2
США	6	3	3	3	2	3
Великобритания	4	5	4	4	4	4
Сингапур	5	8	8	8	7	5
Финляндия	7	6	7	7	9	6
Нидерланды	2	4	5	6	5	7
Бразилия	64	66	62	57	54	49
Катар	51	65	70	68	52	50
Россия	46	46	47	45	47	51
Чили	47	51	54	53	50	52
Сербия	55	57	53	54	55	53

Источник: составлено автором на основании [9–14].

На протяжении всего исследуемого периода лидерами Глобального индекса инноваций остаются Швейцария, Швеция и США. Россия, в свою очередь, в 2023 году заняла 51 место, опустившись на пять строчек по сравнению с 2018 годом. Относительно лидеров рейтинга важно отметить, что они значительно отличаются от лидеров рейтинга глобальной конкурентоспособности. То есть, согласно приведенным двум рейтингам, инновационность экономики не всегда оказывает влияние на ее способность создавать эффективную бизнес–среду.

Анализируя более детально позиции России в Глобальном индексе инноваций, обратим внимание на изменение позиций страны по основным направлениям данного индекса (таблица 3).

Таблица 3. Позиции России в Глобальном индексе инноваций по компонентам

Компоненты инновационного индекса	2018 г.	2023 г.
Институты	74	110
Человеческий капитал и наука	22	26
Инфраструктура	63	72
Развитие внутреннего рынка	56	56
Развитие бизнеса	33	44
Развитие технологий и экономики знаний	47	54
Развитие креативной деятельности	72	53

Источник: составлено автором на основании [15].

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ...

По всем направлениям в 2023 г. была зафиксирована утрата позиций в рейтинге, причем наибольшее снижение наблюдается по направлению «Институты», характеризующему наличие и эффективность государственных институтов, содействующих инновационному развитию экономики. Наивысшую позицию среди всех направлений рейтинга Россия в 2023 г. заняла в области развития человеческого капитала и науки.

Хотя приведенные рейтинги отражают тенденции изменения внутреннего делового и инвестиционного климата в большинстве развитых стран, а также позволяют определить передовые страны для перенимания успешного опыта внедрения тех или иных инструментов, возникают сомнения в объективности предоставляемых ими данных.

Среди основных факторов, ставящих под сомнение объективность предоставляемых международными рейтинговыми и исследовательскими институтами данных, можно отметить:

- отсутствие прозрачности в расчетах индексов – методика расчета индексов и статистические данные, применяемые при их расчетах, в целях сохранения коммерческой тайны, остаются закрытыми, в связи с чем возникают сомнения в достоверности предоставляемых данных;
- регулярное изменение методологии расчетов, которые приводят к значительным перестановкам позиций стран в рейтингах при отсутствии каких-либо коренных изменениях во внутренней экономической политике;
- высокая степень влияния на исследовательские институты внешних политических факторов и политики, проводимой страной или объединением стран, где базируются данные институты, что напрямую отражается на качестве сбора, анализа данных и сформированных выводах.

Ярким примером подверженности исследовательских институтов и рейтинговых агентств внешнему влиянию является позиция России в Глобальном рейтинге инноваций в 2023 г. Как отмечает издание «Коммерсант», в Институте статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ ставят под сомнение объективность данных, используемых для формирования индекса инноваций и позиции РФ в рейтинге. Сотрудники института отмечают пассивный характер партнерства с Всемирной организацией интеллектуальной собственности, курирующей составление рейтинга. На фоне введенного западными странами с 2022 г. моратория на взаимодействие с российскими институтами, получение и обработка данных из РФ остается под вопросом [16].

Тем не менее, для анализа успешного зарубежного опыта реализации механизмов государственной поддержки ПИИ проведем анализ инструментов инвестиционной политики, применяемых в некоторых странах, входящих в ТОП–10 или лидирующих в вышеприведенных международных рейтингах. В таблице 4 структурированы основные механизмы привлечения и поддержки ПИИ в реальный сектор ряда стран по состоянию на 2023 г.

Таблица 4. Механизмы привлечения и поддержки ПИИ в реальный сектор, реализующиеся в ряде развитых стран в 2023 г.

Страна и ее позиция в международных рейтингах в 2023 г.	Применяемые механизмы поддержки ПИИ в реальный сектор
Соединенные Штаты Америки (США) IMD – 9, GII – 3	<ul style="list-style-type: none"> - свободные экономические зоны (внешнеторговые зоны, зоны свободного предпринимательства, научные парки (технологические парки); - налоговые льготы (освобождение от «обратных» тарифов, освобождение от пошлин в случае реэкспорта продукции, освобождение от пошлин на отходы, лом и т. п., еженедельная отчетность об отгрузках (в отличие от обычной системы, предполагающей отчетность по каждой отгрузке продукции), отложенные во времени уплаты пошлины и др.; - визовые программы и упрощенная процедура получения вида на жительство; - доступ к государственным субсидиям и грантам; - инфраструктурная поддержка; - содействие профессиональному обучению и занятости; - сотрудничество с исследовательскими и образовательными учреждениями; - добровольное, бесплатное использование механизмов «единого окна».
Китайская народная республика (КНР) IMD – 21, GII – 12	<ul style="list-style-type: none"> - зоны развития (аналог ОЭЗ, разделяются на свободные экономические зоны, зоны высокотехнологичного развития, экономические и технологические зоны развития, зоны приграничного экономического сотрудничества, зоны свободной торговли, зоны всестороннего бондового обслуживания); - налоговые льготы (возврат 40 % налога на прибыль иностранным инвесторам, инвестирующим на срок не менее 5 лет; освобождение от уплаты налога в случае инвестирования более 5 млн долл., по земельному налогу пятилетние налоговые каникулы, а в дальнейшем 50 % от действующей ставки по налогу, большое количество дешевой рабочей силы и др.); - инфраструктурная поддержка; - содействие трансферу технологий и управленческих практик; - проведение инвестиционных и торгово-экономических ярмарок; - финансовые инструменты поддержки (льготные кредиты, страхование инвестиционных рисков, государственные гранты и субсидии в стратегически важных секторах экономики); - добровольное, платное использование механизмов «единого окна».
Германия IMD – 22, GII – 8	<ul style="list-style-type: none"> - зоны свободной торговли или «свободные порты» (зона свободного контроля первого типа, где не нужно декларировать товары и зона свободного контроля второго типа, где нужно декларировать, чтобы воспользоваться льготами); - государственное финансирование инвестиционных проектов (займы, гранты, гарантии); - ускоренная амортизация; - гранты на инвестиции (размер гранта варьируется от 25 % до 45 % от размера фактических инвестиционных затрат); - гранты на НИОКР (ежегодно выделяется до 3,5 % от ВВП); - гранты на найм персонала (программы стимулирования трудовой деятельности); - визовые программы и упрощенная процедура получения вида на жительство; - привлечение в инвестиционные проекты капитала из государственно-частных фондов;

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ...

Страна и ее позиция в международных рейтингах в 2023 г.	Применяемые механизмы поддержки ПИИ в реальный сектор
	<ul style="list-style-type: none"> - развитие «зеленых» экономических зон, которые привлекают предприятия, занимающиеся возобновляемыми источниками энергии, экологически чистыми технологиями; - инфраструктурная поддержка; - добровольное, платное использование механизмов «единого окна».
Сингапур IMD – 4, ГП – 5	<ul style="list-style-type: none"> - зоны свободной торговли (ЗСТ), в которых созданы льготные условия для транзита, перевалки, хранения и переупаковки грузов для последующего реэкспорта, промышленных, научных и бизнес-парков; - налоговые льготы (низкие ставки налогообложения, отсутствие налога на дивиденды и прирост капитала, налоговые каникулы для стартапов и др.); - налоговые вычеты для инвесторов, осуществляющих НИОКР; - налоговые льготы или отмена налогов по доходам нерезидентов, получаемым от инвестиций в депозиты и другие долговые продукты в Сингапуре; - налоговые льготы по роялти нерезидентам и выплатам по лицензионным соглашениям; - субсидии для компаний, внедряющих новые технологии; - инвестиционное резидентство; - налоговое стимулирование перемещения штаб-квартир международных холдингов; - организация инвестиционных конференции и форумов; - инфраструктурная поддержка; - добровольное, платное использование механизмов «единого окна»; - высокий уровень защиты интеллектуальной собственности.
Швеция IMD – 8, ГП – 2	<ul style="list-style-type: none"> - торговые зоны с таможенными складами в портах (склады временного хранения, где товары могут храниться неограниченный период времени без таможенной очистки); - налоговые льготы (пониженные ставки налогов, инвестиционный вычет, налоговые каникулы, льготы на найм иностранных специалистов и др.); - финансовые инструменты поддержки (займы, гранты, субсидии, кредитные гарантии); - дополнительные налоговые вычеты и субсидии для компаний, инвестирующих в «зеленую энергетику» и НИОКР; - инфраструктурная поддержка; - ускоренная амортизацией (позволяет быстрее списывать стоимость основных средств и уменьшать налогооблагаемую базу); - защита прав собственности и контрактов (защита патентов, торговых марок и авторских прав); - добровольное, бесплатное использование механизмов «единого окна».

Источник: составлено автором на основании [17–20].

Тем не менее, прослеживаются и некоторые уникальные механизмы стимулирования, применение которых в условиях российской действительности может оказаться эффективным. Среди них:

- продвижение государством активного сотрудничества иностранных инвесторов с научно-исследовательскими и образовательными учреждениями (США);
- освобождение от уплаты налога или налоговые льготы для крупных инвестиционных проектов (Китай);

- развитие «зеленых» экономических зон и привлечение инвестиционных проектов в области возобновляемых источников энергии (Германия);
- налоговое стимулирование перемещения штаб-квартир международных холдингов (Сингапур) – данный механизм также возможно использовать для децентрализации инвестиционных потоков в РФ;
- развитие транзитных, портовых зон свободной торговли (ЗСТ), ориентированных на перевалку, хранение и переупаковку грузов для последующего реэкспорта (Сингапур, Швеция);
- увеличение государственных расходов на НИОКР минимум до 3 % от ВВП.

По последнему пункту стоит отметить, что сами по себе государственные расходы на НИОКР не являются механизмом поддержки иностранных инвестиций, однако являются неотъемлемой частью инвестиционного климата. Финансируя расходы национальных и зарубежных (в пределах территории страны) инвесторов на исследования и разработки, государство стимулирует создание более наукоемкого производства и конкурентоспособной продукции, что увеличивает эффективность и конкурентоспособность на мировых рынках его резидентов. Кроме того, участие в подобных программах позволяет государству ограничивать отток инноваций и сохранять результаты НИОКР на своей территории. Для примера рассмотрим удельный вес государственных расходов на НИОКР в России и крупнейших развитых странах в 2018–2022 гг. (таблица 5)

Таблица 5. Удельный вес государственных расходов на НИОКР в объеме ВВП в 2018–2022 гг., %

Страна/годы	2018	2019	2020	2021	2022	Среднее значение, %
США	3,01	3,17	3,47	3,46	–	3,28
Китай	2,14	2,24	2,41	2,43	2,55	2,36
Япония	3,22	3,22	3,27	3,3	-	3,25
Германия	3,11	3,17	3,13	3,14	3,13	3,14
Республика Корея	4,52	4,63	4,8	4,93	–	4,72
Российская Федерация	0,66	0,69	0,74	0,66	0,63	0,68

Источник: составлено автором на основании [21].

Приведенные в таблице данные демонстрируют существенный разрыв в уровне государственных расходов на НИОКР России и развитых европейских и азиатских стран. В России общий объем внутренних расходов на НИОКР с участием частных средств составляет лишь 1–1,1 % от ВВП, в которых удельный вес бюджетных средств составляет не более 70 %. В результате, общие государственные расходы в среднем не превышают 0,7 %, в то время как в Китае этот показатель составляет 2,36 %, в Германии – 3,14 %, а в Южной Корее (Республика Корея) – 4,72 %. При этом все перечисленные страны являются лидерами по привлечению ПИИ, выпуску технологичной продукции и инновационности экономик.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные механизмы поддержки иностранных инвестиций развитых и перспективных мировых экономик, позиции данных стран в международных рейтингах позволяют выделить ряд инструментов, возможных для внедрения в рамках российской системы государственной поддержки ПИИ в реальный сектор. Одновременно с этим, большинство механизмов абсолютно идентичны уже функционирующим на территории РФ за исключением количественных характеристик (размеры льгот, проценты по кредитам, льготные сроки кредитования и т. д.). Таким образом, причина низкой эффективности привлекаемых ПИИ в реальный сектор заключается не столько в отсутствии того или иного механизма государственной поддержки, сколько во внутренних и внешних факторах, влияющих на приток ПИИ, их качество, территориальное и отраслевое распределение и т. д. Выявление подобных факторов и выработка мер по их преодолению являются обязательным условием для совершенствования российской системы привлечения и поддержки ПИИ. Иными словами, разработка программы улучшения механизмов поддержки ПИИ должна строиться, в первую очередь, на устранении негативных факторов, влияющих на приток ПИИ, используя при этом передовой опыт зарубежных стран.

Список литературы

1. Региональный инвестиционный стандарт // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/regionalnyy_investicionnyy_klimat/reginveststandart/
2. Дмитриев А. В., Илясова Ю. В., Мираньков Д. Б. Международная практика регулирования иностранных инвестиций и возможности ее адаптации в Республике Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 62–78.
3. Doing Business 2018: A World Bank Group Flagship Report // The World Bank. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf>
4. Doing Business 2019: A World Bank Group Flagship Report // The World Bank. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2019-report_web-version.pdf
5. Doing Business 2020: A World Bank Group Flagship Report // The World Bank. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/75ea67f9-4bcb-5766-ada6-6963a992d64c/content>
6. IMD World Competitiveness Booklet 2021 // InvestChile. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investchile.gob.cl/wp-content/uploads/2022/03/imd-world-digital-competitiveness-rankings-2021.pdf>
7. IMD World Competitiveness Booklet 2022 // InvestChile. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investchile.gob.cl/wp-content/uploads/2022/07/imd-world-competitiveness-booklet-2022.pdf>
8. IMD World Competitiveness Booklet 2023 // Business School for Management and Leadership Courses. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imd.org/wp-content/uploads/2023/06/WCY_Booklet_2023-FINAL.pdf
9. Global Innovation Index 2018 // World Intellectual Property Organization. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://tind.wipo.int/record/28174>
10. Global Innovation Index 2019 // World Intellectual Property Organization. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://tind.wipo.int/record/40245?v=pdf>

11. Global Innovation Index 2020 // World Intellectual Property Organization. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf
12. Global Innovation Index 2021 // World Intellectual Property Organization. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2021.pdf
13. Global Innovation Index 2022 // World Intellectual Property Organization. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf>
14. Global Innovation Index 2023 // World Intellectual Property Organization. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf>
15. Глобальный инновационный индекс – 2022: резюме // Блог о глобальных инвестициях. 2022. – [Электронный ресурс]. URL: <https://globalstocks.ru/wp-content/uploads/2022/10/wipo-pub-2000-2022-exec-ru-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf>
16. Инновации со знаком неопределенности // Коммерсантъ. 29.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6250698>
17. Бизнес–путеводитель по Соединенным Штатам Америки [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. Торговое представительство Российской Федерации в США. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://kamexport41.ru/upload/iblock/25f/Biznes_putevoditel_po_SSHA.pdf
18. Бизнес–путеводитель по Федеративной Республике Германия [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. Департамент развития и регулирования внешнеэкономической деятельности. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://export-69.ru/upload/iblock/c1b/c1b2188fa096526f487b3dca191034c3.pdf>
19. Ведение бизнеса в Китае 2022: руководство // Дезан Шира и Партнеры. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asiabriefing.com/store/book/introduction-doing-business-china-2022-russian.html>
20. О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах-членах Евразийского экономического союза: доклад // Евразийская экономическая комиссия. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ca0/Doklad-o-delovom-klimате-EAES-19-05-2023-g-dosx.pdf>
21. Ратай Т. В. Наука. Технологии. Инновации: экспресс-информация // Институт статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/759541668.pdf>

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 339.1

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ КАК ГАРАНТИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА

Климовец О. В.

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Краснодар, Российская Федерация

E-mail: new_economics@mail.ru

В настоящее время российские программные решения, которые раньше испытывали трудности с продвижением на внутреннем рынке из-за доминирования иностранных компаний, получили импульс для развития. Так, «Яндекс» вместе со своим обширным портфелем продуктов и сервисов сумел подвинуть Google. Огромное количество направлений, в которых компания проводит исследования, позволили создать уникальную экосистему. В ней пользователи «Яндекса» имеют доступ к широкому спектру возможностей для удовлетворения своих потребностей.

Ключевые слова: международный бизнес, цифровая экономика, санкции, информационные технологии, маркетинг.

ВВЕДЕНИЕ

Главной задачей противодействия экономическим санкциям западных стран в сфере информационных технологий является поиск альтернативных рынков для развития международного бизнеса. Установление новых хозяйственных связей с дружественными государствами позволит сократить зависимость от импорта из недружественных стран, а также сформировать новые рынки сбыта для отечественных товаров и услуг в сфере ИТ. Информационные технологии выступают важным фактором развития экономических отношений и обеспечения национальной безопасности государства. В настоящее время российская ИТ-индустрия сталкивается с трудностями, причины которых кроются в напряженной международной обстановке, а также в том, что многие зарубежные высокотехнологичные компании либо полностью, либо частично приостановили свою деятельность на территории России. В отношении российских компаний было принято несколько пакетов санкционных ограничений. Подобные ограничения являются серьёзным вызовом для компаний, которые столкнулись со значительными трудностями в ведении бизнеса и были вынуждены перейти на использование альтернативных отечественных ИТ-разработок [1]. Данная ситуация приобретает всё большую значимость в современном мире, так как в условиях глобализации и зависимости государств от состояния информационных технологий, зависит уровень развития не только одной страны, но и общий уровень цифровой трансформации мирового сообщества.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Из-за санкций ИТ-бизнес в России столкнулся с масштабными проблемами на разных уровнях. Эксперты выделяют 5 основных областей, где возникли значительные трудности [2]:

1. Инфраструктура – нехватка отечественного оборудования и

производственных мощностей из-за чего происходит замедление развития.

2. Данные – недоступны зарубежные облачные сервисы, возникли проблемы с обработкой данных, отсутствие привычного ПО.

3. Приложения – блокировка многих зарубежных программных продуктов и сервисов.

4. Процессы – необходимость адаптации к новому российскому IT-рынку.

5. Кадры – нехватка квалифицированных специалистов.

Рассмотрим несколько видов санкций, которые были введены со стороны Соединенных Штатов Америки (США) в отношении российского информационно-технологического сектора. В конце первого квартала 2022 г. Министерство финансов США ввело санкции в отношении компаний по производству микрочипов АО «Микрон», научно-исследовательского института «Вектор», занимающихся разработкой радиоэлектроники и выполняющих заказы государственных структур, а также разработчика суперкомпьютеров и поставщика полного спектра решений и услуг для высокопроизводительных вычислений АО «Т-Платформы» [3]. В результате активы перечисленных организаций, находящиеся под юрисдикцией США, заморожены, центральному аппарату управления запрещен въезд на территорию страны, а физическим и юридическим лицам нельзя иметь деловые отношения с рассматриваемыми компаниями. Кроме того, подсанкционные компании лишились возможности получать передовые американские технологии без специальной лицензии, в выдаче которой, скорее всего, будет отказано.

В начале октября 2022 г. Министерство иностранных дел Великобритании ввело запрет на оказание гражданам России услуг в сфере IT-консалтинга, аудита, рекламы, инженерных услуг и юридических консультаций. Руководящие органы Великобритании считают, что Российская Федерация получает более 65 % подобных услуг от тех стран, которые ввели санкции в отношении её деятельности. На территории Великобритании сосредоточено несколько самых масштабных аудиторских компаний, которые покинули российский рынок, отдав свои офисы под управление местному менеджменту. Так, офис Ernst&Young стал называться «Б1», PricewaterhouseCoopers – «Технология доверия», Deloitte – «Деловые решения и технологии», KPMG – Kept. Ранее, в июне 2022 года, Великобритания наложила ограничения на компанию «Новые возможности», которой Сбербанк передал ряд своих цифровых активов, включая онлайн-кинотеатр Okko, музыкальный сервис «Звук», разработчика торговых решений «Эвотор» и «Центр речевых технологий», облачного провайдера SberCloud.

В конце февраля 2023 г. Министерство торговли США расширило список электронных комплектующих, доставка которых в Россию запрещена. В обновленном списке насчитывается более 250 позиций, включая микрочипы различных видов, аудио и видео технику, модемы и роутеры, а также смартфоны и принтеры дороже 300 долларов. В мае 2023 г. Министерство финансов США объявило о внесении в санкционный список более 30 компаний-импортеров электроники, поставляющих товары в Россию или занимающихся производством оборудования на территории государства. Среди них ООО «ЕвроМикроТех», АО «Протон», ООО «Инесло», ООО «Элитан Трейд» и пр. Под ограничения попал также

широкий спектр товаров бытового назначения (аккумуляторы, наушники, пылесосы, утюги, стиральные машины и т. п.).

18 декабря 2023 г. Совет Европейского Союза (ЕС) принял двенадцатый пакет санкций в отношении Российской Федерации. Одной из новых мер стал запрет на поставку программного обеспечения в сферах управления предприятием, промышленного дизайна и производства. Под ограничения попали такие продукты, как AutoCAD, SolidWorks, системы класса SAP. Действие ранее приобретённых лицензий на данные программы для российских пользователей было прекращено, несмотря на период их покупки до введения санкций. Отказаться от представленных услуг могут только крупные отечественные производители, так как средний и малый бизнес (СМП) чаще всего продолжает использовать зарубежные концепции [4].

Вместе с тем, банковская сфера в России располагает конкурентоспособными программными решениями, которые копируются и используются на Западе. Организации Сбербанк, Россельхозбанк, Московский кредитный банк, ВТБ попали под санкции одни из первых в списке банков, которых отключили от международной системы платежей SWIFT. Однако, как отметил Президент России В. В. Путин, «на Западе не учли, что банк – это не просто кубышка, где деньги лежат, а это часть экономики. Банковская сфера отражает состояние экономики в целом». Из-за ухода корпоративных клиентов, которые занимаются внешнеторговой деятельностью, банки рискуют потерять лишь часть своих доходов, поскольку доля доходов от таких пользователей не велика.

Несомненно, указанные выше санкционные мероприятия наносят значительный вред информационной деятельности на территории России, однако несмотря на все трудности, можно предложить следующие пути противодействия ограничениям, которые помогут минимизировать степень их влияния и позволят компаниям продолжать успешно функционировать:

1. Развитие и наращивание собственных технологических ресурсов и индустрии в целом. Данное предложение включает в себя поддержку и поощрение функционирования существующих компаний на внутреннем рынке, создание стартапов, которые основаны на создании инновационных товаров и услуг. Наша страна реализует такие меры государственной поддержки как налоговые льготы, которые включают в себя:

– налог на прибыль в 2022–2024 гг. составит 0 % для аккредитованных ИТ–компаний, с 2025 г. ставка поднимется до 3 %;

– льготы по налогу на добавленную стоимость (НДС), которыми могут воспользоваться организации, включенные в реестр российского программного обеспечения (ПО). Они освобождаются от уплаты НДС по операциям передачи прав на ПО и баз данных;

– пониженные тарифы страховых взносов с 14 % до 7,6 % получают ИТ–компании, а отсрочку страховых платежей на 12 месяцев дают еще и индивидуальным предпринимателям (ИП);

– упрощенную систему налогообложения (УСН), которую могут применить малые предприятия и ИП, осуществляющие свою деятельность в ИТ–сфере. Льготная программа рассчитана на 3 года и предполагает ставки налога 1 % при объекте

налогообложения «доходы» и 5 % при объекте налогообложения «доходы минус расходы»;

– налог на имущество, земельный налог и арендная плата по договорам аренды государственного и муниципального имущества для объектов связи и центров обработки данных (ЦОД) теперь регулируется региональными органами власти [5].

2 марта 2022 года был издан указ президента «в целях обеспечения ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». IT-специалистам, трудоустроенным в компании, которая работает в сфере информационных технологий и аккредитована Министерством цифрового развития России, доступно льготное кредитование по ставке до 5 %, однако только на покупку жилья по ипотеке и с первоначальным взносом от 20 %. Кроме того, было принято решение не призывать в армию сотрудников IT-компаний в возрасте до 30 лет [6].

2. Усиление международного сотрудничества и установление партнерских отношений с дружественными государствами. Подобные соглашения могут быть достигнуты путём подписания долгосрочных договоров, направленных на развитие информационных технологий, обмен опытом. Такие партнерские договоренности позволяют создать благоприятную платформу для реализации совместных проектов, снижая риск негативных последствий от экономических санкций. Рассмотрим примеры успешного взаимодействия:

– деловое сотрудничество России со странами Африки в сфере информационной безопасности, искусственного интеллекта (ИИ) и цифровой экономики;

– тесные связи Российской Федерации в международном партнерстве с Китаем, совместные разработки материалов и технологий для микроэлектроники, создание монокристаллов и т. д.;

– укрепление связей в сфере развития ИТ с Индией, совместно с которой начались разработки нового программного обеспечения [7].

3. Следует активно наращивать научно-технический и кадровый потенциал в сфере информационных технологий. Для этого необходимо увеличить финансирование ВУЗов и колледжей с IT-кафедрами, а также поддержку стартапов и научных разработок. Особое внимание стоит уделить развитию компетенций в области искусственного интеллекта, больших данных, кибербезопасности и других передовых направлений.

Вышеуказанные пути противодействия экономическими санкциями в сфере информационных технологий активно применяются российским правительством, а значит, наша страна частично нашла способы минимизации ущерба от деятельности недружественных государств. В настоящее время российские программные решения, которые раньше испытывали трудности с продвижением на внутреннем рынке из-за доминирования иностранных компаний, получили импульс для развития. Так, «Яндекс» вместе со своим обширным портфелем продуктов и сервисов сумел подвинуть Google. Огромное количество направлений, в которых компания проводит исследования, позволили создать уникальную экосистему. В ней пользователи «Яндекса» имеют доступ к широкому спектру возможностей для удовлетворения своих потребностей.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ КАК ГАРАНТИЯ...

Рассмотрим список крупнейших российских ИТ–компаний в 2022 г. Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о значительно развитии ИТ–сферы отечественными производителями в 2022 г. по всем направлениям деятельности: цифровые продукты, аудио и видео, связь, программное обеспечение, телекоммуникация, системы автоматизации предприятий и проектирования.

Таблица 1. Крупнейшие российские ИТ–компании в 2022 г. [8–16]

Компания	Совокупная выручка, млрд руб. с НДС	Рост выручки 2022/2021, %	Численность сотрудников, тыс. чел.	Сфера деятельности
ООО «Марвел–Дистрибуция»	215,3	2,1 %	2	Дистрибуция компьютерной техники, серверного и сетевого оборудования, программного обеспечения, портативной электроники и средств связи в России
АО «Группа Т1»	166,7	90,0 %	15	Развитие и аутсорсинг инфокоммуникационной инфраструктуры
ООО «OCS» * (1)	142	-34,6 %	2,1	Дистрибуция проектных решений и ритейл–продуктов
ПАО «Ростелеком» **	126	42,5 %	н/д	Предоставление услуг связи и цифровых продуктов
ООО «МТС Диджитал»	125,7	29,0 %	7,8	Предоставление телекоммуникационных услуг
ООО «Икс Холдинг»	91	116,7 %	5	Занимается инвестициями, управлением и консолидацией на рынке телеком–медиа и технологий.
ПАО «Софтлайн» (2)	78,8	-	8,4	Дистрибуция компьютерных комплектующих и ИТ–оборудования, разработка и выпуск продукции под собственными марками
ООО «1С» (3)	65,8	-6,5 %	н/д	Занимается разработкой, продажей и поддержкой программного обеспечения, компьютерных игр, а также интернет–решений для бизнеса и обучения
ООО «Новый Ай Ти Проект» (ранее 3Logic Group)	65,5	23,1 %	0,9	ИТ– дистрибуция, разработка и производство инновационной электроники
АО «Лаборатория Касперского»	50,7	0,03 %	4	Продажа антивирусного программного обеспечения, оказание услуг по обеспечению безопасности компьютерных систем и сетей

* Без НДС

** Оценка CNews

(1) – данные из открытых источников, в том числе ФНС

(2) – выручка Softline Россия

(3) – оценка CNews на основании прогноза Бориса Нуралиева от октября 2022 г. и выручки ряда компаний группы

ВЫВОДЫ

Таким образом, отечественный IT–бизнес сможет успешно развиваться в дальнейшем, благодаря быстрому и грамотному реагированию со стороны государственных органов в ответ на динамично меняющуюся геополитическую ситуацию. Данное направление импортозамещения будет активно внедряться не только в традиционной области производства, но и в тех сферах, где ранее не применялось. Развитие собственного потенциала, укрепление международного сотрудничества и поиск дополнительных рынков – ключевые стратегии, позволяющие сохранить экономическую стабильность и обеспечить национальную безопасность в условиях ограниченности ресурсов в области IT–индустрии.

Список литературы

1. Лю И., Авдокушин Е. Ф. Формирование и развитие Цифрового шелкового пути Китая. Москва: Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2024. 215 с.
2. Климовец О. В. Ресурсная обеспеченность и геополитические интересы // Экономическое развитие России: вызовы и возможности в меняющемся мире: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 24–27 января 2023 года. Краснодар: ИПЦ Кубанского государственного университета, 2023. С. 12–17.
3. Раджабова З. К. Мировая экономика: учебник. Москва: ИНФРА–М, 2023. 369 с.
4. Климовец О. В. Основные противоречия инклюзивного устойчивого развития // Современные научные исследования: исторический опыт и инновации: Сборник материалов XIX Международной (политематической) научно-практической конференции, Краснодар, 09–10 февраля 2023 года. Краснодар: Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (г. Краснодар), 2023. С. 295–305.
5. Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410684/
6. АО «Группа Т1». [Электронный ресурс]. URL: <https://t1.ru/>
7. Климовец О. В. Экономическая безопасность Российской Федерации и новая геополитическая архитектура // Вестник ИМСИТ. 2023. № 1 (93). С. 3–9.
8. ООО «OCS». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ocs.ru/>.
9. ООО «Икс Холдинг» [Электронный ресурс]. URL: <https://x-holding.ru/>
10. ООО «Марвел-Дистрибуция». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marvel.ru/>
11. ООО «Новый Ай Ти Проект». [Электронный ресурс]. URL: <https://3logic.ru/>
12. ПАО «МТС». [Электронный ресурс]. URL: <https://mts-digital.ru/>
13. ПАО «Ростелеком». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.company.rt.ru/>
14. ПАО «Софтлайн». [Электронный ресурс]. URL: <https://softline.ru/>
15. Портал государственных услуг Российской Федерации. Государственные меры поддержки для IT–компаний. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/itindustry>
16. CNews100: Крупнейшие IT–компании России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2022/articles/rejting_cnews100_v_2022_gvyryuchka_razrabotchikov

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 519.233.5

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА НА
ОСНОВЕ КОРРЕЛЯЦИОННО-РЕГРЕССИОННОЙ МОДЕЛИ (НА
МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Мезенцева Е. В.

*Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Тихорецке, Тихорецк,
Российская Федерация
E-mail: ekaterinamez@yandex.ru*

В работе на примере Краснодарского края проведен корреляционно-регрессионный анализ для определения взаимосвязи, установления причинно-следственной зависимости между валовым региональным продуктом и отобранными факторами. Актуальность исследуемой проблематики обусловлена тем, что валовой региональный продукт является ключевым макроэкономическим индикатором социально-экономического развития региона, так как его уровень и динамика непосредственно отражают качество жизни населения, состояние социальной сферы, инвестиционный климат, конкурентоспособность территорий, развитость инфраструктуры и т. д. Соответственно прогнозирование валового регионального продукта выступает важным этапом в измерении перспектив экономической активности региона. Регрессионные модели как инструмент статистического анализа широко используются для прогнозирования социально-экономических показателей на краткосрочную или среднесрочную перспективу. Использование таких моделей позволяет не только предсказать будущее значение с высокой точностью, но и оценить влияние различных факторов на уровень ВРП.

Ключевые слова: валовой региональный продукт, прогнозирование, моделирование, корреляционно-регрессионный анализ, статистика.

ВВЕДЕНИЕ

Валовой региональный продукт является ключевым макроэкономическим индикатором социально-экономического развития региона, так как его уровень и динамика непосредственно отражают качество жизни населения, состояние социальной сферы, инвестиционный климат, конкурентоспособность территорий, развитость инфраструктуры и т. д. Соответственно прогнозирование валового регионального продукта выступает важным этапом в измерении перспектив экономической активности региона. Регрессионные модели как инструмент статистического анализа широко используются для прогнозирования социально-экономических показателей на краткосрочную или среднесрочную перспективу. Использование таких моделей позволяет не только предсказать будущее значение с высокой точностью, но и оценить влияние различных факторов на уровень ВРП. На основе объективных данных и прогнозов региональные органы власти принимают обоснованные экономические решения и во взаимодействии с бизнесом разрабатывают эффективные стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Для написания научной статьи была использована теоретическая база работ российских и зарубежных ученых в области использования статистических методов прогнозирования [1, 2, 6], научные материалы по актуальным вопросам развития валового регионального продукта и факторов его определяющих [3], а также

информационная база Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [4].

Целью научной статьи является прогнозирование валового регионального продукта под влиянием факторов его определяющих с использованием регрессионных моделей.

В соответствии с решаемыми задачами исследования в статье использовались статистические методы анализа: динамики, табличный и графический методы представления результатов исследования, корреляционно-регрессионный анализ для определения взаимосвязи, установления причинно-следственной зависимости между ними и оценки влияния факторов на ВРП в будущем. Расчеты проведены на примере Краснодарского края.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Повышение валового регионального продукта свидетельствует о росте экономики, увеличении производства и расширении рынков сбыта, высоком уровне жизни и развитии региона, что способствует привлечению инвестиций, созданию новых рабочих мест и в целом росту экономики региона. Вместе с тем рост валового регионального продукта зависит от многих факторов и показателей, а существующие между ними виды связей весьма разнообразны. Корреляционно-регрессионные модели могут учитывать различные факторы, выявлять наличие и оценивать характер связей между исследуемыми переменными, предсказывать изменение результативного показателя, что имеет большое значение в решении проблемы идентификации ключевых драйверов экономического роста региона.

Для проведения прогноза на основе корреляционно-регрессионного анализа была сформирована система показателей (факторов), по нашему мнению, влияющих на уровень ВРП Краснодарского края (таблица 1). К факторам, влияющим на уровень ВРП, отнесены: численность населения, тыс. чел. (x_1), среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб. (x_2), инвестиции в основной капитал, млрд руб. (x_3), продукция сельского хозяйства, млрд руб. (x_4), число организаций, тыс. ед. (x_5), сальдированный финансовый результат, млрд руб. (x_6), индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции (x_7).

Валовой региональный продукт Краснодарского края за 8 лет увеличился более чем в 2 раза и в течение исследуемого периода имеет устойчивую тенденцию роста. Также следует отметить положительную динамику у пяти отобранных факторов и напротив, за 8 лет стало меньше действующих организаций – на 26,5 % и индекс потребительских цен также снижен – более 20 %.

Построим регрессионную модель и проведем серию необходимых проверок для подтверждения ее статистической значимости.

Корреляционно-регрессионный анализ проведем с использованием табличного процессора MS Excel. Этот инструмент значительно упрощает аналитическую работу и позволяет получать результаты более оперативно.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА НА...

Таблица 1. Система показателей для анализа влияния факторов на изменение валового регионального продукта Краснодарского края

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темп роста, %
Валовой региональный продукт, млрд руб. (Y)	1934	2423	2500	2577	2667	3281	4304	4433	229,3
Численность населения, тыс. чел. (X ₁)	5514	5603	5648	5794	5816	5832	5819	5833	105,8
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб. (X ₂)	31304	33403	34372	35894	36547	42228	48684	54492	174,1
Инвестиции в основной капитал, млрд руб. (X ₃)	587	503	515	478	518	559	753	861	146,6
Продукция сельского хозяйства, млрд руб. (X ₄)	341	364	383	417	433	556	603	572	167,9
Число организаций, тыс. ед. (X ₅)	143	142	138	133	115	111	107	105	73,5
Сальдированный финансовый результат, млрд руб. (X ₆)	443	265	252	457	357	586	556	970	218,8
Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции (X ₇)	123,6	92,2	113,7	111,2	104,1	120,6	107,4	96,2	77,8

Для того чтобы выбрать фактор, наиболее тесно связанный с зависимой переменной, оценим величину влияния факторов при помощи коэффициента корреляции (рисунок 1). Отметим, что существует взаимосвязь между факторами, указывающая на проблему мультиколлинеарности. Для борьбы с этой проблемой стандартным подходом является выбор комбинации факторов, которые не взаимодействуют сильно друг с другом [2]. В данном случае такая комбинация не обнаружена, поэтому в модель включаются факторы, оказывающие наибольшее влияние. Анализ матрицы коэффициентов парной корреляции показывает, что зависимая переменная Y имеет связь средней тесноты с X₁, X₄ и X₅, так как коэффициенты корреляции больше 0,3, но не превышают 0,7, то есть сильной связи нет ни с одним фактором.

	Y1	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7
Y1	1							
X1	-0,637	1						
X2	0,232	0,359	1					
X3	-0,14	0,866	0,673	1				
X4	0,601	-0,984	-0,334	-0,831	1			
X5	-0,665	0,975	0,251	0,778	-0,971	1		
X6	-0,132	0,823	0,753	0,949	-0,792	0,716	1	
X7	-0,243	0,028	-0,358	-0,090	0,013	0,063	-0,047	1

Рисунок 1. Результат корреляционного анализа

Следует отметить, что из исходной выборки были исключены факторы, имеющие слабую связь с зависимой переменной. Согласно значениям коэффициентов корреляции, представленным на рисунке 1, отобраны три фактора оказывающие умеренное влияние на валовой региональный продукт.

На основании полученных данных построена регрессионная модель:

$$Y = a_0 + a_1 \times X_1 + a_4 \times X_4 + a_5 \times X_5, \quad (1)$$

где X_i – факторные признаки;

a_i – неизвестные параметры уравнения (коэффициенты регрессии).

Параметры модели регрессии также вычислены с помощью надстройки MS EXCEL – Пакет анализа – Регрессия (рисунок 2).

Так как множественный $R=0,948$ больше 0,7, то связь между факторами X_1 , X_4 , X_5 и Y – тесная.

Значение коэффициента детерминации $R^2=0,899$ показывает долю вариации результативного признака под воздействием изучаемых факторов. Следовательно, 89,9 % валового регионального продукта зависят от включенных в модель факторов (численности населения, числа функционирующих организаций и объемов производства сельского хозяйства), а 10,1 % зависят от факторов, не включенных в модель.

Нормированный R–квадрат свидетельствует, что при добавлении еще одного фактора в модель, ее обхват составит 82,4 %. Таким образом, выбрано оптимальное число факторных признаков.

С использованием F–статистики проверяется, превышает ли объясненная сумма квадратов отклонений ту сумму квадратов отклонений, которая может быть случайной. Критический предел для F–статистики определяется как значение F–распределения с параметрами (уровень значимости), k (число степеней свободы числителя), $n - k - 1$ (число степеней свободы знаменателя) [1].

Пусть уровень значимости $\alpha = 0,05$, тогда из статистической таблицы находим $F_{0,05;3;5} = 5,41$.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА НА...

Таким образом, $F = 11,90 > 5,41$, что означает отклонение гипотезы H_0 при $\alpha = 0,05$. Следовательно, уравнение множественной регрессии в целом является статистически значимым.

Вывод итогов								
Регрессионная статистика								
Множественный R	0,948							
R-квадрат	0,899							
Нормированный R-квадрат	0,824							
Стандартная ошибка	383,632							
Наблюдения	8							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	3	5253038,2	1751012,7	11,898	0,018			
Остаток	4	588695,2	147173,8					
Итого	7	5841733,4						
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	5082,980	17062,724	0,298	0,781	-42290,737	52456,697	-42290,737	52456,697
X1	-1,027	2,418	-0,425	0,693	-7,742	5,688	-7,742	5,688
X4	9,023	4,157	2,171	0,096	-2,519	20,564	-2,519	20,564
X5	-0,003	0,032	-0,080	0,940	-0,091	0,086	-0,091	0,086

Рисунок 2. Результаты регрессионного анализа

Следовательно, уравнение регрессии зависимости валового регионального продукта от численности населения, числа функционирующих организаций и объемов производства сельского хозяйства имеет вид:

$$Y = 5082,980 - 1,027 \times X_1 + 9,023 \times X_4 - 0,003 \times X_5, \quad (2)$$

Параметры уравнения регрессии показывают, что при увеличении численности населения в среднем на 1 тыс. чел., валовой региональный продукт снизится в среднем на 1,027 млрд руб., при увеличении фактора X_4 – объемов производства сельского хозяйства на 1 млрд руб. валовой региональный продукт увеличится в среднем на 9,023 млрд руб., при увеличении числа организаций в среднем на 1 тыс. ед. валовой региональный продукт снизится в среднем на 0,003 млрд руб.

Для прогнозирования величины валового регионального продукта на основе сформированной модели необходимо получить прогнозные оценки факторов X_1 , X_4 , X_5 .

С использованием табличного процессора на основе инструмента величины среднего абсолютного прироста «САП» получены прогнозные оценки каждого фактора и подставлены в уравнение регрессии, которое позволило построить прогноз валового регионального продукта на 2024 и 2025 гг. Прогноз результативного показателя представлен графически на рисунке 3.

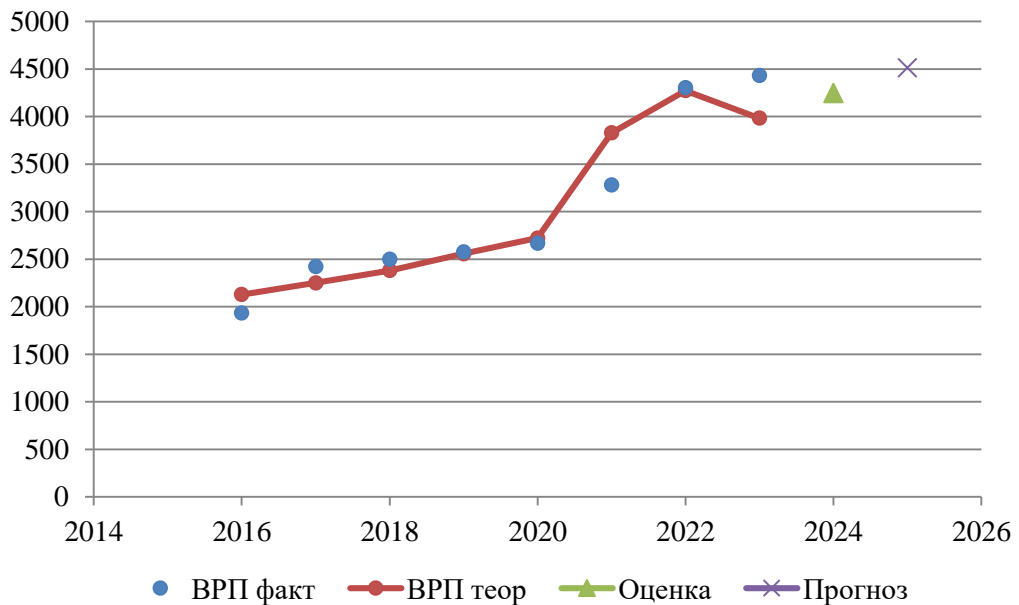

Рисунок 3. Динамика валового регионального продукта и прогноз до 2025 г.

Значение прогнозного Y является точечной оценкой валового регионального продукта в 2024 и 2025 гг. при заданных значениях независимых переменных. Она указывает, какой размер валового регионального продукта следует ожидать, если ситуация будет характеризоваться заданными значениями факторных показателей.

ВЫВОДЫ

Полученная нами регрессия и корреляция оказались адекватными, демонстрируя связь между валовым региональным продуктом и численностью населения, объемом производства сельскохозяйственной продукции, а также числом организаций. Нами построена модель регрессии, установлен уровень зависимости между переменными, а также представлен прогноз изменения ВРП под влиянием факторов на краткосрочную перспективу.

Применение таких моделей может быть полезным для региональных властей при разработке стратегии развития Краснодарского края. Надежные показатели позволят оценить состояние региона, распределить бюджет на основе результатов и аргументировать позицию региона на федеральном уровне.

Список литературы

1. Дегтярева Е. А. Эконометрика. Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2019. 120 с. ISBN 978-5-91221-427-1. EDN NMTWHO.
2. Садовникова Н. А., Шмойлова Р. А. Анализ временных рядов и прогнозирование. Москва: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. 152 с. ISBN 978-5-4257-0204-3. EDN VLVFXD.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА НА...

3. Карасев О. И., Кондратьева В. И., Михеева Н. Н., Шинкаренко Т. В. Повышение достоверности оценки валового регионального продукта при построении прогнозов развития региона // Вопросы статистики. 2017. № 5. С. 3–18. EDN YRGZKH.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036/>.
5. Мезенцева Е. В. Статистика: учебно-методическое пособие. Ставрополь: Издательство Ставролит, 2016. 116 с. ISBN 978-5-903998-58-6. EDN WKWBXV.
6. Seung Hye Choi, Hye-Young Jung, Hyoshin Kim. Ridge Fuzzy Regression Model // International Journal of Fuzzy Systems. 2019. № 21, pp 2077–2090

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 339.137.2

СИНТЕЗ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОНЯТИИ «КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАНЫ»

Никитина М. Г., Буценко И. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: inecondp@mail.ru

В статье представлены результаты научных исследований понятийного аппарата экономической категории «конкурентоспособность страны». На основе обобщения и синтеза научных подходов к выявлению существенных признаков понятий «конкурентоспособность страны», «национальная конкурентоспособность» и «международная конкурентоспособность страны» выявлены базовые критерии, являющиеся основными при раскрытии их содержания. Приведены официальные определения конкурентоспособности по отношению к стране, принятые и используемые международными организациями и национальными институтами. Выделена концептуальная основа в интерпретации экономической категории «конкурентоспособность страны».

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентоспособность страны, национальная конкурентоспособность, международная конкурентоспособность страны, Гарвардская школа бизнеса, конкурентные преимущества, Всемирный экономический форум, Международный институт развития менеджмента, Организация экономического сотрудничества и развития.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее часто употребляемых терминов, связанных с оценкой состояния и развития национальных экономик мира, эффективности их экономической политики является «конкурентоспособность страны». Количество научных публикаций, посвященных исследованию данной экономической категории, широкий диапазон трактовок, стремительное развитие экономического пространства расширяет набор существенных фундаментальных признаков понятия, охватывающего не только способность (результат), но и непосредственно процесс формирования и достижения конкурентных преимуществ в глобальном геоэкономическом пространстве.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена дискуссионными вопросами обобщения и взаимосвязи экономических категорий «конкурентоспособность страны», «национальная конкурентоспособность» и «международная конкурентоспособность страны», которые принято отождествлять или выделять как абсолютно самостоятельные. Переосмысление и уточнение содержания перечисленных понятий и их статуса в науке приобретает концептуальный характер. В практическом аспекте исследование содержательности и фундаментальности определения «конкурентоспособность страны» имеет важное значение с точки зрения разработки инструментов обеспечения национального анализа конкурентоспособности.

Цель работы – на основе синтеза научных подходов к выявлению существенных признаков и критериев, являющихся основными при раскрытии содержания понятий «конкурентоспособность страны», «национальная конкурентоспособность» и

СИНТЕЗ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОНЯТИИ...

«международная конкурентоспособность страны» определить взаимосвязь между ними, выделить концептуальную основу в интерпретации «конкурентоспособность страны» как экономической категории.

Методологической основой исследования стал комплекс общенаучных подходов и методов, в том числе: диалектический, монографический, научный синтез, систематизация, абстрактно-логический и др.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

По мере становления и развития экономической мысли в содержании понятия «конкуренция» появились дополнительные характеристики по отношению к объекту, что стало основой появления нового термина «конкурентоспособность», включающего категории разного уровня: конкурентоспособность товара, фирмы, отрасли, региона и, наконец, конкурентоспособность страны. Истоки концепций национальной конкурентоспособности встречаются в трудах основоположников классической теории (А. Смит, Д. Рикардо) и неоклассиков (Э. Хекшер, Б. Олин), сторонников кейнсианской школы, экономики развития (И. Ромер, Р. Лукас) и новейших теорий торговли (П. Кругман, К. Ланкастер, М. Портер). Наиболее значимыми группами теорий в генезисе представлений о конкурентоспособности страны стали теории международной торговли (сравнение страны с другими в эффективности участия в международном разделении труда) и производственной организации производительных сил (промышленность как главный объект эмпирических исследований процессов конкуренции).

Особенно популярной тема «конкурентоспособность страны» стала в 90-е гг. с появлением работ Майкла Портера, профессора Гарвардской школы бизнеса и деятельности экспертов Всемирного экономического форума в Давосе и Института менеджмента в Лозанне (Швейцария). Майкл Портер сформулировал и ввел в научный оборот понятие «конкурентоспособность страны» («Конкурентные преимущества наций» 1990 г.). Исследование М. Портера затрагивает вопросы, связанные с созданием и поддержкой процветания в современной глобальной экономике, определением конкурентоспособности на основе показателя производительности в контексте фокусирования на микроэкономических основах конкурентного преимущества. Являясь консультантом по конкурентоспособности целого ряда крупных американских компаний, он пришел к необходимости определить смысл понятия «конкурентоспособность» в отношении страны как объекта исследования. По мнению М. Портера: «конкурентоспособность страны как «...продуктивность (производительность) использования ресурсов, выражающаяся в стоимости отдачи от единицы труда или капитала: ...продуктивность (производительность) – главная определяющая уровня жизни в стране, поскольку в ней – основной источник дохода на душу населения» [15]. Как следствие, конкурентоспособность национальной экономики зависит не только от деятельности национальных предприятий, но и от внешних факторов (например, геоэкономическое положение страны, проводимая внешнеэкономическая политика и др.). Основные

концепты и постулаты, сформулированные М. Портером, получили международное признание.

Следует отметить, что в макроэкономическом понимании первоначально конкурентоспособность определялась исключительно по результатам участия страны в международном обмене как «...способность преодолевать международную конкуренцию и удерживать высокий уровень внутреннего спроса без ухудшения баланса текущих операций, которая на международном рынке выражается в акцептации продукции страны и увеличении ее участия на экспортных рынках» [11, С. 6]. При этом достижение высокого уровня невозможно без взаимодействия целостной системой страны, объединяющей структурные элементы, взаимодействующих и дополняющих друг друга.

В научной литературе существует широкий диапазон подходов в понимании конкурентоспособности по отношению к стране. Кроме категории «конкурентоспособность страны» выделяют «национальная конкурентоспособность» и «международная конкурентоспособность страны» с различными интерпретациями применительно к объекту исследования. Сопоставим авторские подходы, систематизировав их в таблице 1.

Таблица 1. Авторские подходы к пониманию содержания конкурентоспособности по отношению к стране

Автор/ коллектив авторов	Определение
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАНЫ	
В. Адрианов	«Способность страны в условиях свободной добросовестной конкуренции производить и реализовать товары и услуги, удовлетворяющие требованиям мирового рынка и повышающие благосостояние народа данной страны и отдельных ее граждан» [1, С. 53].
А. М. Амутинов	«Поддающаяся сравнительной оценке совокупность экономических, производственных, социальных и политических достоинств, а также природных преимуществ, позволяющих ей достигать лучших результатов в обеспечении высокого качества жизни населения в состязании с другими странами» [2, С. 28].
А. А. Воронов	«Способность в условиях свободной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие запросам мирового рынка, при реализации которых повышается благосостояние государства и граждан» [5, С. 60].
Г. А. Завьялова	«Способность экономики государства удерживать и расширять определенные сегменты на мировых рынках, участвовать в международной торговле и производить продукцию, соответствующую мировым образцам, и получать от этого прибыль, важную для дальнейшего развития» [8, С. 47].
А. И. Максимчук	«Сравнительная оценка потенциальных возможностей хозяйствующих субъектов выполнять действия, увеличивающие шансы достижения лучших результатов в будущем по сравнению с конкурентами» [11, С. 6].
А. Г. Мокроносов	«Способность в условиях свободной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие запросам мирового рынка, при реализации которых повышается благосостояние государства и граждан» [12, С. 60].
О. Р. Раджабова, З. К. Раджабова	«Способность страны создавать товары и услуги в условиях свободной конкуренции, отвечающих потребностям рынка, и реализация которых позволяет улучшить благосостояние населения и страны в целом» [16, С. 204].
Н. А. Серова	«Способность стран активно участвовать в мировых экономических отношениях благодаря своим преимуществам, а в условиях свободной конкуренции – продавать товары и услуги, удовлетворяющие требованиям мирового рынка, реализация которых повышает общественное благосостояние» [17, С. 35].

СИНТЕЗ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОНЯТИИ...

Автор/ коллектив авторов	Определение
Н. Ю. Четыркина	«Способность перераспределять созданную в мировом хозяйстве стоимость в свою пользу, появляющаяся благодаря наличию в стране условий для создания большей добавленной стоимости и позволяющая поддерживать качество жизни населения страны на высоком уровне» [22, С. 54].
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	
Е. П. Гармашова	«Способность национальных экономических субъектов выдерживать конкуренцию на мировых рынках благодаря созданию в стране условий хозяйствования, способствующих росту инновационной активности, повышению эффективности деятельности хозяйствующих субъектов и в результате – достижению в стране высокого уровня благосостояния» [6, С. 56].
З. Х. Мухамедова, С. Х. Гундобина	«Способность страны занимать и удерживать определенную позицию в мировой экономике, которая базируется на совокупности целенаправленных действий стратегического характера правительства, которые нацелены на экономический рост благосостояния населения путем повышения продуктивности труда и развития производственных отношений, накопления инновационного потенциала, развития рыночной инфраструктуры, обеспечение макроэкономической стабильности» [13, С. 155].
В. А. Фирсов, Н. В. Лазарева, Е. Н. Куш	«Составная часть экономической системы, в которой хозяйствующие субъекты, используя не только свои производственные мощности, но и маркетинговые, научно-технические и другие возможности, способны выпускать конкурентоспособный товар как на внутренний, так и на внешний рынок, играя на соотношении цены и качества» [19, С. 120].
О. Б. Шевелёва, Н. Д. Вагина, Е. В. Слесаренко	«Возможность экономики в условиях перманентно действующих шоков различной природы эффективно противостоять им, не допуская формирования реальных угроз экономической безопасности и не нарушая при этом воспроизводственных, институциональных, отраслевых и прочих условий развития экономики» [23, С. 1700].
НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ	
Е. И. Васенкова, А. А. Казак	«Способность предприятий и отраслей экономики страны опережать конкурентов в плане завоевания и укрепления позиций на иностранных рынках, обусловлена внутренними экономическими, социальными, политическими и прочими факторами» [4, С. 5].
А. В. Данильченко и др.	«Способность страны, ее субъектов хозяйствования производить и продавать свои товары и услуги на мировых рынках, обеспечивая высокую производительность труда, эффективное использование ресурсов, повышение рентабельности активов, расширенное воспроизводство, стабильно высокий (относительно других стран) уровень валового накопления, доходов и заработной платы своих граждан в расчете на душу населения» [9, С. 9].
Д. В. Кузьмин	«Способность страны сознательно занимать и удерживать место («нишу») в международном разделении труда, позволяющая поддерживать благосостояние нации (создавать и использовать национальное богатство)» [10, С. 66].
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАНЫ	
Е. А. Горбашко	«Способность страны в условиях открытости и конкуренции обеспечить сравнительно высокую результативность своей экономической системы, выражающуюся в достижении высоких и стабильных темпов роста доходов населения, эффективности и производительности, а также расширении мирохозяйственных позиций» [7, С. 35].
Е. С. Шилец, А. Н. Бойко, О. В. Клочкова	«Инструмент в борьбе за место на мировом рынке как механизм повышения эффективности национальной экономики, синергетический эффект которой позволяет наиболее успешным производителям проникать на международный рынок» [24, С. 111].

Автор/ коллектив авторов	Определение
М. И. Шуль	«Определяется модернизационными процессами, оптимизацией отраслевой национальной экономики с учетом долгосрочных геоэкономических перспектив страны. Складывается из множества факторов: природные ресурсы, количество и качество капитала и человеческих ресурсов, направления и инструменты макроэкономического регулирования и т. д.» [26, С. 19–20].

Источник: составлено авторами.

Несмотря на разброс содержательного наполнения авторских концепций, единым является экономическая и социальная составляющая. Нами определен ряд базовых критериев (табл. 2), являющихся результатом абстрагирования при раскрытии содержания экономических категорий конкурентоспособности по отношению к стране.

Таблица 2. Фундаментальные критерии при раскрытии содержания экономических категорий конкурентоспособности по отношению к стране

Критерии	Конкурентоспособность страны	Конкурентоспособность национальной экономики	Национальная конкурентоспособность	Международная конкурентоспособность страны
Способность активно участвовать в мировых экономических отношениях	+	+	+	+
Способность производить и реализовать товары и услуги	+	+	+	+
Инструмент в борьбе за место на мировом рынке	+	+	+	+
Стабильный уровень жизни населения	+	+	+	+
Высокая результативность экономической системы	+	+	+	+
Сравнительная оценка потенциальных возможностей	+			
Модернизационные процессы, оптимизация отраслевой национальной экономики		+		+

Источник: составлено авторами на основе таблицы 1.

Используемый авторский подход для анализа критериев не нарушает границ абстракции и позволяет выделить бесспорный тезис: конкурентоспособность страны – это способность (реальная и потенциальная) достичь устойчивых темпов роста экономики, обеспечивающих высокое качество жизни населения и успешного соперничества на мировых рынках.

Не приводя развернутой аргументации, Четыркина Н. Ю. уточнила ключевые критерии в формировании понятия «конкурентоспособность страны» и «национальная конкурентоспособность»: «объект – созданная стоимость; состязательный характер отношений между странами; роль эффективности интеграции страны в мировую экономику; перераспределительный характер

отношений; не достижение результата, а способность сохранения лидирующего положения» [22, С. 54]. Обобщая вышперечисленные подходы к пониманию, нам представляется целесообразным предложить следующее определение экономической категории «конкурентоспособность страны», охватывающее все особенности и составляющие исследуемого предмета: способность (возможность) страны и её институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, достижение высокого уровня жизни населения и общественного благосостояния. Главной целью конкурентоспособности страны является повышение уровня жизни населения.

По нашему мнению, детализация в большинстве случаев не оправдана. Экономические категории близки по смысловой нагрузке, тесно взаимосвязаны с экономическим и социальным развитием страны и обеспечением ее лидерства (соперничества) в мировой экономике. Большинство авторов используют комбинированный подход, включающий социальные и экономические критерии. Критерии, являющиеся фундаментальными при раскрытии содержания экономических категорий конкурентоспособности по отношению к стране, «национальная конкурентоспособность» и «международная конкурентоспособность» полностью дублируются с критериями «конкурентоспособность страны». Их можно классифицировать как вид или уровень экономической категории «конкурентоспособность страны: внешняя (международная) и внутренняя (национальная). Исходя из этой позиции, понятия «конкурентоспособность страны» и «конкурентоспособность национальной экономики» целесообразно считать отождествленными.

В зарубежных источниках исследователи конкурентоспособности страны дают более общие определения и считают детализацию неоправданной. Например, в словаре издательства Гарвардской школы бизнеса «Field Guide to Business Terms» (1993 г.): «конкурентоспособность – это способность страны или бизнеса производить товары и услуги, которые могут успешно конкурировать на мировых рынках» [27]. Комиссия по промышленной конкурентоспособности при Президенте США определяет сущность конкурентоспособности национальной экономики как «способность страны в рамках свободных и справедливых рыночных условиях производить товары и услуги, которые соответствуют требованиям международных рынков при одновременном сохранении или повышении реальных доходов своих граждан» [28]. Другими словами, «конкурентоспособность страны» трактуется как способность к соперничеству.

Во многих развитых странах мира конкурентоспособность страны рассматривают как одну из основных целей экономической политики. Созданы институты и организации, изучающие конкурентоспособность стран с новыми требованиями и раскрытием термина как аналитического и оценочного инструмента достижения цели (рис. 1).

На официальном сайте Европейского Союза фиксируется: «конкурентоспособная экономика – это экономика, устойчивый уровень производительности которой способен стимулировать экономический рост и, следовательно, доходы и благосостояние. Экономическая конкурентоспособность

уже давно является одним из ключевых политических приоритетов Европейского Союза (ЕС)» [14].

ОРГАНИЗАЦИЯ (ФОРУМ) / МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ	
ВСЕМИРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (World Economic Forum – WEF)	Национальная конкурентоспособность – способность страны и её институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе.
ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ (ОЭСР)	Конкурентоспособность может быть охарактеризована как степень, в которой в условиях открытой рыночной экономики страна производит товары, услуги, прошедшие тест международной конкуренции, одновременно поддерживая и увеличивая реальный национальных доход.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ МЕНЕДЖМЕНТА (International Institute for Management Development, IMD)	Конкурентоспособность страны – способность национальной экономики создавать и поддерживать среду, в которой возникает конкурентоспособный бизнес.

Рисунок 1. Официальные определения «конкурентоспособность страны», принятые международными организациями и институтами.

Источник: составлено авторами на основе [20; 21;30].

Каждый из вышеприведенных подходов объективно указывает на важность экономической категории «конкурентоспособность страны» и означает возможность (способность) выигрыша в экономическом соревновании (состязании, борьбе) между участниками в глобальном экономическом пространстве или является инструментом повышения уровня жизни и улучшения общественного благосостояния.

ВЫВОДЫ

Формирование понятия «конкурентоспособность страны» и введение его в научный оборот представляет собой синтез суждений уходящей исторической эпохи и концептов современности. На основе приведенных в статье работ можно констатировать сложную сущность исследуемой экономической категории «конкурентоспособность страны» с достаточно широкими расхождениями во взглядах и рамках охвата термина. Терминологический аппарат достаточно дискуссионный, ограниченность научно-познавательной ценности отдельных существующих определений связана, прежде всего, с использованием традиционного аналитического инструментария исследования. Несмотря на отдельные различия в

СИНТЕЗ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОНЯТИИ...

подходах к пониманию сущности «конкурентоспособность страны», «национальная конкурентоспособность», «международная конкурентоспособность страны», ключевыми критериями в данных определениях является экономическое и социальное развитие страны и обеспечение ее лидерства (соперничества) в мировой экономике. По нашему мнению, детализация в большинстве случаев не оправдана, экономические категории «национальная конкурентоспособность» и «международная конкурентоспособность страны» дублируют отдельные интерпретации, которые включает в себя категория «конкурентоспособность страны».

На основе обобщения и синтеза приведенных в исследовании подходов к раскрытию содержания «конкурентоспособность страны» и продолжающихся дискуссий с учетом требований научных подходов выделим концептуальную основу (постулат) в интерпретации данной категории: способность (возможность) страны и её институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, достижение высокого уровня жизни населения и общественного благосостояния. Важным является способность страны обеспечить признание мировым сообществом; динамичность и предсказуемость внутренней экономической и политической ситуации в стране; обязательность в соблюдении достигнутых с партнерами договоренностей; место (позицию) в международном разделении труда.

Список литературы

1. Андрианов В. Конкурентоспособность России в мировой экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 47–57. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2000-3-47-57>
2. Амутинов А. М. Конкурентоспособность государства как экономическая категория // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. №6 (15). С. 25–28. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-gosudarstva-kak-ekonomicheskaya-kategoriya>
3. Беленов О. Н. Конкурентоспособность стран и регионов: учеб. пособие. М.: Кнорус, 2015. 142 с.
4. Васенкова Е. И., Казак А. А. Эконометрический подход к оценке национальной конкурентоспособности // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2018. № 2. С. 4–12. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/economy/article/view/2249>
5. Воронов А. А. Конкуренция и конкурентоспособность: количественные методы оценки: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. 154 с.
6. Гармашова Е. П. Основные концепции конкурентоспособности национальной экономики // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 1 (23). С. 51–58. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-konkurentosposobnosti-natsionalnoy-ekonomiki>
7. Горбашко Е. А. Управление конкурентоспособностью. Теория и практика: учебник для магистров / под ред. Е. А. Горбашко, И. А. Максимцева. М.: Издательство Юрайт, 2016. 447 с.
8. Завьялова Т. А. Понятие конкурентоспособности национальной экономики // Креативная экономика. 2010. № 2 (38). С.40–48. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13104631>
9. Конкурентоспособность национальной экономики Республики Беларусь в условиях современных процессов региональной экономической интеграции и интернационализации / А. В. Данильченко [и др.]; под ред. А. В. Данильченко. Минск: БГУ, 2016. 283 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/172764>
10. Кузьмин Д. В. Национальная конкурентоспособность: еще раз о праве термина на существование // Экономика: теория и практика. 2011. № 3 (210). С. 58–66. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-konkurentosposobnost-esche-raz-o-prave-termina-nasuschestvovanie>

11. Максимчук А. И. Индикаторы оценки международной конкурентоспособности // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2019. № 1. С. 5–11. [Электронный ресурс]. URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/81775>
12. Мокронос А. Г. Конкуренция и конкурентоспособность: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2014. 194 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28814/1/978-5-7996-1098-2_2014.pdf
13. Мухамедова З. Х., Гундобина С. Х. Конкурентоспособность национальной экономики: эволюция экономических школ, теории и концепции // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2018. № 2 (60). С. 152–160. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36399592_42077004.pdf
14. Официальный сайт Европейского Союз. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/competitiveness.html>
15. Портер М. Е. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. Москва: Альпина Пабли., 2016. 947 с.
16. Раджабова О. Р., Раджабова З. К. Теоретическо-методологические аспекты международной конкурентоспособности // Фундаментальные исследования. 2016. № 8–1. С.203–206. [Электронный ресурс]. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40563>
17. Серова Н. А. Конкурентоспособность России в мировой экономике (результаты международных рейтингов) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 45. С. 34–41. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-rossii-v-mirovoy-ekonomike-rezultaty-mezhdunarodnyh-reytingov>
18. Стрябкова Е. А. Эволюция представлений о конкурентоспособности страны // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2007. № 2. С. 95–99. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17164743_40157143.pdf
19. Фирсов В. А., Лазарева Н. В., Куц Е. Н. Конкурентоспособность национальной экономики как определяющий критерий обеспечения экономической безопасности страны // Журнал прикладных исследований. 2022. № 4. С. 119–127. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-natsionalnoy-ekonomiki-kak-opredelyayuschiy-kriteriy-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-strany>
20. Центр гуманитарных технологий. Индекс глобальной конкурентоспособности. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index>
21. Центр гуманитарных технологий. Рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности по версии IMD. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/imd-world-competitiveness-ranking>
22. Четыркина Н. Ю. Конкурентоспособность страны: природа, источники и факторы // Теория и практика общественного развития. 2016. № 10. С. 53–55. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-strany-priroda-istochniki-i-factory.pdf>
23. Шевелёва О. Б., Вагина Н. Д., Слесаренко Е. В. Конкурентоспособность национальной экономики в контексте обеспечения экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 9. С. 1698–1710. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43961753_11963479.pdf
24. Шилец Е. С., Бойко А. Н., Ключкова О. В. Формирование международной конкурентоспособности национальных экономик в современных условиях // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С. 110–118. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/104/104>
25. Шуль М. И. Научные представления о сущности конкурентоспособности национальной экономики // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 320–323. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-predstavleniya-o-suschnosti-konkurentosposobnosti-natsionalnoy-ekonomiki>
26. Шуль М. И. Теоретические основы международной конкурентоспособности страны // Экономика: теория и практика. 2011. № 4 (24). С. 17–20. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17526014_79214913.pdf
27. Field Guide to Business Terms: A Glossary of Essential Tools and Concepts for Today's Manager. Boston (Mass.). 1993. 277 p. (P. 71.)

СИНТЕЗ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОНЯТИИ...

28. Global Competition: The New Reality, Report of the President's Commission on Competitiveness. Vol. 2. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1985.
29. Olczyk M. Konkurencyjność: teoria i praktyka. Warszawa: CeDeWu, 2008. 174 s.
30. Technology and the Economy: The Key Relationships. OECD, Paris ,1992. 328 p.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 336.71, 336.012.23

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА США В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Орлова Д. Р., Дерябина Д. А.

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: DROrlova@fa.ru*

Информационные технологии активно развиваются в последние годы, что приводит к всеобщей цифровизации жизни человечества. Благодаря внедрению инноваций в экономическую деятельность ускоряются и упрощаются многие процессы. Банковский сектор США, как один из самых сильных на мировой арене, получил достаточное количество преимуществ от цифровой экономики, однако вместе с тем возникает и ряд проблем, которые требуют решений. Цель статьи – анализ функционирования американской банковской системы в условиях экономики данных, выявление основных преимуществ, проблем и способов их решений. В работе использовались общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез, сравнительный метод, а также математико-статистические методы. По итогам исследования были выявлены такие преимущества от внедрения информационных технологий в банковскую сферу, как: переход на безналичные расчёты, рост ВВП США, ускорение сервиса обслуживания клиентов, снижение стоимости транзакций. Наряду с этим были выявлены и проблемы. Например, вопрос безопасности, отсутствие чёткого правового регулирования информационных технологий, необходимость больших финансовых затрат и компьютерных мощностей. В конце были выделены основные направления решения данных проблем.

Ключевые слова: банковская система, американская экономика, экономика данных, цифровизация, информационные технологии, открытый банкинг, блокчейн, искусственный интеллект.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последнего десятилетия все сферы жизни общества подвергаются такому явлению, как «цифровизация». Экономика является ярким тому примером ввиду того, что на наших глазах ежедневно модернизируются и ускоряются десятки процессов. Как известно, США и Китай могут по праву считаться лидерами в области цифровой экономики. Следовательно, они являются некими «первопроходцами», на опыте которых строят свою цифровую экономику остальные страны. Американский банковский сектор представляет собой достаточно устойчивую и сложную систему, которая успешно функционирует и в значительной мере влияет на всю мировую экономику. Процесс цифровизации охватывает её со всех сторон, что формирует определённый интерес к ней с точки зрения рассмотрения преимуществ, которые банковская система США получает от внедрения инновационных технологий, а также проблем, возникающих в связи с этим. Всё это подчеркивает актуальность выбранной для исследования темы.

Многие учёные посвятили достаточное количество времени изучению процесса цифровизации. Так, феномен экономики данных изучали Бутенко Е. Д., Нагорный Д. А. и Рыбинец А. Г. Конкретно развитие цифровизации и информационных технологий в банковском секторе положено в основу исследований Вдовиной Е. С., Васильева И. И., Горян Э. Н. и Липницкого Д. В. Однако также

важную роль играет вопрос рассмотрения правовых аспектов регулирования цифрового банкинга. Он стал ключевым в работах Ермакова Е. П., Фролова Е. Е., Лысенко И. А. и Шмыгова А. А.

Анализ работ по исследуемой проблеме показал, что в настоящее время детально изучено развитие экономики данных и относящихся к ней информационных технологий банковской системы. Тем не менее, при всём многообразии имеющегося материала уделяется мало внимания вопросам влияния цифровых инноваций на банковский сектор США как страны, чьему примеру следуют десятки других.

Целью исследования является анализ функционирования американской банковской системы в экономике данных, выявление проблем её эффективности, а также выработка предложений по улучшению банковской деятельности в США.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо выполнение следующих задач:

- исследование сущности понятия «цифровизация» и её особенностей;
- изучение основных информационных технологий, используемых в банковском секторе США, и их преимуществ;
- выявление проблем, с которыми сталкивается американская банковская система в экономике данных;
- выработка практических рекомендаций по улучшению функционирования банковской системы США.

В процессе исследования были использованы общенаучные методы познания такие, как анализ, синтез, сравнительный метод, а также математико-статистические методы.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Понятие «цифровая экономика» имеет достаточно большое количество различных формулировок ввиду постоянного изменения и модернизации процессов внутри экономики данных. Так, американский учёный Н. Негропonte, который впервые употребил данное словосочетание, связывал его с улучшениями в мировой экономике благодаря внедрению и развитию информационных технологий [1]. В настоящее время, в третьем десятилетии XXI века, на данное понятие большинство исследователей смотрит несколько иначе. Профессор РАН Иванов В. В. называет цифровую экономику «виртуальной средой, дополняющей нашу реальность». В то же время в официальном документе по «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» говорится о том, что цифровая экономика может быть определена как «хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме» [1, с. 212].

По мнению авторов, для более полного представления о данном понятии следует объединить точки зрения вышеуказанных авторов. Иными словами, цифровая экономика – это экономическое пространство, в рамках которого осуществляются экономические процессы всех уровней и которое существует на основе информационных технологий и данных в цифровой форме, а также способствует стремительному развитию всей мировой экономики.

Цифровая экономика в значительной степени отличается от традиционной. Она имеет свои особенности. Так, например, одной из характерных её черт является повышение уровня эффективности процессов в экономике. Благодаря использованию инновационных технологий существенная часть работы стала выполняться автоматически, что ускорило деятельность экономических субъектов. Однако это также ведёт и к негативным последствиям – сокращению рабочих мест. Кроме того, в качестве особенности цифровой экономики может быть отмечено появление более конкурентных «игроков» в связи с цифровизацией. То есть, если у компании есть новейшее оборудование и инструменты взаимодействия с клиентами, она будет выделяться на фоне конкурентов и постепенно завоевывать всё большую долю рынка. Аналогичным образом происходит и на мировой арене между странами: те из них, которые обладают высокой степенью цифровизации экономики, являются мировыми лидерами. Наконец, характерным для цифровой экономики считается активное внедрение и продвижение ЭДС (электронных денежных средств), а также цифровых платежных систем. Причиной тому является более удобное использование этих способов расчётов, чем наличными.

Эпоха цифровизации внесла существенные изменения в финансовый сектор. В частности, Нагорный Д. А. выделяет такие пути проявления цифровой трансформации, как: ускорение вывода новых цифровых продуктов на рынок, финтех, рост количества электронных услуг населению и т. д. [8, с. 19].

Так, США, будучи одним из лидеров в сфере цифровой экономики, ежегодно внедряют новые технологии в финансовую систему. Кроме того, в данной стране «движущей силой цифрового роста» являются достижения в области образования и НИОКР, что подчеркивает значимость информационных инноваций для США. Важно отметить, что в последние годы нарастает тенденция к созданию не просто отдельных технологий, а целых экосистем. Одной из основных целей их внедрения является развитие экономических взаимодействий и финансовых продуктов [9, с. 169].

Переход элементов банковской системы США в цифровое пространство демонстрирует ряд преимуществ. Основным из них является то, что благодаря переходу к цифровому банкингу в структуре расчетов, с каждым годом всё большую долю занимают безналичные транзакции (см. рис. 1). Из приведённого ниже графика можно выявить зависимость исследуемых показателей: при увеличении выпуска цифровых продуктов снижается доля наличных денег в структуре финансовых

расчетов. Как следствие из этого, операции с денежными средствами становятся более прозрачными [3, с. 11].

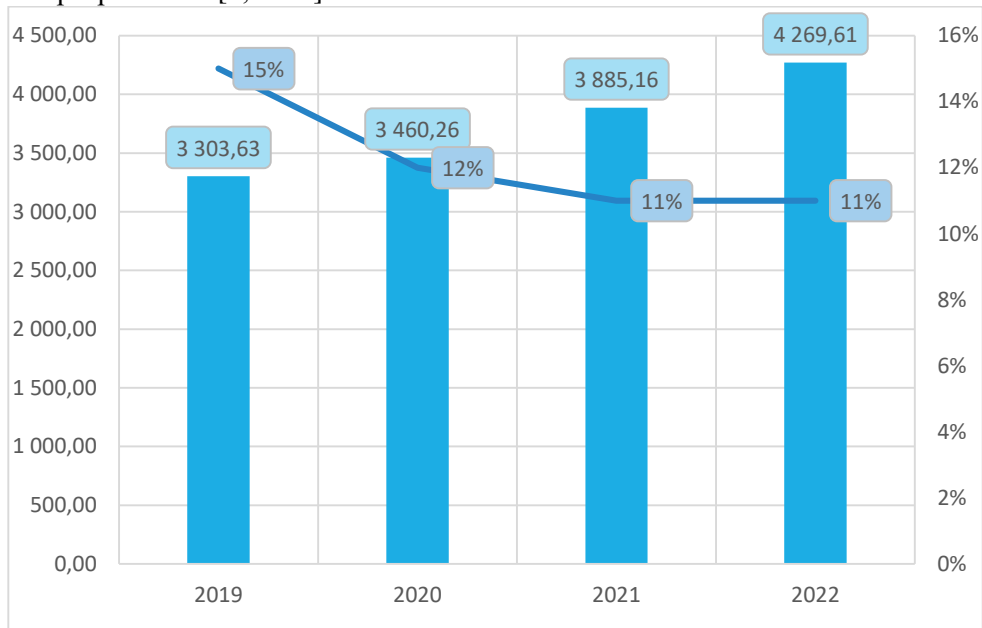

Рисунок 1. Валовой выпуск цифровой экономики (млрд долл.) и доля наличных денег в структуре транзакций в США.

Источник: составлено авторами на основе данных статистического агентства Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/962053/digital-economy-gross-output-usa/>; <https://www.statista.com/statistics/568523/preferred-payment-methods-usa/>

Примечательно, что достаточно резкое падение доли наличных транзакций в 2020 году по сравнению с 2019 годом может быть связано с пандемией COVID-19, однако данная тенденция продолжается и в последующие годы, хоть и меньшими темпами. Более того, в 2024 году, по прогнозам Statista, доля наличных в расчётах в США уменьшится до 8 % [17].

Считаем важным уточнить, что в последние годы набирают обороты такие элементы банковской системы, как финтех компании. Они создают банкам существенную конкуренцию и вынуждают их создавать свою «цифровую экосистему» и постоянно модернизировать деятельность, в том числе и опыт взаимодействия с клиентами [11]. В то же время, по мнению Васильева И. И., сейчас наблюдается тенденция к развитию партнерских отношений между финтех компаниями и банками [2, с. 92]. И те, и другие используют ряд инноваций, которые ускоряют цифровизацию банковской сферы. Так, в числе основных направлений развития цифровых технологий в США можно выделить Открытый банкинг (Open banking), искусственный интеллект и блокчейн. На их примере, в частности, рассмотрим преимущества, которые получает банковская система США в условиях экономики данных.

Открытый банкинг (от англ. Open Banking) представляет собой финансовую концепцию, которая предполагает предоставление доступа к банковским данным клиента третьим лицам по предварительному одобрению всех сторон операции. Основным преимуществом данной модели является почти мгновенное проведение банковских операций. Так, например, при рассмотрении заявки клиента на получение кредита банк может быстро получить всю кредитную историю заемщика и в течение минимального промежутка времени вынести свое решение. Всё это сказывается на отношении людей к кредитам. Благодаря быстрому сервису они больше склонны к получению заёмных средств. Этот факт может быть подтвержден повышающейся тенденцией суммы взятых населением кредитов в цифровых банках (см. рис. 2). При построении прогноза динамики данного показателя методом экспоненциального сглаживания становится очевидно, что в 2025 году сумма кредитов, взятых в цифровых банках, превысит отметку в 2 трлн долларов.

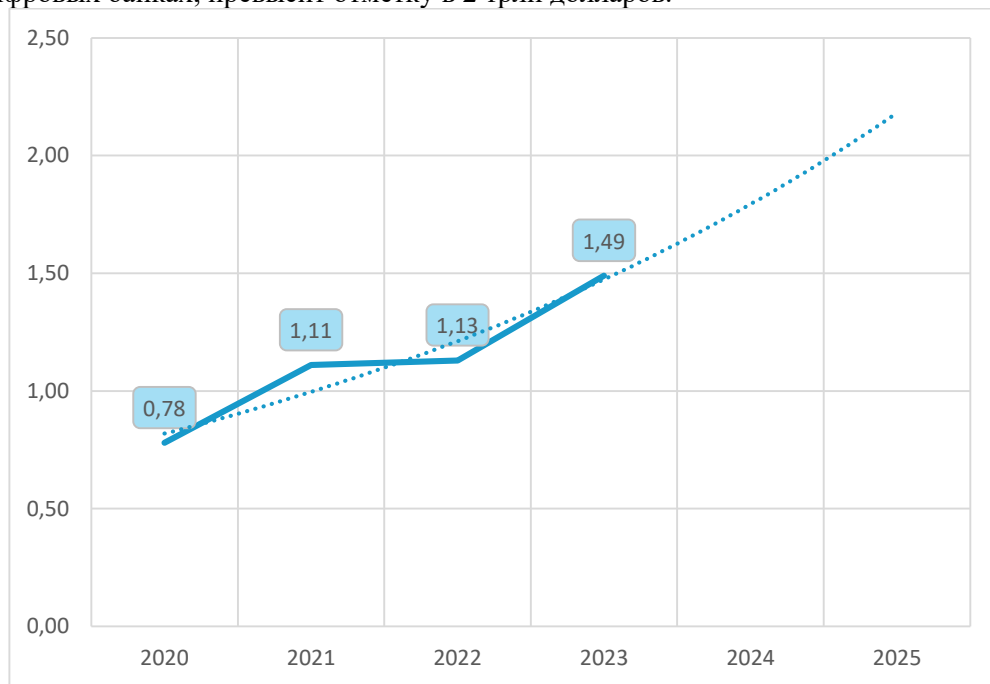

Рисунок 2. Стоимость кредитов в цифровых банках США с 2020 по 2023 год с прогнозом до 2025 года (трлн долл.)

Источник: составлено авторами на основе данных статистического агентства Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1388114/value-of-loans-by-traditional-and-digital-banks-in-the-us/>

Аналогично происходит и в ситуации с депозитами, потенциальные вкладчики могут быстро получить агрегированные данные о деятельности банка, что повышает степень доверия к нему, а также склонность клиентов к открытию депозита.

Исходя из вышесказанного, быстрый обмен различной финансовой информацией увеличивает скорость обращения денежной массы. В то же время,

учитывая, что, по данным Trading Economics, денежный агрегат M2 в экономике США с марта 2023 по март 2024 почти не изменился и составляет примерно 20,8 трлн долларов, можно утверждать, что благодаря Открытому банкингу растёт ВВП США [10]. Кроме того, согласно прогнозу McKinsey Global Institute, к 2030 году только за счёт использования технологии открытых данных ВВП США вырастет на 1,5 % [14].

Отдельного внимания заслуживает вопрос использования искусственного интеллекта в банковском секторе. Наиболее важной сферой его применения, по нашему мнению, является кибербезопасность информационных систем, применяемых в деятельности банков. Исследователь Э. В. Горян утверждает, что последнее время в США наиболее популярными и эффективными инструментами искусственного интеллекта являются те, которые направлены на «обнаружение мошенничества и борьбу с отмыванием денег» [4, с. 68].

В качестве примера таких технологий можно привести программное обеспечение компании Feedzai, специализирующейся на финансовом риск-менеджменте. Их продукт называется «OpenML Engine», и его функционал предназначен для выявления и предотвращения случаев мошенничества и отмывания денег. Данное программное обеспечение внедряется в системы банка и при появлении новых заявок на счета проводит анализ клиента на склонность к мошенничеству. В случае низкого и среднего риска заявка одобряется. Если программа не обладает достаточными данными о клиенте, она автоматически генерирует дополнительные вопросы (ранее созданные экспертами риск-аналитики данного банка) и по итогу определяет уровень риска. В случае выявления высокой степени риска такая заявка отправляется на рассмотрение реальному человеку, эксперту банка.

Программное обеспечение данной компании используется более чем в 10 крупнейших банках США. Благодаря этому количество успешно одобренных заявок повысилось на 70 %, в то же время длительность обработки каждой заявки значительно сократилась [4, с. 69].

Ещё одним направлением использования искусственного интеллекта банковской системой является применение его в области технической поддержки клиентов в виде чат-ботов. Благодаря этому пользователь может в любой момент узнать интересующую его информацию по необходимой ему банковской услуге, что повышает лояльность клиентов. Наряду с этим управляющие банком могут сократить расходы на персонал центра технической поддержки.

Если рассматривать в целом пользу банкам от внедрения искусственного интеллекта, то следует отметить значительный прирост в доходах. Так, информационное агентство Bloomberg со ссылкой на отчет McKinsey Global Institute прогнозирует, что банки, использующие инструменты генеративного искусственного интеллекта, могут повысить свои ежегодные доходы на 340 миллиардов долларов за счёт повышения производительности (в т. ч. и благодаря применению приведенного выше программного обеспечения компании Feedzai) [12].

Для данного исследования в качестве третьей технологии экономики данных, оказывающей значительное влияние на банковскую систему США, был выбран «блокчейн». Если проанализировать динамику расходов на эту технологию, можно

увидеть, насколько стремительно растёт её популярность (см. рис. 3). В приведённом ниже графике были использованы данные по двум показателям: объём рынка блокчейна в банковской и финансовой сфере в мире (синие столбцы) и расходы на блокчейн в США в сумме по всем секторам экономики (оранжевые столбцы). Ввиду того, что США входит в пятерку лидеров по внедрению технологий блокчейна, мировую динамику объёма рынка блокчейна в банковском секторе можно сопоставить с частным случаем на примере США. По прогнозам статистической компании Statista, к 2025 году первый показатель вырастет до 13,27 млрд долларов, а второй – до 41,11 млрд долларов. Из этого следует, что мировой рынок блокчейна в банковском и финансовом секторах вырастет с 2019 по 2025 год в 27,6 раз, а в целом расходы на него по всем секторам экономики США в 13,1 раз. Разница в динамике в 2 раза говорит о том, что блокчейн активно развивается в банковской системе.

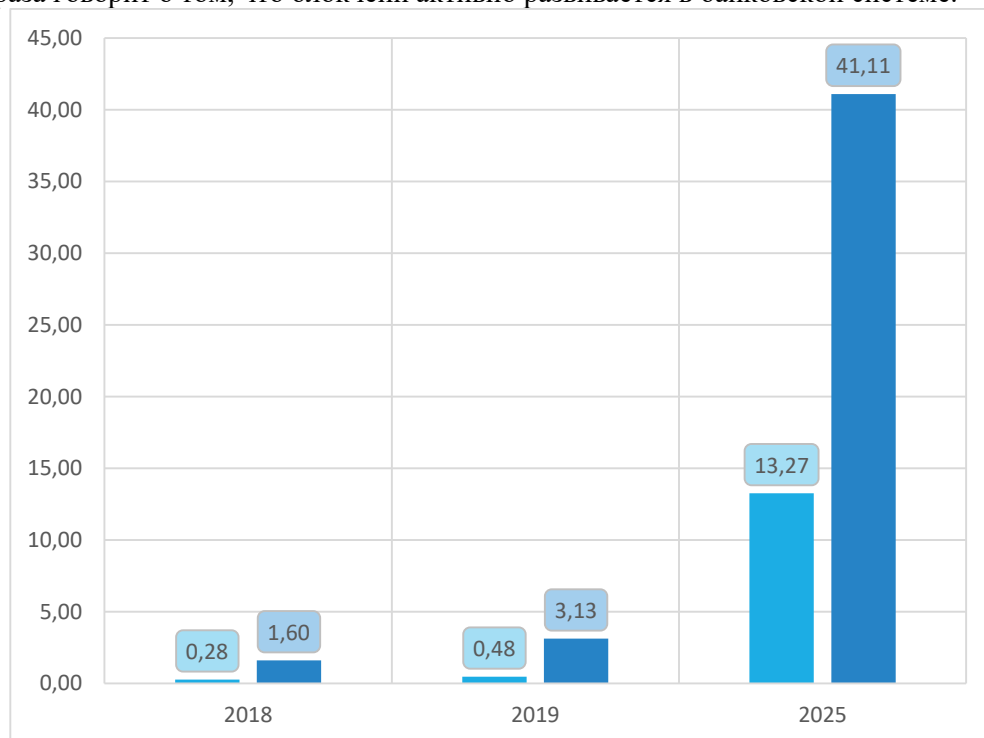

Рисунок 3. Объём рынка блокчейна в банковском и финансовом секторах в мире (синие столбцы) и сумма расходов на блокчейн в целом по всем секторам с США (оранжевые столбцы) (млрд долл.)

Источник: составлено авторами на основе данных статистического агентства Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1229290/blockchain-in-banking-and-financial-services-market-size/>; <https://www.statista.com/statistics/1013259/spending-on-blockchain-usa/>

Если говорить о преимуществах данной технологии, то можно выделить несколько моментов. Во-первых, операции в блокчейне максимально прозрачны.

Так, например, в момент осуществления перечисления денег сведения о транзакции помещаются в цепочку блоков, и после завершения операции она становится доступна для мониторинга. Как отправитель, так и получатель имеют возможность отследить статус транзакции (при помощи использования идентификатора).

Во-вторых, из первого преимущества следует и второе – безопасность. Однако безопасность в блокчейне обеспечивается не только прозрачностью сделок, но и тем фактом, что «блоки» с каждой банковской операции выстраиваются последовательно. Каждый последующий блок содержит «хэш» (имя блока) предыдущего. При изменении одного блока его хэш меняется, и вся дальнейшая цепочка требует перестройки [6, с. 62]. Именно поэтому данные, внесённые в блокчейн, практически не подлежат изменению или удалению. Более того, о безопасности сделок с применением данной технологии свидетельствует и тот факт, что в настоящее время активно тестируется цифровой доллар США при помощи блокчейн-платформ.

Наконец, третье достоинство этой технологии заключается в относительной дешевизне и скорости транзакций. В качестве подтверждения можно привести следующий пример. В 2020 году в сети Ripple была осуществлена транзакция стоимостью 20 млн XRP (примерно 1,1 млрд руб. по курсу на марта 2024 года). Комиссия за осуществление перевода составила всего 0,09 долларов США (или 8,32 руб.). Также, если говорить о скорости совершенного перевода, то сделка была проведена за 4 секунды, что явно демонстрирует преимущество блокчейна.

Несмотря на существенное количество плюсов от внедрения инновационных технологий в банковскую систему США, существуют и недостатки. Примечательно, что многие из них основываются как раз на недоработанных аспектах преимуществ.

Наиболее очевидной проблемой информационных технологий в наше время является безопасность. С одной стороны, как было сказано выше, искусственный интеллект может использоваться в качестве способа обеспечения кибербезопасности. Однако с другой стороны, ввиду того, что в целом искусственный интеллект относительно новое изобретение, он ещё недостаточно исследован и настроен, из-за чего злоумышленники могут воспользоваться уязвимыми частями такого программного обеспечения.

Кроме того, технология Открытого банкинга подразумевает единую систему, где будут храниться все данные по клиентам и финансовым учреждениям. Безусловно, данная система позволяет ускорить многие процессы, потому что у всех есть достоверная информация о противоположенной стороне сделки. Тем не менее, у Открытого банкинга есть и недостаток в виде непроработанной системы безопасности, так как доступ к информации могут получить и мошенники.

В качестве подтверждения данной проблемы обратимся к динамике изменений количества ежегодных кибератак на финансовый сектор в США (см. рис. 4). Как видно из графика, последние 4 года количество кибератак на сферу финансовых услуг растёт. В большей степени это связано с внедрением новых информационных технологий, которые ещё не идеально доработаны, но используются банками для удержания своей конкурентной позиции на рынке. Злоумышленники также

постоянно совершенствуют свои схемы, что требует от банков дополнительных усилий и затрат для их мониторинга и предотвращения.

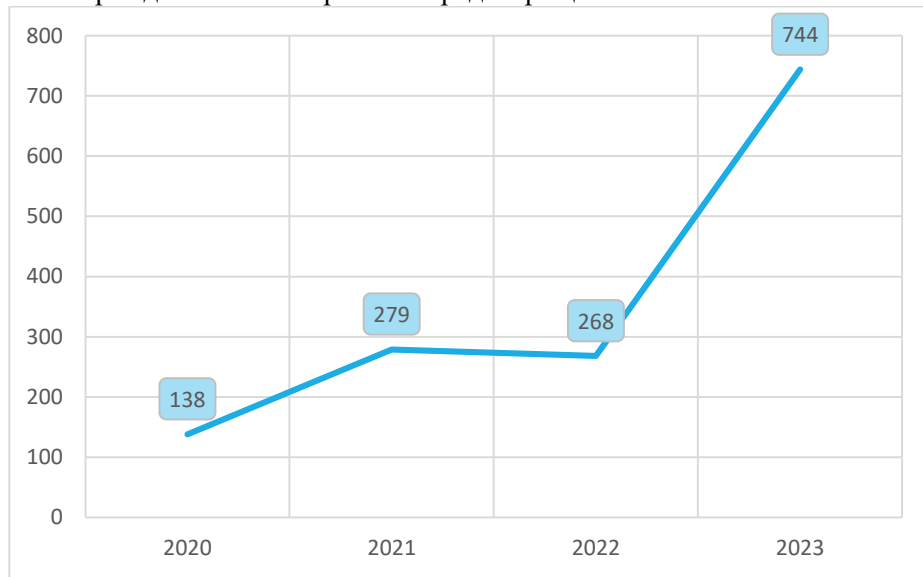

Рисунок 4. Количество случаев повреждения и утечки данных при кибератаках в сфере финансовых услуг в США с 2020 по 2023 год (ед.)

Источник: составлено авторами на основе данных статистического агентства Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1318486/us-number-of-data-loss-incidents-in-financial-sector/>

Следующей проблемой, связанной с внедрением информационных технологий, является необходимость больших финансовых вложений на начальном этапе, а также затрат на их поддержание и совершенствование. Искусственный интеллект развивается с огромной скоростью и для того, чтобы банковская система могла гарантировать своим клиентам быстрый и безопасный сервис, каждый элемент этой системы должен помимо самой разработки и внедрения ежедневно улучшать свои технологии. Всё это требует больших финансовых вложений, которые могут потянуть далеко не все банки США, а лишь самые крупные из них. Данная проблема подтверждается графиком (см. рис. 5). Общая сумма вложений в искусственный интеллект в мировой финансовый сектор за 2023 год составила 35,03 млрд долларов, что демонстрирует факт того, что не все банковские учреждения задействованы в тенденции внедрения ИИ в свою деятельность. Поскольку США и Китай являются странами-лидерами по скорости внедрения ИИ, можно утверждать, что именно они играют важную роль в изменении этой динамики.

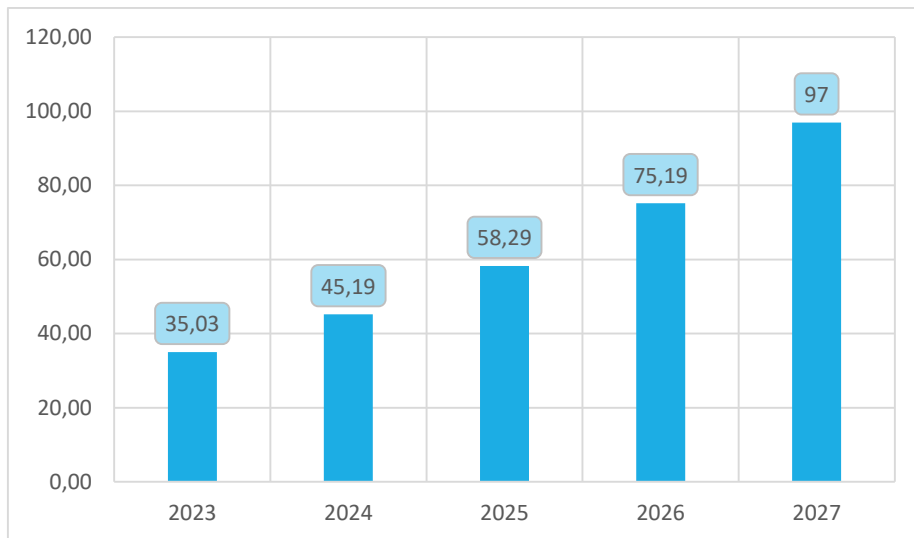

Рисунок 5. Стоимость расходов финансового сектора на искусственный интеллект (ИИ) во всем мире в 2023 году с прогнозом на 2024–2027 год (млрд долл.)

Источник: составлено авторами на основе данных статистического агентства Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1446037/financial-sector-estimated-ai-spending-forecast/>

Кроме того, по данным Statista, лишь 3 ведущих американских банка – Capital One, JPMorgan Chase, TD Bank – обладают индексом готовности к искусственному интеллекту выше 50%. Это доказывает, что не все банки США обладают необходимыми финансовыми ресурсами для внедрения и контроля ИИ [16].

Третьей из основных проблем, которые возникают в банковской системе в условиях экономики данных, – это потребность в больших мощностях вычислительных машин. Данный недостаток просматривается в применении технологий блокчейна. Поскольку при проведении новой операции старые блоки не удаляются, все цепочки требуют больших возможностей вычислительной техники. Соответственно, это требует от банков больших затрат, и, как и в проблеме с ИИ, не каждый небольшой банк может себе это позволить. Значит, учитывая скорости роста объёмов рынка блокчейна в финансовом секторе в 27,6 раз (как это было продемонстрировано на рис. 3), возможен риск выделения монополистов в банковской системе США.

Последней проблемой в данном исследовании была выделена недостаточная нормативно-правовая база для регулирования информационных технологий банковской сферы. На сегодняшний день банковская система США регулируется, в основном, нормативными актами и прецедентным правом, которые относятся к традиционной банковской сфере [5, с. 614]. Однако в сфере цифрового банкинга до сих пор не существует какого-либо масштабного закона, который мог бы четко регламентировать все требования государства в данной области. Значительная часть контрольной функции за информационными технологиями в банковской сфере

возлагается на Бюро финансовой защиты потребителей, и несмотря на то, что каждый год выпускаются отдельные нормативные акты (например, в июне 2022 вышел указ Президента Дж. Байдена «Билль о правах ИИ»), статистика увеличения числа кибератак на банковский сектор подтверждает существование данной проблемы.

Кроме того, следует упомянуть и тот факт, что в технологиях Открытого банкинга в США нет общепринятых в стране стандартов, как, к примеру, PSD2 в Европейском союзе или Consumer Data Right Rules в Австралии. По этой причине возникают спорные ситуации и ослабляется кибербезопасность всей банковской системы.

Одним из способов решения выделенных проблем может стать совершенствование нормативно-правового регулирования. Этот путь поддерживают Лысенко И. А. и Шмыгова А. А. Учёные утверждают, что проблема кибербезопасности должна решаться в том числе и путем совершенствования правового регулирования [7].

Например, как было отмечено в последней из указанных выше проблем, США следует разработать собственный стандарт для Открытого банкинга ввиду того, что на данный момент Бюро финансовой защиты потребителей и стандарты других стран не могут покрыть все возникающие негативные ситуации, связанные с кибербезопасностью. Причиной тому является то, что США являются одной из ведущих экономик мира, и те модели, которые используют другие государства, могут не подойти для внедрения в Соединенных Штатах.

Кроме того, имеет смысл рассмотреть предложение по созданию единого нормативного документа, который освещал бы все законы в сфере использования различных информационных технологий в банковском и финансовом секторах. В нём будет несколько разделов под конкретные виды технологий, что четко регламентирует решение спорных вопросов и повысит гарантии безопасности как для клиентов банков, так и для самих элементов банковской системы США. Также, если все законы будут собраны в едином документе, гражданам будет намного удобнее их использовать.

Если говорить о том, как США могут минимизировать проблемы в банковском секторе, связанные с техническим аспектом информационных технологий, то, по нашему мнению, существует несколько направлений.

Во-первых, следует постепенно внедрять инновационные технологии. Банки, стараясь удержать своё место по отношению к конкурентам, достаточно часто за короткий срок времени их интегрируют. В то же время из-за новизны технологий существует много невыявленных недостатков в них, в том числе и уязвимостей в безопасности данных. Если осуществлять постепенное внедрение, будет возможность на каждом этапе корректировать все недочеты и по итогу получить максимум пользы от информационной технологии.

Во-вторых, проблему с недостатком бюджета малых и средних банковских учреждений на интеграцию современных технологий таких, как искусственный интеллект и блокчейн, можно решить путём выделения государственного целевого финансирования. Это позволит им составлять достойную конкуренцию крупным банкам и минимизирует возможность возникновения ситуации монополии.

Наконец, проблему безопасности можно также решить и благодаря ежегодному проведению «тестовых кибератак» со стороны регулирующих органов в целях проверки системы безопасности элементов банковской системы. Так, регулятор сможет проверить степень готовности банков к таким ситуациям. В свою же очередь, у банков будет стимул постоянно мониторить и совершенствовать систему безопасности.

ВЫВОДЫ

Таким образом, следует подвести итог исследованной темы. В процессе анализа функционирования банковской системы американской экономики в условиях цифровизации были проанализированы понятие «цифровой экономики» и особенности её влияния на банковский сектор США. Затем были выявлены на основании статистических данных ключевые преимущества и проблемы, с которыми сталкиваются элементы банковской системы США в условиях экономики данных. Так, в их числе несовершенство законодательных актов и системы безопасности, необходимость больших вложений на разработку и модернизацию технологий. Более того, были обозначены практические рекомендации и предложения по усовершенствованию как нормативно-правовой, так и технической базы для информационных технологий банковского сектора США.

Основываясь на всём вышесказанном, можно сделать следующие выводы:

- Банковская система США активно интегрирует в свою деятельность информационные технологии, которые дают ей ряд преимуществ;
- Однако наряду с плюсами есть и проблемы, которые требуют ежедневного мониторинга и исправления;
- Большинство проблем может быть решено благодаря модернизации правовой и технической составляющих.

Список литературы

1. Бутенко Е. Д. Определение цифровой экономики. Мнения, взгляды, оценки // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 3 (78). С. 209–223.
2. Васильев И. И. Развитие современных банковских технологий в информатизации экономических отношений // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 2 (27). С. 91–94.
3. Вдовина Е. С., Куликова М. А. Цифровизация банковского сектора в современных условиях. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2022. 100 с.
4. Горян Э. В. Зарубежный опыт использования технологий искусственного интеллекта в обеспечении информационной безопасности банковского сектора // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 4. С. 62–73.
5. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 606–625.
6. Липницкий Д. В. Блокчейн в финансах и банковском секторе: проблемы становления и перспективы // Экономика промышленности. 2019. № 3 (87). С. 59–75.
7. Лысенко И. А., Шмыгова А. А. Обеспечение информационной безопасности в банковской сфере // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2020. № 1. С. 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://ego.ui.ranepa.ru/issue/2020/01/10>

8. Нагорный Д. А. Цифровая трансформация мировой экономики: тенденции и перспективы: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук: 08.00.14. Москва, 2021. 24 с.
9. Рыбинцев А. Г. Основные модели и тренды развития цифровых экономик в мире на примере Соединенных Штатов Америки (США) // Экономика и предпринимательство. 2023. № 5 (154). С. 167–170.
10. Соединенные Штаты – Денежная масса M2. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/united-states/money-supply-m2>
11. BBVA Research. Digital Economy Watch. The digital transformation of the banking industry. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/39wnXM>
12. Bloomberg. McKinsey Sees AI Adding Up to \$340 Billion to Wall Street Profit. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-12-05/ai-could-add-340-billion-to-wall-street-profits-mckinsey-says>
13. Fed Joins Climate Network, to Applause From the Left. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/15/business/economy/fed-climate-network.html>
14. McKinsey Global Institute. Financial data unbound: The value of open data for individuals and institutions. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/39wnS9>
15. Statista. Gross output of the digital economy in the United States from 2005 to 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/962053/digital-economy-gross-output-usa/>
16. Statista. Leading banks in artificial intelligence (AI) readiness in the Americas and Europe in 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1446366/leading-banks-in-ai-adoption-worldwide/>
17. Statista. Market share of cash, credit cards, and other payment methods at point of sale (POS) in the United States from 2017 to 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/568523/preferred-payment-methods-usa/>
18. Statista. Number of cases of data violation due to cyber attacks in financial services industry in the United States from 2019 to 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1318486/us-number-of-data-loss-incident-in-financial-sector/>
19. Statista. Value of loans in traditional and digital banks in the United States from 2017 to 2024, with forecast until 2028. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1388114/value-of-loans-by-traditional-and-digital-banks-in-the-us/>
20. Structure of the Federal Reserve System. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/structure-federal-reserve-system.htm>

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 332

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА: ПРИОРИТЕТЫ И ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ

Ровенчак О. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: oksana_shah1@mail.ru

В статье рассматривается проблема развития экспортного потенциала Южного макрорегиона. Целью исследования является выявление приоритетных векторов и трендов экспорта. Проведен компаративный анализ макроэкономических показателей субъектов Южного макрорегиона и обоснованы факторы, влияющие на валютную выручку и структуру экспорта. Исследованы роль и место Южного макрорегиона в экспорте технологий РФ. Выявлено, что выгодные региональные условия способствуют развитию приоритетных наукоемких отраслей хозяйствования и совершенствованию экспортной политики, позволяющей увеличить внешнюю торговлю, а также расширить географию сбыта продукции.

Ключевые слова: Южный макрорегион, региональное развитие, технологии, экспорт, торговля,

ВВЕДЕНИЕ

Основным фундаментом стабильного развития государства является успешная реализация потенциала регионально-экономических систем, состоящих из производства, технологий, населения, территории, транспортной, инженерной, энергетической инфраструктур, внутренних и внешних хозяйственных связей. Отражение внешнеторговых проблем на внутренней экономике макрорегиона требует поиска источников и реализации потенциала экспортной деятельности. В связи с этим возрастает важность проведения научных исследований в сфере внешнеэкономической деятельности субъектов федерации и, как следствие, выявление тенденций и векторов наращивания объемов торговых потоков. В условиях проведения СВО определенные рынки сбыта продукции оказались закрыты для РФ, тем самым усугубив наше положение на мировой арене. Тем не менее, сложная внешнеполитическая обстановка способствует поиску новых рынков сбыта продукции за рубежом и диверсификации производства, формируя новые возможности переориентации логистических маршрутов. Производство инновационно-технологической продукции с высокой добавленной стоимостью способствует эффективному использованию экспортного потенциала макрорегиона.

Несмотря на значительную степень изученности экспортной деятельности, отмечается недостаточное внимание к проблемам и тенденциям внешней торговли макрорегионов. В связи с этим целью данной работы является выявление приоритетов и трендов развития экспортного потенциала Южного макрорегиона.

Информационную базу исследования составляют данные социально-экономических показателей статистических сборников по регионам России, хронологические рамки охватывают период 2010–2021 гг. Последний год предоставления показателей внешней торговли Росстатом в сборнике за 2023 г.,

рассмотренных в статье, является 2021 г., поскольку процесс сбора, обработки и систематизации информации органами статистики по регионам занимает длительное время. Считаем, что рассмотрение экономических показателей в динамике до 2021 года позволяет решить поставленные задачи и сформулировать объективные выводы.

Обзор научной литературы за исследуемый период демонстрирует глубокий интерес отечественных ученых к изучению роли макрорегионов в пространственной экономике, определению потенциальных векторов сотрудничества за рубежом и выявлению трендов торговых отношений.

В научных работах 2010–2015 гг. детально изучались вопросы вступления России в ВТО, формирования институтов регулирования деятельности экспортеров, производства конкурентоспособной продукции и влияния таможенных барьеров на внешнюю торговлю. Были отмечены негативные тенденции во внешней торговле Южного федерального округа: отток трудовых ресурсов, резкие колебания индекса международной конкурентоспособности, низкий удельный вес продукции обрабатывающей промышленности в экспорте [4] и сырьевая направленность вывозимой продукции [9]. Авторы подчеркивали потребность создания новых форм самоорганизации бизнеса в регионе для осуществления успешной внешнеэкономической деятельности [7]. Было предложено активизировать информационно-консультационную деятельность с бизнес-партнерами стран БРИКС, проведение конференций и ярмарок с участием представителей субъектов федеральных округов [3].

В последующие годы акцент публикационной активности сместился в сторону исследования досанкционного и санкционного периодов. Было выявлено снижение товарооборота со странами СНГ [8]. Но несмотря на нерыночные факторы, недружественные отношения определенных стран и изменение географии внешней торговли, экспорт таких товаров, как зерно, остается стабильным [5]. Одновременно происходит развитие экспорта медицинских услуг и привлечение инвестиций в отечественную медицину [6].

Специалисты обращают внимание на проблемы экономической безопасности регионов и важность поддержки субъектов МСП для обеспечения устойчивых позиций экспортеров на внешних рынках [2]. С целью расширения экономических связей регионов было предложено создавать дипломатические представительства стран ЕАЭС в административных центрах и проводить межрегиональную координацию хозяйствующих субъектов Южного макрорегиона [11]. Справедливо замечено, что без изменения качественной структуры внешней торговли и производства высокотехнологической продукции сложно будет преодолеть финансово-экономический кризис и занять новые ниши [10].

Итак, проведенный библиографический обзор свидетельствует об актуальности проблемы исследования с теоретической и научно-практической позиций, важности мониторинга и анализа экспортных операций Южного макрорегиона, выбора приоритетных направлений внешнеторговых отношений и определения основных тенденций изменения структуры и динамики экспортных операций.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Для выявления приоритетов и трендов развития экспортного потенциала, базирующегося на экономической мощи Южного макрорегиона, представляется необходимым конкретизировать региональные особенности исследуемой территории:

1) Близость портов (порт Кавказ, порт Тамань, порт Новороссийск, Ейский морской порт, порт Таганрог, порт Ростов, порт Азов, порт Туапсе) [15] способствует своевременной доставке продукции;

2) Трудовые ресурсы: активная миграция населения на южные территории и вхождение Республики Крым и г. Севастополя в Российскую Федерацию способствовало увеличению численности населения Южного макрорегиона с 2005 года по 2022 год на 2,81 млн. чел. Для сравнения отметим, что на втором месте по увеличению численности населения после Южного находится Центральный макрорегион. За аналогичный период численность населения возросла на 2,6 млн. чел., в значительной степени за счет г. Москвы, в котором с 2005 года по 2022 год население увеличилось на 2,2 млн. чел. [20];

3) Высшие учебные заведения, выпускающие высококвалифицированные кадры: Севастопольский государственный университет, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Донской государственный технический университет, Южный федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Кубанский государственный технологический университет и др.;

4) Инфраструктурное транспортное обеспечение: аэропорты, разветвленная сеть железнодорожных и автомобильных дорог (плотность железнодорожных путей составляет 165 км путей на 10000 кв. км, грузооборот автомобильного транспорта – 24238 млн т–км, плотность автомобильных дорог с твердым покрытием – 239 км путей на 1000 км² территории [20]), железнодорожные станции, вокзалы, МТК «Север–Юг» и трасса «Транссиб»;

5) Приграничное положение Южного макрорегиона (граничит с Абхазией, Украиной, Казахстаном, имеет морские границы с Грузией, Болгарией, Румынией и Турцией).

Таким образом, мы видим, что южные региональные условия являются подходящими для реализации направлений развития отечественных наукоемких технологий, указанных в п. 21 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [1], поскольку способствуют связности территорий страны, а также нуждаются в разработке ресурсосберегающих технологий и природоохранных мероприятий. Инновационные центры позволят выпускать высокотехнологическую продукцию, а специальные налоговые режимы активизируют ее экспорт.

Рассмотрим следующие экономические показатели: товарная структура экспорта макрорегиона, внешняя торговля по регионам и поступление средств от экспорта технологий и услуг технического характера.

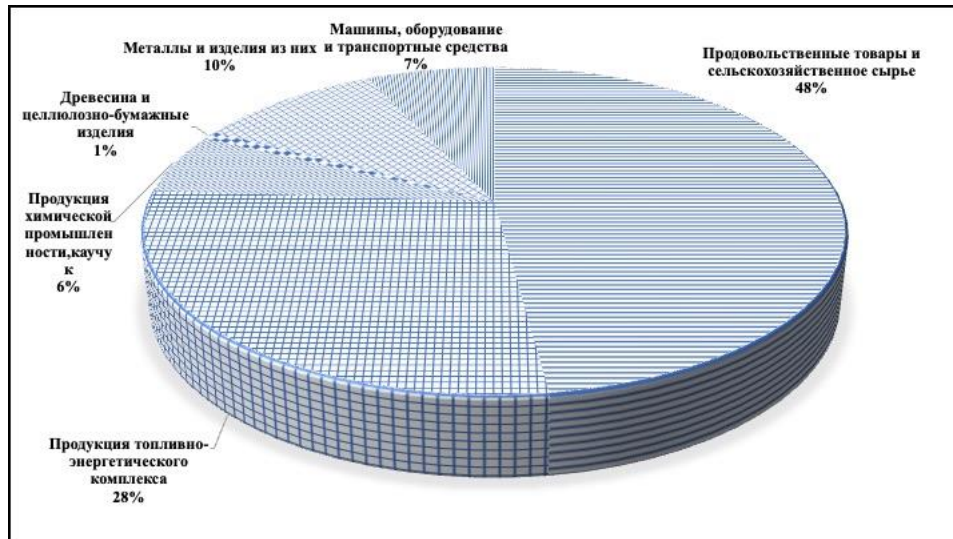

Рисунок 1. Структура внешней торговли субъектов Южного макрорегиона в 2021 г., %

Составлено автором на основании источника [20].

Структура внешней торговли Южного макрорегиона свидетельствует о том, что большую часть экспорта (48 %) занимают продовольственные товары (растительные масла, чай, рыба, мясо, мука, спиртные напитки, соки, мёд и пр.) и сельскохозяйственное сырье, в частности, зерновые и масличные культуры, корма для животных, отруби, лён, овес, бобовые (рис. 1). Основные зарубежные торговые партнеры: Узбекистан, Казахстан, Китай, Турция, Египет, Бангладеш, страны Юго-Восточной Азии, Северной Африки и Персидского залива. Компании-экспортеры – ООО «БС ИнтерАгро», ООО Компания «Соко», ООО «ГЛК Велес» [21], ООО «Агро Виктория» [16]. Второе место (28 %) в экспорте занимает продукция топливно-энергетического комплекса, т. е. нефть, уголь, газ, электроэнергия, транспортировка и переработка топлива. Нефтепереработку на территории Ростовской области осуществляют ОАО «Новошахтинский завод нефтепродуктов», который продает за границу 91,5 % всей своей продукции и входит в топ-3 крупнейших по выручке частных компаний Ростовской области [14]. В Туапсинском нефтеналивном терминале происходит отгрузка нефтепродуктов на экспорт, переваливаются через причал терминала дизельное топливо, бензин, мазут и газойль вакуумный [19]. Отметим, что с каждым годом растет экспорт донского угля в дружественные страны [13]. Основные объемы экспорта обеспечиваются Ростовской областью – почти половина стоимости (49 %), Краснодарским краем – треть (32 %), Волгоградской областью – приблизительно шестая часть (17 %). На третьем месте находятся металлы и изделия из них (10 %). Metallургическая отрасль Ростовской области представлена АО «Таганрогский металлургический завод», филиалом ООО «Эл 6» и АО «Алюминий Металлург Рус». Крупные металлургические предприятия расположены в Краснодаре и Волгограде. Основные покупатели продукции –

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА...

Турция, Индия, Южная Корея, Тайвань и Китай [16]. Не менее важную роль в экспорте и получении прибыли играют продукция химической промышленности, машины, оборудование и транспортные средства. Во Всероссийском конкурсе Экспортер года – 2022 в номинации «Экспортер года в сфере машиностроения» (крупный бизнес) занял 1 место в Южном макрорегионе ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш», входящий в число мировых крупнейших производителей сельскохозяйственной техники [17]. Как мы видим, основу экспорта южных территорий составляют продовольственные товары, сырье, металлы, техника, продукция химической промышленности и древесина. Разработка наукоемких технологий позволит диверсифицировать экспорт и, следовательно, получить больше валютной выручки.

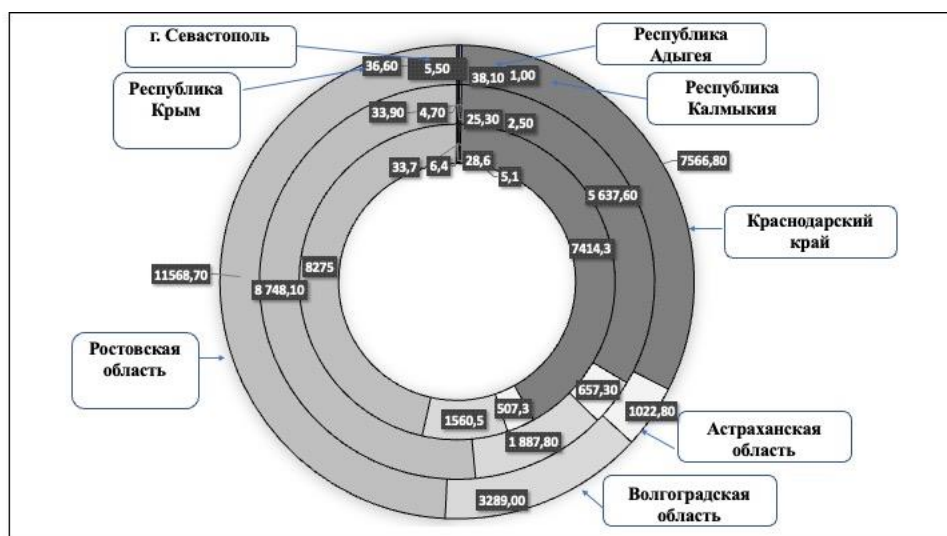

Рисунок 2. Внешняя торговля субъектов Южного макрорегиона за 2019–2021 гг., млн. долл. США.

Составлено автором на основании источника [20].

Динамика внешней торговли (рис. 2) демонстрирует, что за период с 2019 по 2021 гг. экспорт Ростовской области вырос на 3 млн. долл. США благодаря оптимизации логистических маршрутов в страны Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона и внедрению инструментов Регионального экспортного стандарта 2.0. Краснодарский край сохраняет положительную динамику наращивания производства и реализации товаров с высокой добавленной стоимостью (масложировая, молочная, мясная продукции и морепродукты). Астраханская область вдвое увеличила экспорт древесины, металла, целлюлозно-бумажных и металлических изделий. Отрицательная динамика поставок наблюдается из Республики Калмыкия в связи с прекращением продаж за рубеж металлов и металлических изделий, а также сокращением продаж машин и оборудования с 2,5

млн. долл. США в 2019 г. до 30,6 тыс. долл. США. Важно подчеркнуть, что главное участие в экспорте товаров принимают Ростовская область и Краснодарский край.

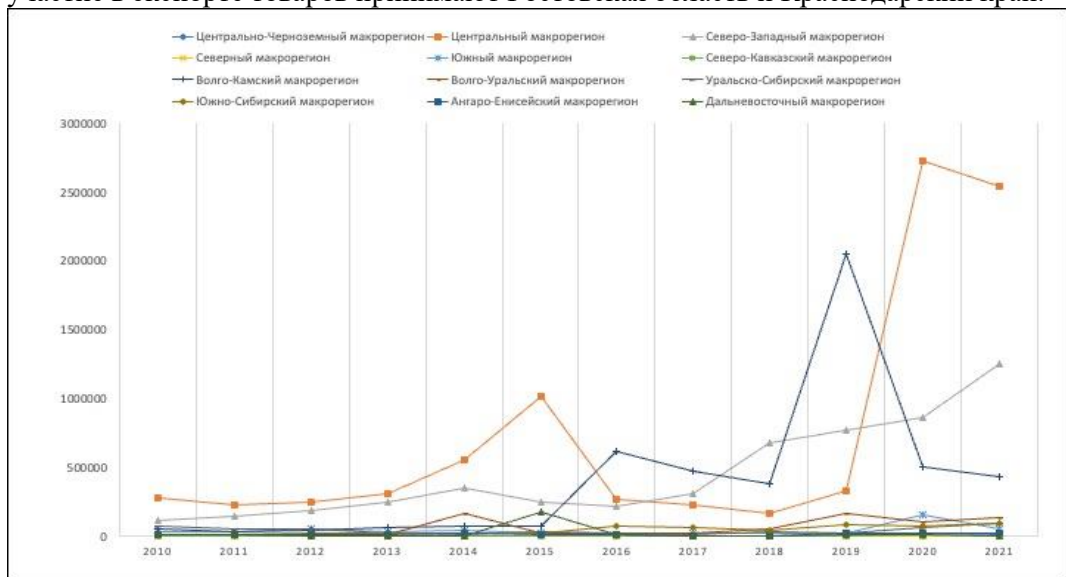

Рисунок 3. Поступление денежных средств от экспорта технологий и услуг технического характера по макрорегионам РФ за 2010–2021 гг., тыс. долл. США
Составлено автором на основании источника [20]

Проведенный компаративный анализ показателей поступления денежных средств от экспорта технологий и услуг технического характера по макрорегионам (рис. 3) показывает, что лидирует в 2021 году Центральный макрорегион за счет получения г. Москвой денежных средств в размере 2,34 млн. долл. США от продажи технологической продукции и услуг, составляющих половину общей суммы, полученной государством. По данным исследования ВШЭ, структура экспорта технологий РФ состоит из: патентов на изобретения, беспатентных изобретений, патентных лицензий на изобретения, патентов на селекционные достижения, моделей ноу-хау, товарных знаков, промышленных образцов, инжиниринговых услуг, научных исследований и разработок. Большая часть валютных поступлений приходится на США, Германию и Швейцарию, из стран СНГ – Беларусь и Казахстан, среди стран Азии – Китай и Индию [12]. Северо-Западный макрорегион занимает второе место по получению средств от продажи технологий благодаря г. Санкт-Петербургу (1,2 млрд долл. США). В 2022 году в Москве и Санкт-Петербурге насчитывалась треть всех ИТ-компаний РФ, по численности – 62 тыс. предприятий [18]. Большая концентрация технологий в столичных агломерациях обусловлена высоким уровнем жизни и уровнем зарплат программистов, широким спектром банковских финансовых операций, позволяющих совершать внешние операции, созданными профильными учебными заведениями, функционирующими технопарками с льготным налогообложением для ИТ-сферы и привлекающими инвестиции из-за рубежа. Негативная тенденция продаж технологий наблюдается в

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА...

Северо-Кавказском макрорегионе, поскольку основной акцент сделан на развитии туризма, промышленности и АПК. Южный макрорегион имеет стабильную тенденцию увеличения полученной суммы денежных средств от экспорта технологий и услуг технического характера, с 2010 по 2021 годы этот показатель вырос на 38 % и достиг 54,54 млн. долл. США. Перспектива разработок наукоемких отраслей заключается в том, что высокие технологии формируют конкурентные преимущества отечественного производителя на внешнем рынке и служат «локомотивом» для тяжелого машиностроения, приборостроения, фармацевтической промышленности и пр.

На сегодняшний день существующий тренд экспорта Южного макрорегиона заключается в поставках за рубеж продовольственных товаров, сельскохозяйственного сырья, продукции ТЭК и химической промышленности, металлов и металлических изделий, машин, оборудования и транспортных средств. Выявлено, что основные торговые партнеры – страны ближнего зарубежья, Юго-Восточной Азии, Северной Африки и Персидского залива.

ВЫВОДЫ

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что экспортный потенциал исследуемого макрорегиона заключается в развитии агротехнологий, машиностроения, металлообработке, химической промышленности, продукции ТЭК и высокотехнологической продукции. В связи с тем, что экспортировать переработанные и произведенные продукты намного выгоднее, чем сырье, то следует поддерживать создание перерабатывающих предприятий, одновременно решая проблемы безработицы и импортозамещения.

Приоритетными направлениями экспорта Южного макрорегиона выступают:

- 1) Наукоемкие товары – микроэлектроника, станки, оборудование, транспортные средства, лекарства и пр.;
- 2) Сельскохозяйственное продовольствие с высоким уровнем переработки;
- 3) Продукция ТЭК.

Таким образом, выявленные тренды и приоритеты экспорта Южного макрорегиона указывают на важность повышения уровня образования населения, производства станков и оборудования для тяжелой промышленности, внедрения новых агротехнологий в сельском хозяйстве. Выгодные региональные условия позволяют решить важнейшие экономические проблемы, улучшить качество производимой продукции и услуг, а также эффективнее использовать экспортный потенциал и, следовательно, увеличить приток финансовых средств в страну.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/>
2. Беляева Е. Н., Савон И. В. Внешняя торговля Южного федерального округа в контексте экономической безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 7 (134). С. 21–26.

3. Краславская З. Г. Внешнеторговая деятельность субъектов Российской Федерации в пределах Южного федерального округа: состояние и тенденции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 6 (61). С. 48–52.
4. Крючкова М. А., Романцева В. Е., Мальдова Е. С. Анализ основных показателей внешней торговли Южного федерального округа // Science Time. 2015. № 12 (24). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osnovnyh-pokazateley-vneshney-torgovli-yuzhnogo-federalnogo-okruga>.
5. Нардин Д. С., Нардина С. А. Анализ структуры экспорта зерновых культур по федеральным округам России // Фундаментальные исследования. 2022. № 12. С. 56–61.
6. Никитина М. Г., Ровенчак О. И. Приоритетные задачи региональной экономической политики южного макрорегиона и инструменты их реализации // Проблемы современной экономики. 2024. № 1 (89). С. 151–155.
7. Степченко Н. А. Южный федеральный округ как субъект международной торговли: состояние и перспективы развития в ВТО // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2013. № 1 (22). С. 115–123.
8. Трещевский Ю. И., Бахтин М. Н., Климов Н. А., Никульников П. Д. Экспортно-импортные связи регионов Центрально-Черноземного макрорегиона – тренды досанкционного и санкционного периодов // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 1 (44). С. 37–47.
9. Хлыпалов В. М. Региональные аспекты внешней торговли: Южный федеральный округ // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 51–56.
10. Широкова Е. Ю. Источники роста высокотехнологичного экспорта в макрорегионе // Научный вестник ЮИМ. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-rosta-vysokotekhnologichnogo-eksporta-v-makroregione>.
11. Янченко Е. А., Янченко Д. Д. Внешнеэкономическая деятельность как фактор социально-экономического развития регионов Юга России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12–2. С. 381–385.
12. Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/data/2019/08/01/1484726209/NTI_N_138_01082019.pdf
13. Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20547321>
14. Информационный портал «Знамя Шахтера» [Электронный ресурс]. URL: https://znamenka.info/news/v-novoshaktinske/novoshaktinskiy-neftezavod-uvlechil-eksport-na-35?utm_source=google.com&utm_medium%20=organic&utm_campaign%20=google.com&utm_referrer=google.com
15. Новочеркасский индустриальный парк [Электронный ресурс]. URL: <https://uknip.ru/>
16. Официальный портал Правительства Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/>
17. Российской экспортный центр [Электронный ресурс]. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/kuban-rostov-volgograd-adygeya-nazvany-luchshie-eksportery-yuzhnogo-federalnogo-okruga/
18. СКБ Контур [Электронный ресурс]. URL: https://kontur.ru/press/news/51713-gde_v_rossii_samye_cifrovye_regiony
19. Туапсинский морской торговый порт [Электронный ресурс]. URL: <https://port.one/tmtp/terminals/>
20. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
21. Центр поддержки экспорта Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: <https://kubanexport.ru/reestr-eksporterov/prodovolstvennyye-tovary-i-selskohozyajstvennaya-produkciya/>

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 339.13:37

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Соловьева Л. В.¹, Соловьева В. И.²

¹*Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Российская Федерация*

²*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация*

E-mail: solovyevalv64@mail.ru

Исследуются особенности развития отечественного рынка образовательных услуг в современных условиях. Рассмотрены экономические приоритеты устойчивого потенциала российской системы образования. Сделан обзор поэтапного вхождения национального образовательного рынка в российскую действительность. Анализировано поведение субъектов экономики при выборе предпочтений на рынке образования. Выделены экономические факторы, влияющие на оценку ожидаемых выгод от инвестиций в человеческий капитал. Изучены причины стремления российского населения к получению детьми высшего образования. Указаны экономические мотивы поведения людей на рынке образовательных услуг в зависимости от ступеней образования. Обозначены структуры экономической деятельности различных видов образовательных учреждений. Показаны экономические трудности в работе вузов по отбору и обучению студентов. Отмечена социальная направленность потребности россиян в интеллектуальном развитии. Определена особая значимость проблемы устойчивого развития социально-экономической системы образования. Дано объяснение адаптации национального образования к постоянным изменениям рыночной среды. Выявлены основные элементы и факторы современной образовательной системы. Названы отличительные признаки устойчивого развития образовательной сферы. Указана роль государства в создании условий для устойчивого функционирования системы национального образования.

Ключевые слова: национальная экономика, российское образование, образовательные услуги, приоритеты образования, инвестиции, экономический рост, проблемы устойчивости, образовательные запросы населения, интеллектуальное развитие общества, роль государства.

ВВЕДЕНИЕ

Роль и место каждой страны в международном разделении труда, ее конкурентоспособности на мировых рынках обрабатывающих отраслей и прогрессивных технологий зависят от качества подготовки специалистов и тех условий, которые государство создает для реализации интеллектуального потенциала нации. Значение знаний в экономическом развитии стран неуклонно возрастает, опережая значимость средств производства и природных ресурсов. По оценкам Всемирного банка, физический капитал в современной экономике формирует 16 % от общего богатства каждой страны, природный – 20 %, человеческий капитал – 64 %. В таких индустриальных странах, как Япония и Германия, доля человеческого капитала составляет до 80 % национального богатства. В настоящее время экономические ценности создаются за счет повышения производительности и использования нововведений, то есть применения знаний на практике [5].

Потребность в трансформации российской системы образования обусловлена объективными социально-экономическими изменениями, произошедшими в России за последние годы. Она исходит из необходимости приведения всех систем и

подсистем народнохозяйственного комплекса в соответствии с требованиями восстановления утраченных экономических позиций и обеспечения перехода к постиндустриальному обществу. Главной целью этих преобразований является создание такой образовательной системы, в рамках которой молодые поколения будут овладевать профессиями, пользующимися спросом на рынке труда, и знаниями, которые помогут им продуктивно участвовать в жизни современного общества [7].

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В процессе перехода от индустриального к информационному обществу получение и распространение знаний становится ключевым фактором его развития. Эти процессы в значительной степени опираются на использование и совершенствование образовательной системы. В последние десятилетия был принят ряд важных правительственных документов, определяющих перспективы развития отечественной системы образования. Это Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г., Федеральная программа развития образования на 2000–2005 гг., Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г., одобренная Правительством РФ и другие [11]. Видное место во всех этих документах занимают вопросы экономики. Это закономерно, так как их решение в современных условиях в значительной степени определяет эффективность функционирования системы образования. Цель данной статьи проанализировать систему услуг РФ, выявить её основные экономические проблемы и определить возможные пути их устранения.

Для решения обозначенной проблемы необходимо найти ответ на следующие научные задачи:

- выявить и проанализировать в процессе становления и эволюции основные этапы развития отечественного образования и российского образовательного рынка в условиях современной экономики;
- оценить политические, социально-экономические и идеологические факторы, обусловившие органичное вхождение рынка образовательных услуг в российскую действительность, выделить основные приоритеты его экономической устойчивости [1].

Методологической базой для данной статьи является диалектический метод познания, предполагающий изучение экономических и социальных явлений в их развитии и взаимосвязи. В процессе изучения использованы также общенаучные методы теоретического и эмпирического познания: анализ, абстрагирование, аналогия. Для решения прикладных задач применялись методы сравнения, корреляционного анализа, экспертных оценок, выборочного наблюдения, группировок. Использование указанных методов позволило создать всестороннюю и полную картину генезиса становления российского рынка образовательных услуг, выявить механизмы регулирования устойчивости в его развитии.

Информационную базу работы составили Конституция РФ, федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, официальные

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ...

данные Федеральной службы государственной статистики, публикации в периодической печати, архивные источники, материалы специальных обследований, проведенные авторами исследования. Обработка статистической информации проводилась с использованием современных компьютерных технологий [16, с. 60–66].

Изучение социально-экономических и теоретико-педагогических основ современного российского образования и образовательного рынка основывалось на использовании взглядов, идей и концепций отечественных, советских и современных ученых. В частности, привлекались работы авторов, занимавшихся разработкой общего учения об экономике образования: Р. И. Бунеевой, А. Б. Вифлеемского, С. А. Дюжикова, Л. М. Ляпунова и других. При исследовании этапов становления отечественного образовательного рынка использовались труды Г. А. Балыхина, А. Г. Бермус, А. В. Усовой и других. Для выявления статуса учебных заведений в системе образовательных услуг привлекались положения, идеи, выработанные Ю. В. Ерыгиным, О. В. Зининой, В. К. Невлевым, А. А. Прониным, М. В. Заниным и многими другими отечественными учеными.

Изучению заявленной проблемы способствовали многочисленные работы авторов [10, 14–32]. В этих работах следует выделить следующие направления:

- стратегический ресурс образования в развитии успешного общества;
- особенности формирования рынка образовательных услуг;
- место образовательных услуг в общей системе образования;
- переход учебных заведений к услугам образовательного рынка;
- инновационная парадигма образовательных услуг;
- трансформация экономических знаний в процессе оказания образовательных услуг;
- совместная деятельность некоммерческих и государственных образовательных организаций;
- воздействие рыночной среды на устойчивое развитие образовательных услуг.

Подъем экономики в современной России зависит от разнообразных факторов: увеличения количества финансовых ресурсов, повышения их качества и совершенствования использования. Улучшение благосостояния общества невозможно без создания условий для экономического прогресса. Это, как правило, требует инвестиций [6]. Инвестиции в образование являются важным показателем устойчивого экономического роста в стране.

Для достижения стабильного экономического развития инвестиции в образование (человеческий капитал) важны не меньше, чем вложения в физический капитал. В США за каждый год, затраченный на учебу, повышают заработную плату работнику на 10 %. Многие зарубежные и отечественные ученые подтверждают, что человеческий капитал особенно важен для экономического подъема в стране, поскольку он обеспечивает для общества положительные внешние эффекты [14, с. 203–208].

Социальные выгоды от развития образования оценить довольно сложно. Считается, что более образованные члены общества являются более осведомленными избирателями, более законопослушными гражданами и приносят значительную

выгоду, так как идеи высококвалифицированных специалистов по совершенствованию технологий становятся достоянием общества, что даёт возможность каждому воспользоваться ими. С этим утверждением связана так называемая «утечка мозгов», с которой сталкиваются слаборазвитые страны. Экономическое положение той страны, которую покидают молодые квалифицированные специалисты, может значительно ухудшиться.

Вложения в человеческий капитал, рост ценности человеческого труда становятся важнейшими факторами преобразования экономики, так как человеческий капитал может рассматриваться как запас, который может накапливаться и быть источником более высокого дохода общества в будущем. Образование не только позволяет овладевать старыми, уже накопленными знаниями, но и способствует приобретению новой информации, а также создаёт условия для развития более совершенных технологий. Таким образом, саморазвиваясь, образование создает одновременно предпосылки для будущего прогресса [2].

Для того, чтобы проанализировать поведение субъектов на рынке образовательных услуг, необходимо:

- определить структуру факторов, которые влияют на принятие решений людьми по поводу целесообразности получения образования, а следовательно, и относительно объема инвестиций в человеческий капитал;
- рассмотреть факторы, которые определяют поведение государства на рынке образования;
- оценить особенности формирования предпочтений относительно образовательных услуг с учетом регионов России;
- выработать критерий структурирования образования, который тесно коррелирует с возрастом;
- исследовать поведение других субъектов экономики на рынке образования, которые также являются потенциальными участниками данного рынка и предъявляют спрос на образовательные услуги [10, с. 349–354].

Под человеческим капиталом экономисты понимают способности человека, его знания, умения, навыки, опыт. Накопление человеческого капитала происходит начиная с дошкольного возраста, затем в школе, техникуме, университете, на курсах переобучения или повышения квалификации. Методы исследования спроса на любом уровне образования или профессиональной подготовки являются одними и теми же.

Все вложения в образование производятся с надеждой на их высокую окупаемость в будущем. Поэтому при принятии решения об инвестициях в образование сравниваются выгоды и издержки. Оценка основывается на ожиданиях всех субъектов экономики. Строго говоря, ожидаемые выгоды являются основным фактором при принятии решения. Кроме того, норма отдачи от образования для общества отличается от нормы отдачи для индивидуума, так как издержки и выгоды от образования для общества и индивидуума рассчитываются по-разному.

Предполагается, что в современном обществе можно подняться из низов на самый верх, и для этого нужны только усилия. Существуют так называемые «лифты» социальной мобильности, одним из которых является образование. Для родителей

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ...

высшее образование ребенка выступает как доказательство жизнеспособности семьи, состоятельности ее материальных и социальных ресурсов [4, с. 81–84].

Чтобы оценить ожидаемые выгоды от инвестиций в человеческий капитал с точки зрения индивидумов, необходимо выявить те факторы, которые влияют на стремление людей предъявлять спрос на образование. Их можно условно подразделить на краткосрочные и долгосрочные.

Долгосрочные факторы (приоритеты):

- 1) высокий уровень заработной платы в течение последующей жизни;
- 2) большее удовлетворение от избранной работы в течение жизни (моральные выгоды);
- 3) достижение более высокого социального статуса;
- 4) широкий доступ к более перспективной, интересной работе;
- 5) представления родителей о будущем детей, что является определяющим фактором в выборе жизненной стратегии вследствие традиционной системы семейного воспитания в России;
- 6) уровень образования и социальный статус родителей, которые влияют на ориентацию своих детей (преимственность поколений, продолжение профессии родителей);
- 7) выбор профессии, сделанный друзьями или знакомыми;
- 8) престиж того или иного вида и уровня образования.

Краткосрочные факторы (приоритеты на настоящий момент):

- 1) высокая оценка нерыночных видов деятельности и интересов, которые связаны с получением образования (процесса обучения, общения с друзьями, школьной или студенческой жизни);
- 2) желание юношей поступить в любой вуз для того, чтобы отсрочить службу в армии;
- 3) стремление девушек поступить в вуз, вызванное желанием удачно выйти замуж [12, с. 62–73].

Замечено, что при прочих равных условиях вероятность поступления в техникум или вуз у людей, ориентированных на текущий момент меньше, чем у людей, ориентированных на будущее. Общая выгода общества рассчитывается без подоходного налога на заработную плату, так как общество в целом выигрывает от услуг, предоставляемых за счет налогов. Если рассматривать образование как определенный «сигнал» для рынка труда, то социальная отдача от образования заключается в том, что оно помогает «сортировать» работников в соответствии с их производительностью. Богатство общества в целом рассматривается как совокупность человеческого и материального капитала. Высокие инвестиции в образование повышают производительность.

Выгоды от инвестиций в образование получают и фирмы. Институты образования обеспечивают работодателей механизмом отбора. Многие работодатели при приеме претендентов на работу ориентируются на их дипломы. Вероятно, что уровень и качество образования являются инструментом менее дорогостоящим, чем любой другой, которым фирмы могли бы воспользоваться.

Пользу получают и высшие учебные заведения. Для поддержания и повышения своего статуса вуз стремится привлечь наиболее талантливых и работоспособных выпускников школ и других общеобразовательных учреждений. Для их выявления создается система сложных вступительных испытаний. Данная стратегия позволяет поднять уровень подготовки выпускников, что является важным фактором, повышающим престиж данного вуза.

По результатам опросов ВЦИОМ, различия в заработной плате оказывают значительное влияние на выбор будущей профессии и, следовательно, учебного заведения. Продолжение образования – это возможность хорошего трудоустройства, перспектива хороших заработков. Стремление к образованию связано также со стремлением к продвижению по служебной лестнице [15, с. 325–329].

Опросы населения подтверждают высокое стремление к получению высшего образования. Большинство родителей и детей ориентированы на высшее образование. Установка на получение такого образования стала общепринятой нормой, практически не зависящей от социальной среды учащихся. Существует не только высокий престиж во всех социальных группах, но и достаточно высокая мотивация на его получение у жителей села, а также в социальных группах, традиционно считающихся социально уязвимыми (многодетные, с безработными родителями, с низким среднедушевым доходом).

Этот основной вывод подтвердил репрезентативный опрос семей в России, выполненный фондом «Общественное мнение», в котором приняли участие 9020 человек. При этом 62 % опрошенных имели детей, 38 % – не имели. Высшее образование у членов семей было у 35 % респондентов, среднее специальное – у 26 %, среднее техническое, ПТУ – у 13 %, среднее общее – у 13 %, незаконченное высшее – у 5 %, неполное среднее – у 5 %, начальное или ниже – у 2 %, затруднялось ответить 2 % респондентов.

В семьях, где родители имеют высшее образование, чаще всего говорят о важности его получения. Реже других в этом убеждены представители тех семей, наивысший образовательный уровень в которых – среднее общее или более низкое образование. Первые в четыре раза чаще вторых заявляют о «безусловной важности» высшего образования, а также о своей готовности к материальным затратам на его получение детьми. Среди респондентов, имеющих такую установку, несколько чаще встречаются руководители разного уровня и специалисты (люди, имеющие высшее образование или работающие на должностях, предполагающих его наличие [22, с. 211–219].

Высшее образование, по мнению старшеклассников и их родителей, стало основным и практически единственным условием для успешной реализации на рынке труда, тогда как образование в объеме 9 классов, как правило, считается менее привлекательным. По данным опроса, семьи первокурсников официально потратили больше всего средств: на оплату услуг репетиторов (в девять раз больше месячного дохода на члена семьи); на оплату обучения в платных школах или классах (больше в четыре раза); на платные подготовительные курсы (больше в три раза). Размер неофициальных затрат составляет примерно 4,5 месячного дохода.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ...

Родители, считая, что деньги, вложенные в образование, окупаются в большинстве случаев, идут на многое, чтобы дать детям высшее образование, экономят, берут ссуду в банке, оплачивают дополнительные образовательные услуги, дают взятки. Поскольку ожидаемый уровень затрат влияет на решение об инвестициях в образование, необходимо прежде всего определить, какие затраты в этом случае несут все агенты в экономике [18, с. 197–201].

Индивидуальные затраты на получение образования:

1) оплата за обучение и расходы на приобретение учебников и канцелярских товаров;

2) расходы на смену места жительства;

3) упущенный заработок, так как часть времени направляется на получение дополнительной единицы человеческого капитала;

4) затраты на неофициальные (теневые) образовательные услуги. К ним относятся: оплата репетиторов при поступлении в престижную школу, вуз, платные вступительные экзамены, платные подготовительные курсы, неофициальную помощь при зачислении ребенка.

Социальные издержки общества на образование включают:

1) финансирование дошкольного образования, системы общего среднего и профессионального высшего образования государством;

2) затраты государства в сфере высшего образования, когда избыточность специалистов определенных профессий, по отношению к их необходимому оптимальному числу увеличивает расходы государства (например, на педагогическую практику, на лабораторные исследования и другие);

3) издержки фирм на общую профессиональную подготовку работников.

При этом основными участниками рынка образовательных услуг, которые предъявляют спрос на тот или иной уровень образования, являются:

– семьи, имеющие детей;

– фирмы, заинтересованные в росте производительности;

– государство, основной целью которого является экономический рост и повышение благосостояния общества;

– высшие учебные заведения, заинтересованные в повышении собственной репутации [17, с. 338–341].

Проследим, как меняется поведение всех названных агентов на рынке образовательных услуг в зависимости от ступеней образования. Эмпирические наблюдения позволяют исследовать формирование финансовых потоков на дошкольном этапе образования. Средняя сумма годовой платы за посещение детского сада составляла 5400 руб. Кроме того, следует отметить, что важной статьёй расходов семей является оплата услуг частным лицам за подготовку дошкольников к первому классу. На этом этапе образования важную роль, судя по расходам домохозяйств, играют дополнительные образовательные услуги – на музыкальную, спортивную, художественную, танцевальную школы. Семьи, нацеленные на получение детьми высшего образования, в целом тратят на обучение и воспитание дошкольников примерно столько же, сколько остальные участники опроса, однако

они заметно чаще других (26 % против 20 % в среднем по выборке) заявляют, что готовы к неофициальной оплате поступления ребенка в «хорошую школу».

Рост спроса на помощь частных структур, в основном, объясняется низким качеством государственных услуг дошкольных учреждений. Государственные учреждения сталкиваются с проблемой недостатка персонала, с его низкой квалификацией. Причиной нехватки квалифицированных специалистов является недостаточное финансирование дошкольных учреждений. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в данных учреждениях ранее составляла 2406 руб., когда прожиточный минимум в среднем на душу населения равнялся 2200 руб. [20, с. 102–107].

Недостаточная материально-техническая база некоторых дошкольных учреждений влияет на выбор родителей в пользу увеличения расходов на частные услуги: часть из дошкольных заведений требуют капитального ремонта, или даже находятся в аварийном состоянии. Следовательно, потенциальный спрос на услуги дошкольных образовательных учреждений включает в себя не только спрос на услуги государственных, но и частных заведений, которые позволяют удовлетворять потребности родителей в этом виде образовательных услуг. Государственные дошкольные учреждения не всегда соответствуют запросам родителей дошкольников, особенно перед их поступлением в образовательную школу.

Школьная система закладывает фундамент в общий процесс формирования будущей квалификации. И здесь под углом зрения запросов экономики просматривается несколько общих задач.

Первая задача – совершенствование содержания программ преподавания, которые должны отражать коренные изменения в экономической жизни. Данный вид образования должен закладывать основу знаний, которые могут быть использованы при любом будущем варианте карьеры. На первом месте на этом этапе должно быть развитие творческих способностей и талантов, ознакомление с разными профессиями, овладение навыками информационной технологии как общей основы современного образования и бизнеса.

Вторая задача – повышение качества преподавания, которое, должно отвечать реалиям жизни, современным технологиям и социальным потребностям, зависеть от престижа и статуса преподавательского труда, его оплаты, условий и уровня подготовки самих преподавателей. Во многих странах учителя обладают все большими знаниями о рынке труда и экономике, многие из них стали учителями, пройдя перед этим другую профессиональную карьеру.

Третья и наиболее сложная задача – эффективное обучение детей и подростков. Ведь недостатки в реализации первых двух задач приводят к формированию «группы риска», состоящей из неконкурентных работников, вчерашних девиантных школьников, наименее подготовленных к активной творческой работе [24, с. 158–171].

Система образования, работая на реформирование российского общества, должна преследовать цель более полного удовлетворения потребностей в образовательных услугах со стороны как отдельной личности, так и общества в целом. Появление широкого спектра образовательных услуг, а также наличие

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ...

учебных заведений различных форм собственности создают здоровую конкурентную среду, что способствует повышению качества предоставляемых образовательных услуг и адресному их потреблению.

Фактически уже большинство семей оплачивает поступление в вуз. Школьник, окончивший обычную школу, почти не имеет шансов поступить в вуз без дополнительных усилий. Обучение на подготовительных курсах, занятия с репетиторами становятся совершенно неизбежными. В статью расходов на поступление в вуз следует также отнести платные вступительные экзамены, платное оформление документов, оплату общежития или на съем частного жилья на время сдачи экзаменов, на книги, учебники, ксерокопирование материалов для подготовки в вуз и на другие нужды [26, с. 91–102].

Доступ в высшую школу строго дифференцирован в зависимости от типа среднего учебного заведения, которое заканчивают юноши и девушки. Выпускники общеобразовательных школ в значительно большей степени (до 90 %) ориентированы на вузы, тогда как среди выпускников ссузов и ПТУ таких не более 1/5.

Образование, позволяющее в дальнейшем занимать выгодные социальные позиции, в значительно большей степени доступно тем, чьи родители в состоянии обеспечить учебу в хорошей школе, довузовскую подготовку, обучение в престижном вузе. В такой ситуации образование высокого уровня и престижные профессии все чаще становятся привилегией более обеспеченных семей [19, с. 116–128].

Особенность рынка услуг профессионального образования всех ступеней состоит в его неоднородности. Он включает множество сегментных, взаимосвязанных рынков, которые формируются под влиянием различных обстоятельств: уровня и ступени образования, типа учебного заведения, профиля подготовки, характера специальности, пола, возраста, семейного положения и других факторов.

Начальное профессиональное образование по сравнению со средним специальным и высшим у молодежи наименее востребовано. В течение всего периода социально-экономических преобразований происходит плавное сокращение как числа учебных заведений, готовящих специалистов соответствующей квалификации, так и численности учащихся в них. Если в прошлом учебном году в Белгородской области в 32 учреждениях системы начального профессионального образования обучалось 13,1 тыс. учащихся, то в новом учебном году на 23 учреждения приходится 9,5 тыс. учащихся. В ПТУ обучаются в подавляющем большинстве дети из семей с низким и ниже среднего доходом.

Получение профессионального начального образования, как свидетельствуют результаты опроса, – лишь от двух третей (около 30 % семей, в которых есть учащийся ПТУ, не отметили ни одного вида соответствующих затрат). На этой ступени образовательной подготовки наибольшее число семей (40 %) несут затраты на покупку канцелярских принадлежностей. Приобретение учебников и учебных принадлежностей как статью расходов отметили четверть опрошенных. Семьи учащихся ПТУ гораздо чаще, чем родители школьников, вносят официальную плату

за обучение, по значительно реже тратятся на дополнительные образовательные услуги [31, с. 33–36].

Спрос на услуги профессионального начального образования крайне низок. Видимо, на планы подростков и их родителей относительно обучения в ПТУ влияет дальнейшее трудоустройство выпускников этих заведений. Отличительными особенностями представителей данной социально-демографической группы является их низкая конкурентоспособность на рынке труда из-за отсутствия достаточной квалификации, производственного стажа и практического опыта работы. При приеме на работу возможна дискриминация, касающаяся оплаты труда этой категории работников. При массовом сокращении численности персонала на многих предприятиях первоочередному сокращению подвержены именно недавние выпускники ПТУ.

Кроме того, большое влияние на положение выпускников ПТУ оказывает уровень полученного образования, адаптированность к изменяющейся ситуации на рынке труда, а также ситуация в конкретном ПТУ. Также, необходимо учитывать и психологическую сторону данной проблемы. Молодые специалисты, вышедшие на рынок труда и не нашедшие на нем достойного себе применения, склонны считать себя «выброшенными за борт», никому не нужными, что, учитывая специфику молодежной неуравновешенности, неустойчивости нервной системы, бескомпромиссности, может привести к необратимым социальным последствиям.

Чтобы изменить ситуацию, необходима четкая программа по государственному регулированию рассмотренных проблем. Существует острая субъективная потребность общества в рабочих кадрах. Необходимо реализовать меры, которые приведут к возрастанию роли профессионального начального образования, которое является ступенью в системе непрерывного образования и многоуровневой системе подготовки специалистов [27, с. 330–332].

Система среднего специального образования призвана готовить специалистов и рабочие кадры широкого профиля, пользующимся спросом на рынке труда. Уровень дохода семей, поступающих в ссузы – низкий или ниже среднего. Большинство студентов ссузов – это дети рабочих, служащих, технических специалистов.

Чем выше уровень образования членов семьи и уровень ее дохода, тем выше общие годовые затраты на обучение ребенка в ссузе. Самые высокие затраты на обучение в данном случае – оплата учебы в платных ссузах. На треть ниже расходы на занятия с репетиторами по программе ссуза, еще на треть – затраты на аренду жилья для студентов ссузов. Чем выше уровень образования членов семьи, их должностной статус, уровень семейного дохода, тем выше расходы на обучение ребенка в ссузе. Следует отметить, что существенных различий по регионам и типам населенных пунктов по данному показателю не прослеживается. В настоящее время, например, в Марий Эл имеется 13 ссузов, в которых обучается 14,2 тыс. студентов [32, с. 103–112].

Высшая школа в современный период оказалась в очень сложной ситуации, обусловленной в первую очередь переходом к рыночным отношениям в сфере образования, в том числе сокращением бюджетного финансирования высших учебных заведений и отказом от обязательного государственного распределения

выпускников. В условиях снижения финансовых поступлений из бюджета вузы вынуждены искать новые источники финансирования; наиболее очевидный источник – введение платы за обучение, образование коммерческих факультетов, отделений, курсов. Кроме того, вузы идут на предоставление своих площадей и территорий в аренду, сокращают расходы на приобретение нового оборудования и штаты работников. Такие изменения не могут не влиять на учебный процесс и качество подготовки специалистов [8, с. 175–179].

Основная проблема трудоустройства выпускников вузов заключается в том, что возрастающий спрос населения на высшее образование неадекватен количеству рабочих мест соответствующей квалификации в экономике. Если бы в нашем обществе, как в странах с развитой рыночной экономикой, более высокий уровень образования давал большие гарантии хорошего трудоустройства и высокого уровня жизни, обеспечивал защиту от безработицы, то, возможно, спрос на более высокий уровень образования увеличился. Один из парадоксов ситуации, сложившейся в России, заключается в том, что оплата труда таких специалистов не всегда соответствует ни затратам на их подготовку, ни уровню их требований. Такое несоответствие объясняет появление неоправданно большого числа специалистов с высшим образованием, работающих на рабочих должностях и вообще не по специальности.

Потребность в высшем образовании приобретает выраженную социальную окраску, когда получение высшего образования рассматривается как символ высшего потребительского стандарта и образа жизни среднего класса. В высшем образовании реализуются также возрастающие социальные потребности людей в своем дальнейшем духовном, интеллектуальном развитии. Потребность в высшем образовании зависит от масштабов развития других звеньев образования и качества подготовки на предшествующих ступенях образования. Возникает так называемый «внутренний образовательный рынок», где качество обучения играет роль своеобразной «валюты» [25, с.39-45].

Особенность услуг образования состоит в том, что эффект, который получает человек и общество, трудно количественно оценить. Неопределенность конечных результатов качественных аспектов образования создает трудности:

- для студентов: в правильном выборе профиля подготовки и специальности;
- для преподавателей: в обоснованном отборе студентов;
- для предприятий: в рациональном наборе специалистов на работу.

Потребителями образовательных услуг являются отдельные лица или группы одновременно обучающихся людей. Оплата образовательных услуг осуществляется либо непосредственно их потребителями, либо предприятиями, организациями (отраслевое финансирование учебных заведений) и государством (бюджетное финансирование). До последнего времени оплата образовательных услуг на разных уровнях в нашей стране осуществлялась, в основном, государством. Следовательно, государство является двойным монополистом в образовании: в сфере производства образовательных услуг, в сфере их потребления. Это значит, что от государственного аппарата во многом зависит решение всех основных проблем образования: кого, чему и как учить, сколько для этого выделять ресурсов [1].

В результате проведённого подробного анализа рынка образовательных услуг получили примерную картину его социально-экономического состояния в современной России. Одним из важных показателей образовательного рынка является устойчивость поступательного развития. Рассмотрим институциональные основы формирования устойчивости национальной образовательной сферы. В условиях формирования рыночных отношений и динамичного или спорного развития процессов глобализации особую значимость приобретает проблема устойчивого развития и функционирования социально-экономических систем как фактор адаптации к постоянным изменениям рыночной среды [9].

Следует отметить, что в современных условиях понятие устойчивости является достаточно многогранным и применим к различным отраслям знаний, при этом не имея единого толкования в работах различных исследователей. Наиболее общее понятие устойчивости означает способность системы сохранять текущее состояние при наличии внешних воздействий, а устойчивое развитие – это процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом, укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений [3, с. 1642].

В современных условиях устойчивость, применительно к образовательной сфере, имеет свойства, связанные с особыми условиями формирования и реализации образовательных ресурсов, качество и разнообразие которых является главным фактором эффективного функционирования всей образовательной системы в рамках непрерывного взаимодействия ее элементов и функционирования образовательного рынка с целью приведения ее в состояние устойчивого функционирования [13, с. 501–506].

При этом следует отметить, что в контексте рассматриваемой проблемы образовательная система включает в себя следующие элементы:

- образовательную сферу как совокупность социальных институтов, обеспечивающих эффективный образовательный процесс;
- рынок образовательных услуг (образовательный рынок), в рамках которого осуществляется социально-экономическое перераспределение образовательных ресурсов,
- вспомогательные институты, оказывающие поддержку (консультационную, инвестиционную, техническую, технологическую и другие) элементов системы образования.

Образовательная сфера как совокупность социальных институтов, обеспечивающих эффективный образовательный процесс, является одним из важных элементов системы образования. В рамках ее функционирования происходит непрерывный процесс получения знаний, необходимых членам социума для понимания происходящих в нем процессов и возможности определения оптимальных путей решения возникающих проблем. Это осуществляется в интересах всех членов общества как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу [30, с. 43–48].

В связи с этим исследование процессов устойчивого функционирования и развития образовательной сферы считаем особенно важным, так как это предполагает

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ...

изучение условий, взаимодействие которых позволит удовлетворять образовательные потребности граждан современного социума, поможет эффективному управлению интеллектуальным капиталом в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей [27, с. 330–332].

Говоря об устойчивости сферы образования, необходимо отметить такой факт, что ее характеристика в литературе рассматривается весьма поверхностно и не дает точное определение понятия «устойчивость сферы образования». При этом решение данной проблемы связано, прежде всего, с выделением факторов внешнего и внутреннего воздействия (табл. 1).

Таблица 1. Внешние и внутренние факторы, влияющие на устойчивость образовательной сферы

Внешние факторы	Внутренние факторы
Макроэкономические: – уровень государственного регулирования образовательных процессов; – нормативно-правовое обеспечение; – уровень конкуренции на рынке образовательных услуг	Микроэкономические: – эффективность управления образовательным учреждением; – уровень профессиональной подготовки кадров; – уровень технического оснащения субъектов образовательной сферы; – обеспеченность финансовыми ресурсами.

Детализация факторов внешнего и внутреннего воздействия на систему образовательного обеспечения определила выделение условий устойчивого функционирования данной системы, которые формируют организационные, правовые и экономические основы функционирования всей системы и ее элементов, (табл. 2).

Таблица 2. Условия устойчивого функционирования образовательной сферы

Внешние	Внутренние
– институциональные (правовые, политические); – экономические; – структурные; – инновационные.	– технологические; – организационные; – кадровые; – финансовые; – социальные.

Таким образом, применительно к исследуемой проблеме, устойчивость образовательной сферы – это способность адаптироваться к постоянно изменяющимся факторам внешней и внутренней среды посредством наличия интеллектуального потенциала с целью его дальнейшего воспроизводства [18, с. 197–201].

На основании этого можно выделить следующие признаки устойчивости образовательной сферы:

- 1) конкурентное поведение (в условиях глобализации знаний);
- 2) адаптационный характер;

- 3) инновационный тип развития;
- 4) эффективность;
- 5) воспроизводимость потенциала системы,

Оценка условий формирования устойчивого поведения субъектов образовательной сферы в образовательной системе страны свидетельствует о том, что важными являются все обеспечивающие их факторы: как внешние, так и внутренние.

Наиболее значимыми представляются, однако, внешние факторы, так как они создают организационно-правовые и хозяйственно-экономические условия устойчивого поведения субъектов образовательной системы с учетом приоритетности в государственном управлении страны. Они определяются институциональными (политический, правовой аспекты), интеллектуальными (креативность, инновационность) факторами. Обеспечивают их дифференциацию по ресурсному (техническому, технологическому, кадровому), и экономическому (образовательная политика государства, политика выделения грантов и субсидий, другие) признакам [29, с. 22–29].

Следовательно внешние факторы формирования условий устойчивости образовательной системы в целом и ее субъектов в отдельности основаны на институциональной и экономической стабилизации процессов эффективного использования материальных, финансовых, трудовых ресурсов. Представляют собой совокупность мероприятий регулирования образовательной системы страны с учетом государственных и рыночных потребностей, приоритетов, форм и методов стимулирования производства образовательных ресурсов [23, с. 73–87].

При этом следует заметить, что это негативно отразилось на системе государственного регулирования, которая должна была быть сформирована на рыночных принципах взамен существовавшей административно-плановой. На практике это означало, что государство как управляющая система, ответственная за формирование интеллектуального потенциала страны, не реализовало функцию управления, что привело к деструктивным процессам в технологической, хозяйственно-экономической, структурно-хозяйственной, социальной сферах.

На основании высказанного можно утверждать, что реализация данного подхода возможна в условиях изменения механизма образовательной политики, в основу которого должен быть положен приоритет устойчивого функционирования национальной образовательной системы. При этом система мероприятий по его поддержанию должна охватывать сферы внутреннего функционирования и развития; политику и стратегию внешнеполитического благоприятствования; ресурсного обеспечения и стимулирования роста эффективности: социально-экономические отношения; инновационно-структурное совершенствование и активизацию внедрения достижений научно-технического прогресса [33].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проведенного исследования, сделаем несколько выводов – основной и рабочие. Российское образование остается, несмотря на жизненные

трудности и западные санкции, лучшим в мире. Оно послужило основой формирования особой русской цивилизации, фундаментом русской и многонациональных культур России, вывело на высшую ступень развития научно-технический прогресс в стране. Вместе с тем, выявлен ряд недостатков в отечественной системе образования, над устранением которых придётся работать в ближайшие годы.

К сожалению, российская система образования бывает излишне теоретизирована, не всегда нацелена на практическое применение знаний, не проявляет достаточную программную гибкость в современных условиях. Например, в некоторых случаях, после получения диплома о высшем образовании, выпускнику приходится нести дополнительные затраты (материальные, временные) на переобучение, что ставит под сомнение эффективность инвестиций в человеческий капитал по целому ряду российских учебных заведений. В то же время существует недостаток специалистов по широкому кругу профессий, подтверждением может служить увеличение в последние годы числа иностранных менеджеров в ряде компаний, стратегии развития которых ориентированы на международные стандарты [28, с. 314–318].

Конечно, России необходима современная реформа образования. При существующей системе нельзя полностью рассчитывать на значимое наращивание человеческого капитала, который в принципе определяет перспективы развития всей экономики страны. Ученые мира пришли к выводу, что наиболее важным заданием экономики является такой человеческий ресурс, обладание которым в масштабах страны определяет ее позицию в мире. Безусловно, что важен ещё фактор использования данного ресурса, или насколько государство может дать людям возможность реализации накопленного индивидуального потенциала. Однако в случае потери этого ресурса на его восстановление уйдут годы, когда первую проблему можно решить в значительно более короткие сроки. Таким образом, при бездействии властей в данном направлении конкурентоспособность России в мире ежегодно будет уменьшаться [19, с. 116–128].

По мнению российских ученых и практиков-педагогов, реформу образования следует проводить в разрезе кардинального улучшения качества, а именно того, кто и как преподает в российских учебных заведениях, насколько это применимо в реальной жизни и соответствует требованиям сегодняшнего времени. Поэтому, к сожалению, из-за проблем в образовании некоторые граждане продолжают отправлять своих детей учиться за границу. Таким образом, речь пока не идет о полноценной реформе образования. Россия частично проигрывает в подготовке молодежи, а широта кругозора лучших ее учеников не компенсирует это. Все знают, что слабая школа может привести к слабому государству, а это нельзя никак допустить [21].

Список литературы

1. Балыхин Г. А. Актуальные вопросы социально-экономического развития системы образования России // Экономика образования. 2004. № 3.
2. Бермус А. Г. Модернизация образования: философия, политика, культура: монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 140–148.

3. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. С. 1642.
4. Бунеева Р. И. Социально-экономическая роль некоммерческих организаций в развитии региона // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2009. № 2 (30). С. 81–84.
5. Вифлеемский А. Б. Проблемы реформирования системы оплаты труда в образовании и экономика знаний // Экономика образования. 2004. № 3.
6. Вифлеемский А. Б. Экономика образования: учеб. пособие. В 2 кн. М.: Народное образование, 2013. Т. 1. С. 87–93.
7. Дюжиков С. А. Рынок образования и рынок труда в России: функциональные связи и отношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3.
8. Ерыгин Ю. В., Зинина О. В. Формы и методы интеграции вузовской науки в национальную инновационную систему: мировой и российский опыт // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2012. № 1 (41). С. 175–179.
9. Ляпунов Л. М. Общая задача об устойчивости движения. Л.: ГИТТА, 1950. 427 с.
10. Невлев В. К., Соловьева В. И. Приспособление образовательных учреждений к рынку услуг // Педагогические технологии в современном образовании: материалы междунар. науч.-практ. конф., 8 апреля 2014 г. Белгород: Изд-во БУКЭП, 2014. С. 349–354.
11. Об образовании: Закон РФ от 10.07.1992 г. № 3266–1 в ред. от 27.12.2009 г. с изм. и доп., вступив. в силу 29.01.2010 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 1. Ст. 1797.
12. Пронин А. А., Занин М. В. Муниципальный вуз в культурно-образовательном пространстве города: инновации и перспективы // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2. № 1. С. 62–73.
13. Рапацевич Е. С. Современный словарь по педагогике. Минск: Современное слово, 2001. С. 501–506.
14. Соловьева В. И. Трансформация экономических знаний в процесс оказания образовательных услуг // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы V междунар. науч.-прикл. конф., 30–31 марта 2015 г. USA (США): North Charleston, 2015. Т. 3. С. 203–208.
15. Соловьева В. И. Государственная политика национальной безопасности в области образования // Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов: междисциплинарные аспекты: материалы междунар. науч. конф., 4–5 ноября 2015 г. Ереван: Изд-во РАУ, 2015. С. 325–329.
16. Соловьева В. И. Институциональные факторы формирования российского рынка образовательных услуг // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27. Вып. 2. С. 60–66.
17. Соловьева В. И. Совместная деятельность некоммерческих и государственных организаций в предоставлении образовательных услуг // Наука и современное общество: новые интересы, векторы движения, приоритеты развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18–19 октября 2018 г. Караганда: Изд-во КЭУ Казпотребсоюза, 2018. Т. 2. С. 338–341.
18. Соловьева В. И. Институциональное воздействие собственности на социально-экономическую деятельность образовательного рынка // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. Ч. 2. С. 197–201.
19. Соловьева В. И. Стратегический ресурс образования в развитии успешного российского общества // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т. 9. № 1. С. 116–128.
20. Соловьева Л. В. О народном образовании как одной из составных частей сферы услуг // Создание педагогических условий для подготовки молодежи к труду в сельском хозяйстве: материалы межвузов. науч.-практ. конф., 18–21 мая 1991 г. Ч. II. Белгород: БИУУ, 1991. С. 102–107.
21. Соловьева Л. В. Становление рынка услуг в условиях перехода к рыночной экономике: монография. М.: Социум, 1997. 208 с.
22. Соловьева Л. В. Инновационная парадигма образовательных услуг // Интеграция науки, практики и образования потребительской кооперации: материалы региональной науч.-практ. конф., 20–23 марта 2005 г. В 7 ч. Ч. 1. Белгород: Кооперативное образование, 2005. С. 211–219.
23. Соловьева Л. В. Методология дифференциации качества жизни населения // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации (спецвыпуск). 2006. С. 73–87.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ...

24. Соловьева Л. В. Рынок услуг в транзитивной экономике: сущность, особенности, формирование и развитие: монография. Белгород, 2006. Библиогр.: С. 158–171. Деп. в ИНИОН РАН 23.01.2006 г., № 59620.

25. Соловьева Л. В. Высшее образование: трансформация социальных функций // Теория и практика инновационного развития кооперативного образования и науки: материалы междунар. науч.-практ. конф., 14–16 апреля 2010 г. В 7 ч. Ч. 2. Белгород: БУПК, 2010. С. 39–45.

26. Соловьева Л. В., Соловьева В. И. Теоретические аспекты регионального рынка образовательных услуг // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2015. № 2 (54). С. 91–102.

27. Соловьева Л. В., Соловьева В. И. Особенности рынка образовательных услуг в современной России // Образование: традиции и инновации: материалы междунар. науч.-практ. конф., 28 апреля 2016 г. Прага, Чешская Республика: Изд-во World Press, 2016. С. 330–332.

28. Соловьева Л. В., Соловьева В. И. Формирование рынка образовательных услуг в структуре высшей школы // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96). С. 314–318.

29. Соловьева Л. В., Соловьева В. И. Образование как фактор социально-экономического развития России и её регионов // Научные ведомости БелГУ. Серия «Экономика. Информатика». 2016. № 23 (244). Вып. 40. С. 22–29.

30. Соловьева Л. В., Соловьева В. И. Концептуальная сущность функционирования локального рынка образовательных услуг // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 43–48.

31. Соловьева Л. В., Соловьева В. И. Влияние институциональных факторов собственности на развитие рынка образовательных услуг // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 2 (81). С. 33–36.

32. Соловьева Л. В., Токарь Е. В., Соловьева В. И. Воздействие рыночной среды на динамику развития образовательных услуг в современной России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т.9 (75). № 2. С. 103–112.

33. Усова А. В. Проблемы формирования системы образования // Известия Российской Академии образования. 2002. № 2.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

УДК 004.896

КОНЦЕПЦИЯ «УМНОГО ГОРОДА»: ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Татаринов К. А.

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

E-mail: tatarinov723@gmail.com

В 1800 году только 3 % мирового населения размещалось в городах численностью более 5 тыс. человек. К концу третьего десятилетия XXI века в мире будет насчитываться 43 мегагорода с населением от 10 млн человек. Рост городского населения составляет примерно 70 миллионов в год, и к 2050 году две трети людей будет жить в городах. Промышленные революции XVIII–XXI веков способствовали изменениям в функционировании городов и их индустриализации. Расширение урбанизированных городских районов в территориальном, демографическом и экономическом плане привело к созданию глобальных городских агломераций. Прогрессирующая урбанизация и связанная с ней чрезмерная эксплуатация природных ресурсов являются ключевой проблемой для городских властей. На несуществующие ранее проблемы пытается ответить концепция умного города. Эта концепция обладает большим потенциалом, который при правильном использовании будет способствовать созданию комфортной жизни в городе. Ведь умный город не создает барьеров между жителями и чиновниками. В статье описаны четыре концепции smart city и указаны соответствующие направления управления городом с учетом взаимосвязи между современными сетевыми технологиями и городским сообществом.

Ключевые слова: Smart city, умный город, интеллектуальное управление, умная экономика, Сингапур, умные люди, интеллектуальная мобильность, умная жизнь, интеллектуальная среда, проблемы урбанизации.

ВВЕДЕНИЕ

С решениями Smart city большинство людей встречается каждый день (электронные информационные табло на остановках, интеллектуальные пешеходные переходы и городское освещение, энергетически самодостаточные здания, измерения потребления воды и энергии, вывоз мусора, прокат велосипедов и т. д.). Smart city непосредственно связан с технологическими достижениями (IoT, AI, machine learning, big data, cloud computing). Однако географическая концентрация людей привела к быстрому росту городов за короткий период и породила ряд проблем, поскольку улицы не расширились, зеленые насаждения не выросли и территориальные границы остались на прежнем уровне. Поэтому современные города сталкиваются с серьезными трудностями адаптируясь к быстрому росту. Проблемы, с которыми сталкиваются современные города, сосредоточены вокруг таких вопросов, как: старение населения, утилизация мусора, загрязнение водоемов и воздуха, морально устаревшая техническая инфраструктура, неконтролируемое разрастание в высоту, расслоение уровня благосостояния по городским районам и низкий уровень участия граждан в управлении муниципалитетом. Конечной целью внедрения умных технологий является оптимизация использования городского бюджета и повышение доступности услуг, предлагаемых жителям. Усилия по изменению города сопровождаются определенными трудностями, которые проявляются в концентрации инвестиций в технологические решения в отрыве от реальных проблем, отсутствии всеобъемлющего взгляда на все сферы городской жизнедеятельности, потери уникального облика агломерации, недостаточной

КОНЦЕПЦИЯ «УМНОГО ГОРОДА»: ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

модернизации старой архитектуры и возложение инвестиционных расходов на жителей [6, 20].

Цель статьи – представить концепцию smart city и ее значение в контексте интеллектуального управления городом.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Концепцию умного города следует рассматривать не только как инновационный способ улучшения жизни в городских районах, но и как ключевой аспект стратегии решения проблем неравенства, бедности и безработицы. В настоящее время существует множество определений умного города, в которых уделяется внимание или технологическим вопросам, или социальным. Само понятие умного города является междисциплинарным, поскольку оно охватывает как технологии, так и вопросы управления городом.

Рассмотрим несколько определений термина «умный город», которые наиболее полно отражают сущность данного понятия (табл. 1).

Таблица 1. Подходы к определению понятия «умный город»

Автор / коллектив авторов	Определение
Басканова Д. Х.	«...это концепция цифрового развития города, которая внедряет комплекс организационных мероприятий, способствующих его ускоренному темпу развития» [2, с. 5]
Золотых З. А., Борецкий Д. С.	«...заключается в интеграции цифровых технологий, интернета вещей, сенсоров и аналитики данных для создания более умной, устойчивой и эффективной городской инфраструктуры» [7, с. 16]
Зотов В. Б.	«...заключается в том, чтобы инвестировать в технологии для стимулирования экономического роста, ускорения социального прогресса и улучшения состояния окружающей среды и осуществить их максимально результативную для современного человека реализацию» [8, с. 4]
Исаев А. А.	«...как информационную систему, основанную прежде всего на цифровых технологиях, что оптимизирует работу городских служб, а также упрощает жизнедеятельность городского населения» [9, с. 31]
Калькова Н. Н.	«... как движущая сила экономики страны, средоточие культуры и образования, площадка для реализации технологических и социальных инноваций» [10, с. 148]
Козлова Ю. В., Савченко И. А.	«...это инфраструктурная модель обмена ресурсами, использования изменений как основы проектирования и последующего масштабирования» [11, с. 23]
Молчанова В. А.	«...это город, объединяющий физическую и социальную инфраструктуру, ИКТ и инфраструктуру бизнеса для мобилизации интеллектуальных ресурсов» [13, с. 2375]
Низамиева Э. Р.	«...как набор инициатив или проектов, которые эффективно используют цифровые технологии для повышения качества жизни граждан за счет предоставления качественных муниципальных услуг в рамках совместного процесса развития городской среды с участием всех заинтересованных сторон» [14, с. 20]
Пузанов К. А., Шубина Д. О.	«...это не столько обладание технологическим новшеством, сколько умение грамотно его использовать [18, с. 31]
Хдери Д. Ю., Алексамян А. Д., Лапотникова Ю. А.	«...это сложный и противоречивый проект глобального масштаба, который – по изначальной задумке – безусловно, нацелен на то, чтобы сделать жизнь городских жителей комфортнее [19, с. 127]

Источник: составлено автором по материалам [2; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 18; 19].

Многочисленные исследования, проведенные учеными, подтвердили, что введение единого определения невозможно из-за разнообразных проблем и возможностей городов, а также различной реализации идеи smart на разных континентах. Исходя из понятий, представленных в таблице 1, однозначность описываемого термина не прослеживается. Определение Баскановой Д. Х., Золотых З. А., Борецкого Д. С., Зотова В. Б., Исаева А. А. охватывает только технологический аспект. Калькова Н. Н., Козлова Ю. В., Савченко И. А., Пузанов К. А., Шубина Д. О. акцентируют внимание инвестиционной составляющей. Низамиева Э. Р., Хдери Д. Ю., Алексанян А. Д., Лапотникова Ю. А. считают, что умный город – это прежде всего качество жизни горожан. Отсутствие общепринятого определения понятия smart city означает, что города сами выбирают проекты, которые вписываются в их индивидуальные действия и воспринимаются как «умные». В Европе акцент делается на идеях устойчивого развития человеческого капитала, в Азии в основном реализуются проекты в области транспорта, а в Америке стараются разумно использовать природные ресурсы и внедрять инновации в области энергетики. По мнению автора, умный город – это город, в котором создается ценность только благодаря знаниям и активному участию, а также заботятся о потребностях будущих поколений.

Развитие умного города тесно связано с его изменяющимися концепциями развития. Первая концепция делает упор на передовые цифровые технологии, что позволяет максимизировать эффективность использования городских ресурсов. Технологии способствуют правильному реагированию на проблемы в повседневной жизни. Однако превращают ли они города в «умные»? Ведь технологические изменения в чистом виде только увеличивают социальную поляризацию. Вторая концепция включает в себя больше социальных элементов, ориентированных на человека. Улучшение жизни каждого горожанина должно быть напрямую связано с внедрением новых технологических решений. Третья концепция фокусируется на нематериальных качествах сообщества, таких как навыки, знания и социальный капитал. Технологические изменения являются вторичными, обусловлены социальными потребностями и ни в коем случае не должны опережать их. Навыки цифрового сообщества, обладающего высоким уровнем социального капитала, позволяют и в дальнейшем создавать, и качественно использовать новые технологии. Взаимодействие между людьми и их сетевые связи рассматриваются в этой концепции как ключевые факторы развития умного города. Четвертая концепция принимает во внимание три предыдущие точки зрения, однако подчеркивает, что ни технологический подход, ни подход, направленный на повышение уровня социального капитала, не являются движущей силой в создании умного города. Smart city не способствует достижению таких целей, как социальная справедливость, интеграция и устойчивое развитие. Это бизнес-модель транснациональных корпораций, и все проекты интеллектуального города приводят к реализации современного колониализма. Поэтому ключевой проблемой, которую необходимо решать – это изменение городских режимов управления, служащих крупным корпорациям. Ключевой вопрос заключается в том, кто получает больше выгоды от инвестиций, местные жители или корпорации? Ведь в городах, где активно

КОНЦЕПЦИЯ «УМНОГО ГОРОДА»: ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

внедряются «эффективные» технологические решения, качество жизни не улучшается. Управление «smart» часто связано с лишением свободы городских жителей из-за постоянного наблюдения за ними с помощью многочисленных приложений на смартфонах. Поэтому возникают вопросы о том, способствует ли внедрение концепции smart city исключению определенных групп населения из управления городом. Растущая концентрация власти в руках небольшой группы деловых элит приводит к росту интереса к технологическим решениям, даже если они не отвечают потребностям жителей. Сегодня политическое и социальное городское развитие находится под угрозой из-за поиска прибыли, поскольку все чаще признается, что, как и бизнес, города также должны получать чистый доход. Иными словами, управляемое бизнесом развитие интеллектуальных городов приводит к так называемому «корпоративному видению» и к доминированию экономической логики над социальной. Цифровой план развития города должен быть сосредоточен на том, чтобы идея smart city уменьшала неравенство и была адресована не только людям, способным применять новые технологии, или самым богатым. Умный город также называют социальным движением, которое является стратегическим видением устойчивого будущего, а не описанием сегодняшнего дня.

Обозначенная четвертая концепции smart city реализуется в отношении шести smart-измерений: people, environment, economy, governance, mobility, living (рис. 1).

Рисунок 1. Шестимерная концепция smart city

Несомненно, самой большой ценностью умного города являются его жители, ведь именно их знания, опыт и желание сотрудничать обуславливают успех любых инициатив, предпринимаемых администрацией. В этом подходе социальные факторы

и культурное разнообразие представляют более высокую ценность, чем передовые технологии. Важную роль в создании подхода, ориентированного на потребности граждан, выполняют местные органы власти, которые помимо поощрения использования современных технологий должны дать возможность жителям создавать собственные инновационные решения. Способность всех социальных слоев сотрудничать является условием способности города к самоорганизации. Основным вопросом в измерении умных людей – это уровень партисипативности в городском управлении [5].

Интеллектуальная среда создает устойчивое использование природных ресурсов, суть которого заключается в увеличении использования возобновляемых источников энергии, экологической активностью горожан, безотходных технологиях и массовых доступных зеленых пространствах. Интеллектуальные датчики технологии IoT обеспечивают новую концепцию мониторинга явлений в окружающей среде, в том числе и реагирования на стихийные бедствия. К экологическим критериям интеллектуальной среды можно отнести: самодостаточность в получении чистой энергии и воды, нулевые отходы, восстановление экологически деградированных городских пространств, экологическое просвещение и целенаправленное снижение выбросов углекислого газа, а также способность расти и развиваться вместе с изменениями в численности населения.

Измерение экономики играет жизненно важную роль в реализации концепции умного города, так как это источник конкурентоспособности не только в региональной среде, но и на международной арене. Городские районы должны быть дружественными как для жителей, так и для предпринимателей и туристов. Принятие администрацией мер, способствующих развитию предпринимательства, способствует появлению инноваций, новых рабочих мест и улучшает инвестиционную привлекательность населенного пункта. Избыточный рынок труда и способность к экономической трансформации – это те факторы, на которых строят разумную городскую экономику.

Интеллектуальное управление характеризуется широким использованием современных технологий и способностью создавать знания и инновационные решения, а также применять их на практике [4]. Оно также определяется как способность устанавливать партнерские отношения с другими городами и включать заинтересованные стороны в процесс принятия решений. Основанием для определения того, управляется ли город интеллектуально, является уровень его технологического развития в области электронного собрания. Ведь обмен информацией является ключевым фактором повышения открытости и организационной эффективности и снижения затрат. Весомым компонентом модели интеллектуального управления являются граждане и их растущий интерес к сотрудничеству с государственными органами власти [15, 17].

Интеллектуальный транспорт как современная форма управления мобильностью, в первую очередь, предполагает использование современных технологий в транспортной инфраструктуре и во вспомогательных системах с целью уменьшения загрязнения, повышение безопасности, снижения заторов, уровня шума

КОНЦЕПЦИЯ «УМНОГО ГОРОДА»: ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

и стоимости перевозок. Все большее количество людей выбирают автомобиль в качестве единственного способа передвижения, поэтому центр города становится все менее желательным местом для жизни. Люди стремятся жить в более спокойных районах, что усугубляет эффект субурбанизации. Оптимизация общественного транспорта в городе и сокращение индивидуального автомобильного движения может существенно снизить заторы в часы пик, загрязнение выхлопными газами и шумовые эффекты [3].

Умная жизнь как последний элемент шестимерной концепции smart city фокусируется на управлении, ведущем к улучшению качества жизни в городе. Речь идет об уровне безопасности, доступе к специализированным медицинским услугам и модернизации инфраструктуры под стареющее городское население. Умная жизнь определяется чувствами счастья, комфорта, независимости и построения хороших социальных отношений, что способствует созданию социальной сплоченности [1]. Идея разумной жизни заставляет местные администрации принимать решения, которые привлекают в город новых жителей и делают жизнь существующих граждан более комфортной [16]. Город, благоприятный для жизни – это город с высоким уровнем культуры, достойными жилищными и образовательными условиями, доступными медицинскими услугами, и в то же время адаптированный к потребностям пожилых и людей с ограниченными возможностями.

Соотношение между концепциями человек, город, регион и мир со словом «умный» представлено на рисунке 2.

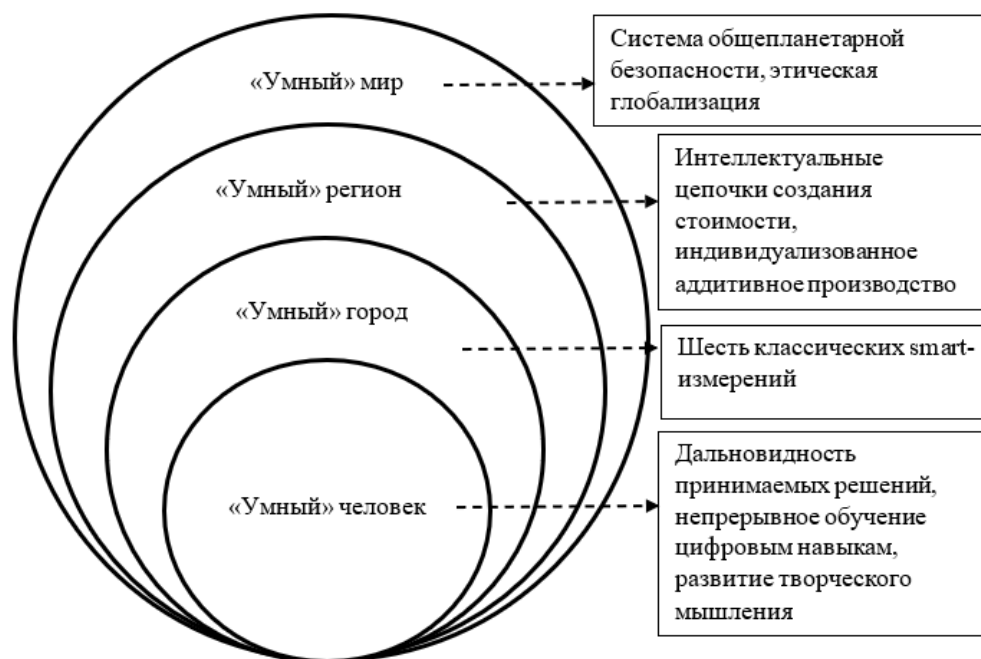

Рисунок 2. Соотношение концепций человек, город, регион и мир со словом «умный»

Говорить о концепции «умный» мир в эпоху тяжелейших конфликтов между Россией и Украиной, Израилем и арабским миром, грозящих перерасти в третью мировую войну, сегодня не представляется возможным. Разумная политика Генри Киссинджера и Андрея Андреевича Громко в корне отличается от политики имеющихся сейчас лидеров Запада. Их популизм в условиях охлократии, вызванной цифровой сетевизацией общества, граничит с сомнамбулизмом. Поэтому центральным элементом данной схемы является «умный» город, который создает пространственный базис для так называемого инвестиционного замкнутого треугольника (деньги – «умные» люди – инновации). Баланс технологических, финансовых и социальных компонентов, связанных с городской экосистемой, позволяет обеспечить спиральную динамику развития и учет мнения всех заинтересованных сторон. Для создания «умного» региона необходима «критическая конкурентная масса» из «умных городов». Только в этом случае возможен переход в развитии «умных» городов из стадии развития информационно-коммуникационной инфраструктуры к стадии повышения индекса качества жизни населения. Основным критерием «умного» человека следует считать дальновидность в принимаемых им решения, а не технологическую или финансовую компетентности. Ведь инновации бросают вызов существующему положению вещей и существенно трансформируют человеческое общество, поэтому деньги налогоплательщиков часто тратятся впустую. Видение «умного» человека должно быть всеобъемлющим, то есть успех должен определяться результатами, а не технологиями.

В настоящее время Сингапур занимает одно из первых мест с позиции развития четвертой концепции smart city по большому количеству реализованных «умных» проектов. В 2021 году Сингапур третий раз подряд являлся самым умным городом в мире согласно индексу умных городов (IMD). Феномен Сингапура основывается на вовлечение всех граждан в городские дела, особенно в те, которые касаются здоровья, мобильности, безопасности и комфорта [12]. Принцип Сингапура гласит: умная нация – эта та, в которой цифровые технологии дают людям качественную жизнь. Проект «Smart Nation» был запущен в 2014 году, а в 2016 году начал сотрудничество с США в рамках развития цифровых инноваций. Жители города–государства, используя сети и данные, могут создавать новые экономические возможности и сообщество, основанное на близости. Более 94 % государственных сервисов можно получать онлайн, но при этом остается ряд не оцифрованных госуслуг, особенно для «поколения первопроходцев». К 2050 году 47 % населения Сингапура будет в возрасте 65 лет и старше, и поэтому большое внимание уделяется оцифровки здравоохранения (видеоконсультации, домашняя реабилитация (TeleRehab), фитнес–трекеры для отслеживания прогресса пациентов, робототехника для снижения одиночества среди пожилых людей). Культурные и социальные инициативы как элемент решения различных типов городских проблем позволяют создать сильную городскую идентичность, улучшить качество жизни и даже повысить доходы граждан. Двойной характер города–государства делает Сингапур лабораторией для глобальных экономических решений. Измерение smart economy касается макроэкономической стабильности и динамики развития бизнеса. С 2024 года происходит постепенный переход налогообложения доходов к налогообложению

богатства (собственность и наследство), а в планах повышение налогов для богатых (доход более 1 млн долларов в год) до 24 %. Налоговая система Сингапура считается простой и благоприятной для инвесторов. Ставка корпоративного налога от 8,5 % до 17 %. Ставка НДС – 7 %. Нет налога на дивиденды, наследство и прирост капитала. В то же время уровень безработицы в 2020 году составил 4,38 %. Все это делает Сингапур городом, в котором легко вести бизнес, поддерживать стартапы и иметь самую открытую экономику в мире для международной торговли и инвестиций. Для Сингапура характерно использование Интернета вещей, что предполагает использование датчиков и контроллеров, размещенных в различных областях пространства повседневной жизни граждан. Сингапур также характеризуется высоким уровнем образования, где большое внимание уделяется профессионализму и техническим навыкам. Осуществляется поддержка повышения квалификации для 12 000 специалистов и студентов в области искусственного интеллекта. Кроме того, сингапурцы готовы передавать личную информацию, чтобы уменьшить трафик на дорогах, а также готовы делиться своим имиджем (цифровая национальная идентификация), чтобы способствовать снижению уровня преступности. Это говорит о доверии жителей Сингапура к современным технологиям и к городским властям.

В России начатый в 2018 году проект «Умный город» получил свое развитие в нацпроекте «Жилье и городская среда». В 2024 году были определены ряд целевых показателей, при выполнении которых городам будет отдаваться приоритет в финансировании проектов, связанных с комфортной городской средой. При этом в данных населенных пунктах также должен быть реализован нацпроект «Цифровая экономика РФ». Воплощение данных нацпроектов сможет существенно модернизировать городские фонды с принципиально другим уровнем безопасности. Новые перспективы для развития российских «умных городов» открывает внедрение 5G-связи. Она значительно упрощает реагирование на преступления в урбанизированных зонах, позволяет осуществить мониторинг выбросов на промышленных предприятиях, быстро обрабатывать экологические данные, автоматизировать водопотребление через счетчики, создавать интерактивные туры с дополненной реальностью, улучшить качество стримминга спортивных мероприятий, значительно улучшить способность автономного транспорта заблаговременно обнаруживать объекты и т. д. Несмотря на то, что в России полноценное коммерческое использование 5G еще не началось, в Санкт-Петербурге уже функционирует многоуровневая система «Безопасный город», а в Нижнем Новгороде действует удаленный мониторинг состояния здоровья пациентов. В Москве уже как десять лет действует проект «Активный гражданин», позволяющий москвичам проверять точность голосования. В России системы «умных городов» станут центром притяжения молодежи. Например, в Республике Татарстан спроектированный Лиу Тэй Кером наукоград Иннополис притягивает молодых специалистов не только нулевой ставкой налога на прибыль в течение 5 лет и другими экономическими послаблениями, но и полным отсутствием преступности, грамотной планировкой пространства и продуманной инфраструктурой, а также IT-core зоной с университетом. В своеобразном Маунтин-Вью уже сейчас проживает более 5 000 человек и число желающих там поселиться постоянно растет.

Анализ публикаций по развитию российских «умных» городов позволяет сделать выводы о том, что в Москве, Санкт–Петербурге и других пилотных городах формирование городской среды идет по экстенсивному пути с превалированием технократических стратегий. В дальнейшем этот путь превратится в направление объединения ресурсов социума через интеграцию физического и кибернетического пространств. При этом западные критерии «умного» города не применимы к отечественной действительности. Создание советских городов, особенно малых и средних, под эгидой «размещение производительных сил страны» привело к их критической дифференциации и неравномерности развития. Поэтому вначале нужно избавиться от рудиментов жесткой административно-командной системы городского управления и перейти к ориентации на человека, а уже потом внедрять передовые цифровые и инженерные решения.

Тенденции развития интеллектуальных городских сообществ в ближайшем будущем можно обобщить следующим образом:

1. Строительство «с нуля» или трансформация имеющихся мегаполисов в «умные города» станет целью правительств всех без исключения развитых стран мира. Причиной этого станет более высокий уровень жизни таких горожан за счет более разумной и устойчивой окружающей среды, мобильности и городского управления.

2. Инструменты искусственного интеллекта и блокчейна существенно повысят прозрачность и результативность городских управленческих решений. Городское планирование через динамичные каналы связи превратится из иерархического процесса в партисипативный, где сотрудничество с гражданами станет обязательным. Упреждающие системы оповещения городских руководителей о надвигающихся проблемах вместо простого реагирования на произошедший инцидент позволят автоматически отправлять список задач соответствующим городским службам, а также проверять их исполнение. Более того, система будет получать информацию о надвигающемся чрезвычайном положении и от горожан, что позволяет любому гражданину вносить свой активный вклад в безопасное функционирование города [22].

3. Снижение доли личных автомобилей на городских дорогах будет способствовать развитию экологического общественного транспорта, уменьшит «пробки» и загрязнение окружающей среды выхлопными газами, сделает передвижение по городу более быстрым, предсказуемыми и дешевыми. Датчики будут использоваться в режиме реального времени для информирования людей о свободных местах на парковках. Также городам не нужно будет столько парковочных мест, если люди начнут совместно владеть автомобилями на базе цифровых платформ.

4. Уличные фонари станут использоваться в сенсорных технологиях сбора данных о погоде, уровне загрязнения воздуха, движения транспорта и людей. Интеллектуальная система управления водными городскими ресурсами на основе датчиков, контроллеров и аналитических элементов обеспечит устойчивое водоснабжение экосистем. Альтернативные энергетические системы (безопасные модульные малые ториевые реакторы, прозрачные солнечные батареи на высотных

зданиях, приливные электростанции на побережье) не только снизят загрязнение воздуха, но смогут противостоять террористическим атакам и стихийным бедствиям. Такие энергетические изменения создадут «круглогодичную» городскую экономику с децентрализованным производством энергии на основе неисчерпаемых источников. «Умные» материалы и нанотехнологии станут основой электронной системы фильтрации воздуха и воды с гораздо меньшими затратами и большей чистотой, чем сегодня. Все в интеллектуальном городе будет основываться на принципах экономики замкнутого цикла, которая определяется городским дизайном.

5. «Умные» системы здравоохранения позволят локализовать вспышки диабета и удорожание медицинского обслуживания, используя преимущества сенсорной инфраструктуры и сосредотачивая свое внимание на новейших технологиях предотвращения заболеваний (генотипы, биометрический мониторинг на основе чипов), а не на их лечении. Генная терапия и smart-лекарства станут основой будущего лечения, а удаленное наблюдение за состоянием здоровья пациента с помощью приложений на основе Интернета вещей позволит последним не посещая клинику, получать квалифицированную помощь от врачей.

6. Программы переподготовки в направлении электронных профессий или цифровизации бизнеса будут косвенно способствовать повышению торгово-операционной эффективности местной экономики и созданию новаторского делового климата.

К потенциальным вызовам «умного города» можно отнести риски безопасности интеллектуальной структуры, которая открывает огромное поле для хакерских атак. Злоумышленники могут управлять несколькими автономными транспортными средствами, чтобы вызвать их столкновение посредством резкого торможения, превышения скорости, смены направления или полосы движения. Технологии Bluetooth и RFID сегодня во время движения значительно увеличивают зону поражения у беспилотных автомобилей. При этом установка защищенного программного обеспечения для самоуправляемых автомобилей обходится дороже, чем для обычных Интернет вещей. Атака на всю городскую систему электроснабжения приведет к тому, что светофоры перестанут работать, а изменение параметров работы в интеллектуальных системах водоснабжения напрямую повлияет на целостность и подлинность данных. Еще одной угрозой для smart-коммунальных систем является проблема конфиденциальной информации о деталях химических процессов очистки сточных вод и обеззараживания питьевой воды. Перебои в работе данного оборудования – это уже проблема общественной безопасности. Инициированный киберпреступниками сбой в работе интеллектуальных сервисов может привести к сбору большого объема информации о гражданах, что ставит под угрозу необходимую для них анонимность. Если эту информацию объединить с медицинской, то проблема личной неприкосновенности станет кульминационной. Без предпринятых действенных мер по безопасности, города в любой момент времени станут быстро парализованными хакерскими атаками и непригодными для жизни. Чтобы предотвратить обозначенные выше проблемы «умной» урбанизации, необходимо заранее разработать нормативные акты в области будущей городской безопасности [21]. Такие законодательные меры

требуют разумного баланса между затратами и выгодами, развитием и безопасностью от каждой инновации. Идентифицировать риски безопасности умных городов – это проанализировать требования защищенности на основе их общей инфраструктуры с учетом взаимозависимости между различными элементами. При этом нужно оперативно обнаруживать новые бреши уязвимости и недостатки управления из-за несогласованности процедур безопасности. Горожан следует поощрять сообщать в правоохранительные структуры об инцидентах нарушениях медицинской, экологической, производственной, личной, а также нетрадиционных угроз безопасности. Расширяющаяся система интеллектуального видеонаблюдения – это решение, которое уже сейчас приносит огромные социально-экономические выгоды и предотвращая чрезвычайные события. Приоритетные места установки камер – это места проведения важных городских мероприятий, парки, скверы и парковки. Отснятые ими видеоматериалы легко анализируются в реальном времени с помощью искусственного интеллекта, что позволяет быстро реагировать на преступления или даже предотвращать их. Например, рентгеновские сканирующие устройства могут обнаруживать объекты, даже если они скрыты от глаз и определять материал их изготовления. Если такой потенциально смертоносный объект обнаружен, то полицейские могут его заранее обезвредить. Если количество людей в торговом центре превышает определенный порог, то системы с поддержкой Интернета вещей могут ограничивать его посещение. Используя такие технологии, как IoT, искусственный интеллект и многофакторная аутентификация, можно обеспечить повышенную безопасность в аэропортах, школах, центрах обработки данных, военных базах и других местах массового скопления людей. Уже сегодня патрульные роботы и беспилотные летательные аппараты применяются в Таиланде и Китае для наблюдения за общественными местами и сообщают находящемуся поблизости персоналу службы безопасности о потенциальных угрозах. Непременным условием такой интеллектуальной безопасности является способность людей адекватно воспринимать «умные» факторы города. Кроме того, наличие экспертов, лояльных к общественным интересам, катализирует такие процессы.

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить, что концепция умного города позволяет использовать многогранный подход к развитию городских агломераций, что предполагает использование интеллектуальных технологий в городском пространстве. Без современных технологий устойчивое, эффективное и действенное городское управление невозможно. Однако большее значение играют не информационно-коммуникационные технологии, а высокие аналитические способности и открытость у местных органов власти. Новые технологии только помогают процессам управления, а также способствуют повышению качества предлагаемых общественных услуг (транспорт, образование, коммунальные услуги, парковка и т. д.). Развитие цифровых технологий создало инновационные решения во многих городских системах (безопасность, охрана окружающей среды, управление отходами и городскими пространствами и т. д.) и позволило справиться с

экспоненциальным ростом числа жителей и количеством личных автомобилей, загрязнением окружающей среды выхлопными газами, нерациональным использованием воды и электроэнергии, бытовым мусором и нарушением общественного порядка. Все эти процессы также способствуют не только росту привлекательности с точки зрения жителей, но и экономическому росту с точки зрения предпринимателей. В разумном понимании концепции smart city новые технологии играют жизненно важную роль и представляют собой инструмент управления, но не саму цель.

Перспективы дальнейших исследований связаны с ответами на следующие вопросы: как и для чего развитие цифровых технологий улучшает качество жизни горожан; может ли массовое видеонаблюдение и видеоаналитика подавить цифровую демократию; как найти способ привлечь граждан к активному участию в процессе принятия городских решений?

Список литературы

1. Астафьев С. А., Рослякова В. А. Развитие информационных технологий в строительстве // *Global and Regional Research*. 2019. Т. 1. № 4. С. 16–23.
2. Басканова Д. Х. Формирование и реализация технологий «умного города» // *Экономика и парадигма нового времени*. 2023. № 4 (21). С. 5–11.
3. Бурматова О. П. Концепция устойчивого развития умного города: экологический аспект // *ЭКО*. 2021. № 6 (564). С. 139–160.
4. Владимиров Д. Г., Воротников А. М. Умный город: особенности формирования концепции региональных городов Российской Федерации // *Вестник Российского университета кооперации*. 2018. № 3 (33). С. 17–21.
5. Воробьева О. В., Манжула Е. А., Яшина А. В. Умный горожанин в умном городе: обзор подходов в России и за рубежом // *International Journal of Open Information Technologies*. 2019. Т. 7. № 5. С. 59–65.
6. Гордин Е. В. Перспективы строительства техно-городов в Сибири // *Baikal Research Journal*. 2023. Т. 14. № 4. С. 1512–1520.
7. Золотых З. А., Борецкий Д. С. Умный город как способ организации городской среды // *Тенденции развития науки и образования*. 2024. № 105–13. С. 15–18.
8. Зотов В. Б. «Умный город»: методология построения системы // *Муниципальная академия*. 2019. № 3. С. 3–11.
9. Исаев А. А. Концепция «умный город»: технологические решения и ресурсные возможности на примере города Перми // *Современный город: власть, управление, экономика*. 2020. Т. 1. С. 31–38.
10. Калькова Н. Н. Умный город – императив городского социума и дуализм проблем // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 9–2. С. 147–153.
11. Козлова Ю. В., Савченко И. А. Умный город: проблема цифрового доверия // *Russian Economic Bulletin*. 2021. Т. 4. № 5. С. 23–27.
12. Макаревич И. В. Концепция «умный город» на примере города Сингапур // *Устойчивое развитие науки и образования*. 2019. № 3. С. 29–31.
13. Молчанова В. А. От умного города к городу справедливому: проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики // *Креативная экономика*. 2019. Том 13. № 12. С. 2371–2386.
14. Низамиева Э. Р. Внедрение принципов умного города как драйвер к реорганизации и повышению эффективности существующих городов // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2021. Т. 23. № 6. С. 19–27.
15. Петров П. А., Хохлова Н. С. Оценка готовности города к внедрению концепции «умный город» // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2023. Т. 13. № 3 (46). С. 423–432.
16. Полякова Н. В., Залешин В. Е., Поляков В. В. Диагностика комфортности среды проживания в городах: обоснование и формирование методики // *Известия Байкальского государственного университета*. 2020. Т. 30. № 1. С. 121–129.

17. Полякова Н. В., Поляков В. В., Залешин В. Е. Развитие общественного и публичного пространства города и урбанистический дискурс // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 363–378.

18. Пузанов К. А., Шубина Д. О. «Умный город» или «умность» города: эффективность использования городских инноваций в США // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 1 (14). С. 29–42.

19. Хдери Д. Ю., Алексанян А. Д., Лапотникова Ю. А. «Умный город»: три вопроса от политологов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8–3 (110). С. 125–135.

20. Яроцкая В. В. Обустройство городского пространства или как сделать город комфортным для жизни // Global and Regional Research. 2020. Т. 2. № 1. С. 489–495.

21. Hong V.N.H. et al. Development Trends of Smart Cities in the Future – Potential Security // Advances in Science, Technology and Engineering Systems Journal 2020.Vol. 5, № 4, P. 548–556.

22. Pooja G. et al Recent trends and Challenges in Smart Cities // EAI Endorsed Transactions on Smart Cities. 2022. № 6, P. 1–6.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

SUMMARIES

DIRECTIONS FOR TRANSFORMATION OF FOREIGN TRADE POLICIES OF COUNTRIES

Gorda A. S.

It has been determined that current trends in the world economy, the deepening of foreign economic relations, uneven development of individual countries, modification of commodity production, relative equalization of prices for similar goods in different countries contribute to the intensive development of more effective and flexible protectionism in the global trading system, the basis of which is non-tariff methods of regulation. , which are constantly modified and complicated.

In modern conditions of development of the world economy, the intensification of non-tariff protectionism is primarily caused by global motives, which include a significant reduction in the level of tariff rates and tariff binding within the WTO, the global economic crisis, which provoked an increase in the number of cases of the use of non-tariff methods and intensified international competition. In connection with the liberalization of international trade within the WTO, there has been a transition from the use of customs tariff to predominantly non-tariff regulation.

It has been established that the traditional paradigm of the state's foreign trade policy, which usually covers only the standard tools for regulating export and import operations, does not meet the geopolitical requirements of countries. This issue is especially relevant for developed countries of the world, since competition for leadership positions on the world stage is high. Additionally, digital transformations and the transition to a sustainable development paradigm require changes in foreign trade policy.

As a result of the assessment of the foreign trade policies of developed countries and the identification of imperatives and directions for the transformation of the foreign trade policies of countries, a logical and structural scheme for the transformation of the country's foreign trade policy in the conditions of uneven global economic development was developed, which includes the goals and areas of transformation in the context of the global environmental and digital transition , as well as the measures necessary to effectively implement these changes, highlighting the need to harmonize within the WTO the use of digital neo-protectionist policies, which is important for both developed countries and developing countries in the context of global digital transformation.

The proposed directions for the transformation of foreign trade policy in the current conditions are focused on the formation of a new type of supranational trade policy, taking into account the existing directions of transformation of global economic development, namely the global goals of sustainable development and the digital transformation of the industrial paradigm. A special place in the proposed transformations is occupied by the need to agree within the WTO on the use of digital neoprotectionism policies, which is important for both developed and developing countries.

Keywords: international trade, global trade, international trade policy, foreign trade policy, transformation, neoprotectionism, digitalization, digital trade.

FORMATION OF FOREIGN TRADE POLICIES OF COUNTRIES IN THE CONDITIONS OF DIGITAL NEO-PROTECTIONISM DEVELOPMENT

Gorda O. S.

Digital technologies and the changes they bring to our lives and the operating conditions of enterprises have created new economic opportunities, firstly, associated with the development of new market segments and new ways of selling goods and services previously presented on the market. As a result, processes of transformation of entire sectors of the economy and systems of interaction between consumers and producers have intensified.

The increasing role of the sector of digital technologies and services in the economy of most countries of the world necessitates the practical implementation of certain measures to protect domestic providers of these services and activate regulatory mechanisms in the context of global digitalization of the international economic system.

As a result of the research, the author identified the emergence of new types of foreign trade policy in the context of intensifying technological transformation of economic development, the transition of the global economy to an information and innovation economy, and then to digitalization, where digital services, goods, information and communication goods, high-tech sectors of the economy prevail, and production chains are supported by the development of the Internet.

Regulatory competition in the field of innovation is carried out by introducing a set of incentive measures and using tools to increase state innovation potential and increase exports of advanced industries (innovative neoprotectionism). In the information sphere, regulatory competition involves the use of restrictions on information flows of a commercial nature in favor of domestic companies (information neoprotectionism). And in the digital sphere, it is implemented by establishing barriers or obstacles to digital trade while simultaneously promoting the formation of national digital companies to acquire new comparative advantages for the country (digital neoprotectionism).

The formation of a new type of foreign trade policy - digital neoprotectionism is characteristic primarily of developed countries (China, USA, EU countries, Japan), and is used by countries in order to maintain national competitive advantages.

The author presents his own definition of digital protectionism, which is proposed to be understood as an instrument of government intervention through the establishment of barriers or obstacles to digital trade, including censorship, filtering, localization measures and rules to protect privacy, aimed at increasing the country's productive potential through the development of new comparative ones. advantages in the emerging digital economy

It has been determined that a new type of protectionist measures in the context of digitalization (digital protectionism) is implemented by establishing barriers or obstacles to digital trade while simultaneously promoting the formation of national digital companies to obtain new comparative advantages for the state.

The practical aspects of implementing the policy of digital protectionism in Asian and European countries are analyzed. The relevance of digital protectionism for the Russian Federation is determined in order to increase the competitiveness of the country's economy through the development of comparative advantages in modern technological industries in

the context of the formation of a post-industrial type of economy, which can become a promising direction of foreign trade policy in the context of uneven global economic development.

Keywords: international trade, foreign trade policy, protectionism, neo-protectionism, digitalization, digital trade, tariff and non-tariff regulatory measures.

SCHUMPETERIAN ENTREPRENEURSHIP THEORY: CURRENT STATE AND AGENDA

Ergin S. M., Batalov R. P.

Research in the field of innovation and entrepreneurship has advanced significantly in recent years, integrating an increasing number of topics and developing a stronger theoretical base. In particular, Schumpeter's innovation theory is increasingly used as a starting point. This article reviews the literature on the application of innovation theory to entrepreneurship and identifies a growing number of alternative theoretical interpretations of entrepreneurship theory, puts forward several potential problems and makes suggestions on how to address these problems, which will allow similar research to be continued on a stronger theoretical basis. Furthermore, an agenda for Schumpeterian research is proposed, adapted to current debates in the context of entrepreneurship research, to illustrate the usefulness of innovation theory for the development of this field.

Keywords: Schumpeterian theory, innovation theory, entrepreneurship, innovation, evolutionary economics of entrepreneurship

FOREIGN EXPERIENCE IN IMPLEMENTING MECHANISMS OF STATE SUPPORT FOR FDI IN THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY

Ilyasova Yu. V.

The article analyzes the mechanisms for attracting and supporting FDI, determines the positions of leading countries in the Doing Business and Global Competitiveness Index (IMD). It is established that the innovativeness of the economy does not always affect its ability to create an effective business environment. The mechanisms for attracting and supporting FDI in the real sector, implemented in a number of developed countries, are analyzed, and unique incentive mechanisms are proposed, the use of which in the context of Russian reality may be effective.

Keywords: foreign direct investment, Doing Business and Global Competitiveness Index, Global Innovation Index, Investment Support Mechanism

INFORMATION SECURITY OF RUSSIA AS A GUARANTEE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL BUSINESS

Klimovets O. V.

Currently, Russian software solutions, which previously had difficulty promoting in the domestic market due to the dominance of foreign companies, have received an impetus for development. So, "Yandex", together with its extensive portfolio of products and services was able to move Google. A huge number of areas in which the company conducts research have allowed us to create a unique ecosystem. In it, Yandex users have access to a wide range of opportunities to meet their needs

Keywords: international business, digital economy, sanctions, information technology, marketing.

FORECASTING OF THE GROSS REGIONAL PRODUCT BASED ON THE CORRELATION AND REGRESSION MODEL (BASED ON THE MATERIALS OF THE KRASNODAR TERRITORY)

Mezentseva E. V.

Using the example of the Krasnodar Territory, a correlation and regression analysis was carried out to determine the relationship, establish a causal relationship between the gross regional product and selected factors. The relevance of the problem under study is due to the fact that the gross regional product is a key macroeconomic indicator of the socio-economic development of the region, since its level and dynamics directly reflect the quality of life of the population, the state of the social sphere, the investment climate, the competitiveness of territories, infrastructure development, etc. Accordingly, forecasting the gross regional product is an important stage in measuring the prospects of economic activity in the region. Regression models as a statistical analysis tool are widely used to predict socio-economic indicators for the short or medium term. The use of such models allows not only to predict the future value with high accuracy, but also to assess the impact of various factors on the level of GRP.

Keywords: gross regional product, forecasting, modeling, correlation and regression analysis, statistics.

SYNTHESIS OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE CONCEPT OF «COUNTRY COMPETITIVENESS»

Nikitina M. G., Butsenko I. N.

The article presents the results of scientific research into the conceptual apparatus of the economic category «country competitiveness». Based on the generalization and synthesis of scientific approaches to identifying the essential features of the concepts

«country competitiveness», «national competitiveness» and «international competitiveness of the country», the basic criteria that are essential in disclosing their content are identified. Official definitions of competitiveness in relation to the country, adopted and used by international organizations and national institutions are given. The conceptual basis for interpreting the economic category «country competitiveness» is highlighted.

Keywords: competitiveness, country competitiveness, national competitiveness, international competitiveness of the country, Harvard Business School, competitive advantages, World Economic Forum, International Institute for Management Development, Organization for Economic Cooperation and Development.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF FUNCTIONING OF THE US BANKING SECTOR IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Orlova D. R., Deryabina D. A.

Information technologies have been actively developing in recent years, which leads to the general digitalization of human life. Thanks to the introduction of innovations into economic activity, many processes are accelerated and simplified. The US banking sector, as one of the strongest in the world, has received a sufficient number of benefits from the digital economy, but at the same time, a number of problems arise that require solutions. The purpose of the article is to analyze the functioning of the American banking system in the context of the data economy, identify the main advantages, problems and ways to solve them. The work used general scientific methods of cognition such as analysis, synthesis, comparative method, as well as mathematical and statistical methods. The study revealed the following advantages from the introduction of information technology in the banking sector: transition to cashless payments, growth of US GDP, acceleration of customer service, reduction of transaction costs. Along with this, problems were also identified. For example, the issue of security, the lack of clear legal regulation of information technology, the need for large financial costs and computer capacity. In the end, the main directions for solving these problems were identified.

Keywords: banking system, US economy, data economy, digitalization, information technology, open banking, blockchain, artificial intelligence

EXPORT POTENTIAL OF THE SOUTHERN MACROREGION: PRIORITIES AND DEVELOPMENT TRENDS

Rovenchak O. I.

The article considers the problem of development of the export potential of the Southern macroregion. The aim of the study is to identify priority vectors and trends of export. A comparative analysis of macroeconomic indicators of the subjects of the Southern macroregion is conducted, and the factors influencing foreign exchange earnings and the structure of exports are substantiated. The role and place of the Southern macroregion in the export of technologies of the Russian Federation are studied. It is revealed that favorable

regional conditions contribute to the development of priority knowledge-intensive industries and the improvement of export policy, which allows increasing foreign trade, as well as expanding the geography of product sales.

Keywords: Southern macroregion, regional development, technologies, export, trade, vectors, priorities.

NATIONAL PRIORITIES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EDUCATION ECONOMY

Solovieva L. V., Solovieva V. I.

The peculiarities of development of the domestic market of educational services in modern conditions are investigated. The economic priorities of sustainable potential of the Russian education system are considered. The review of the gradual entry of the national educational market into the Russian reality is made. The behavior of economic subjects in the choice of preferences in the education market is analyzed. The economic factors influencing the estimation of expected benefits from investments in human capital are highlighted. The reasons of the Russian population's aspiration for children to get higher education have been studied. The economic motives of people's behavior on the market of educational services depending on the levels of education are specified. The structures of economic activity of different types of educational institutions are outlined. The economic difficulties in the work of higher education institutions in the selection and training of students are shown. The social orientation of the Russians' need for intellectual development is noted. The special significance of the problem of sustainable development of the socio-economic system of education is determined. The adaptation of national education to constant changes in the market environment is explained. The main elements and factors of the modern educational system are revealed. Distinctive features of sustainable development of the educational sphere are named. The role of the state in creating conditions for sustainable functioning of the national education system is indicated.

Keywords: national economy, Russian education, educational services, educational priorities, investments, economic growth, sustainability problems, educational needs of the population, intellectual development of society, the role of the state.

THE CONCEPT OF A «SMART CITY»: CHALLENGES AND DEVELOPMENT TRENDS

Tatarinov K. A.

In 1800, only 3% of the world's population was located in cities of more than 5,000 people. By the end of the third decade of the 21st century, there will be 43 megacities in the world with a population of 10 million people or more. The urban population is growing by about 70 million per year and by 2050 two thirds of people will live in cities. The industrial revolutions of the XVIII-XXI centuries contributed to changes in the functioning of cities

and their industrialization. The expansion of urbanized urban areas in territorial, demographic and economic terms has led to the creation of global urban agglomerations. Progressive urbanization and the associated overexploitation of natural resources are a key problem for city authorities. The concept of a smart city is trying to answer previously non-existent problems. This concept has great potential, which, if used correctly, will contribute to creating a comfortable life in the city. After all, a smart city does not create barriers between residents and officials. The article describes four concepts of smart city and indicates the appropriate directions of city management, taking into account the relationship between modern network technologies and the urban community.

Keywords: Smart City, smart city, intelligent management, smart economy, Singapore, smart people, intelligent mobility, smart life, intelligent environment, problems of urbanization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баталов Р. П., аспирант кафедры экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Буценко И. Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда А. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда О. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Дерябина Д. А., магистрант факультета международных экономических отношений ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Ергин С. М., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Илясова Ю. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Климовец О. В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ»

Мезенцева Е. В., кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Тихорецке

Никитина М. Г., доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Орлова Д. Р., доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Ровенчак О. И., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Соловьева В. И., старший преподаватель кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Соловьева Л. В., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»

Татаринев К. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и сервиса ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

СОДЕРЖАНИЕ

Горда А. С. Направления трансформации внешнеторговой политики стран.....	3
Горда О. С. Формирование внешнеторговой политики стран в условиях развития цифрового неопротекционизма	14
Ергин С. М., Баталов Р. П. Шумпетеровская теория предпринимательства: современное состояние и повестка дня	26
Илясова Ю. В. Зарубежный опыт реализации механизмов государственной поддержки прямых иностранных инвестиций в реальный сектор экономики	34
Климовец О. В. Информационная безопасность России как гарантия устойчивого развития международного бизнеса	45
Мезенцева Е. В. Прогнозирование валового регионального продукта на основе корреляционно-регрессионной модели (на материалах Краснодарского края).....	51
Никитина М. Г., Буценко И. Н. Синтез научных представлений о понятии «конкурентоспособность страны»	58
Орлова Д. Р., Дерябина Д. А. Проблемы и перспективы функционирования банковского сектора США в условиях цифровизации.....	68
Ровенчак О. И. Экспортный потенциал Южного макрорегиона: приоритеты и тренды развития	81
Соловьева Л. В., Соловьева В. И. Национальные приоритеты устойчивого развития экономики российского образования	89
Татаринев К. А. Концепция «умного города»: вызовы и тенденции развития.....	106
Summaries	119
Сведения об авторах.....	126
Содержание	128
Contents	129

CONTENTS

Gorda A. S. Directions for transformation of foreign trade policies of countries	3
Gorda O. S. Formation of foreign trade policies of countries in the conditions of digital neo-protectionism development	14
Ergin S. M., Batalov R. P. Schumpeterian entrepreneurship theory: current state and agenda	26
Ilyasova Yu. V. Foreign experience in implementing mechanisms of state support for FDI in the real sector of the economy	34
Klimovets O. V. Information security of Russia as a guarantee of sustainable development of international business	45
Mezentseva E. V. Forecasting of the gross regional product based on the correlation and regression model (based on the materials of the Krasnodar territory).....	51
Nikitina M. G., Butsenko I. N. Synthesis of scientific ideas about the concept of «country competitiveness»	58
Orlova D. R., Deryabina D. A. Problems and prospects of functioning of the US banking sector in the context of digitalization.....	68
Rovenchak O. I. Export potential of the Southern macroregion: priorities and development trends	81
Solovieva L. V., Solovieva V. I. National priorities for sustainable development of the Russian education economy	89
Tatarinov K. A. The concept of a «smart city»: challenges and development trends	106
Summaries	119
Authors Data.....	126
Contents.....	129